

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2019. № 2 (6)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmína, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Йонг-Хван Парк, PhD, профессор, PAI CHAI UNIVERSITY (Корея)
Yong-Hwan Park, PhD, Professor, PAI CHAI UNIVERSITY (Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Самотик Л.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Samotik L.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Е.И. Шевчугова

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ И.А. ГОНЧАРОВА
(ПО КНИГЕ «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“»)

E.I. Shevchugova

SIBERIAN TEXT BY I.A. GONCHAROV
(BASED ON THE BOOK "FRIGATE "PALLADA")

Т.А. Загидулина

ПОЛЕ ВИДЕНИЯ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ВЗГЛЯДА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ М.А. БУЛГАКОВА

T.A. Zagidulina

FIELD OF VISION AND VIEW-DIRECTION
IN M.A. BULGAKOV'S FICTION

СЛОВЕСНОСТЬ НА ИСХОДЕ XX ВЕКА: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Н.В. Ковтун, М.В. Ларина

ФЕНОМЕН КАРНАВАЛИЗАЦИИ
В РОМАНЕ КРИСТОФА РАНСМАЙРА
«ПОСЛЕДНИЙ МИР»

N.V. Kovtun, M.V. Larina

THE PHENOMENON OF CARNIVALIZATION
IN CHRISTOPH RANSMAYR'S NOVEL
"THE LAST WORLD" (GERMAN: DIE LETZTE WELT)

Е.О. Новикова

«НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» — ЕГО АВТОРЫ И ГЕРОИ

E.O. Novikova

"NEW REALISM" – AUTHORS AND MAIN CHARACTERS

[33]

[45]

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ

Н.А. Непомнящих, И.С. Полторацкий

КОРЯКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА

N.A. Nepomnyaschikh, I.S. Poltoratsky

KORYAK LITERATURE: GENESIS AND POETICS

[55]

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Г.С. Спиридонова, Т.А. Степанова

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

G.S. Spiridonova, T.A. Stepanova

THE CONCEPT OF "FAMILY" IN THE LINGUISTIC
WORLDVIEW OF THE JUNIOR SCHOOL PUPILS

[4]

[66]

[22]

О.В. Петешова, А.В. Скогорева

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ
ПРИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯХ

O.V. Peteshova, A.V. Skogoreva

TOPONYMIC SPACE AND SOME SPECIFIC ASPECTS
OF ITS FORMATION IN THE REGIONAL RENAMING

[79]

А.В. Кипчатова

РЕАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»
В ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРЫ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

A.V. Kipchatova

IMPLEMENTATION OF THE "FRIEND-OR-FOE"
OPPOSITION IN THE LANGUAGE
OF EXTREMIST LITERATURE

[89]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[100]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-05>

УДК 82-31

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ И.А. ГОНЧАРОВА (ПО КНИГЕ «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“»)

Е.И. Шевчугова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье описаны малоизученные в гончароведении «Сибирские главы» путешествия И.А. Гончарова. Цель статьи – реконструкция гончаровского образа Сибири.

Результаты исследования. Автор делает этнографические зарисовки, сосредоточивает внимание на языковых особенностях сибиряков, создает свой образ Сибири: подчеркивает качественное своеобразие территории, огромное пространство и протяженность и суровость климата, большой потенциал развития края. Создается яркий образ сибиряка-подвижника. Главы «Фрегата...», с одной стороны, включаются в традицию изображения образа Сибири русскими писателями, с другой – демонстрируют собственно авторские акценты.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, «Фрегат „Паллада“», сибирский текст, Якутск, Иркутск, образ Сибири, климат, образ сибиряка, подвижничество, традиция.

Путешествие И.А. Гончарова, итогом которого явилась книга очерков, длилось более двух лет: 7 октября 1852 года экспедиция вышла из Кронштадта, возвращение писателя в Петербург состоялось 25 февраля 1855 года. Основные вехи обозначены так: 9 сентября 1854 года повествователь оказывается в Якутске (часть VII второго тома «Обратный путь через Сибирь»), в конце ноября отправляется из Якутска в Иркутск (части VIII «Из Якутска» и IX «До Иркутска»), который покидает в январе 1855 года. На этом оканчиваются и его заметки о Сибири. К «сибирским главам» примыкает очерк «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске», написанный в конце 1870-х годов, более чем через 30 лет после возвращения. Принципиальное его отличие от основной книги не только в присутствии ему дискурса воспоминания (два тома «Фрегата...» писались во время путешествия), но и в изменении главного объекта повествования: автор сосредоточен на описании людей, тогда как в основном томе – на самом путешествии, дороге, быте сибиряков и коренных жителей тех мест.

Постановка проблемы. «Сибирским главам» в книге отводится всего около ста страниц: вероятно, сказываются усталость путешественника, насыщенность впечатлениями, сложность почтового сообщения. Меняется и характер передвижения: от дальнего плавания, которое продолжается уже без малого два года, повествователь чувствует потребность «полечиться берегом» – так начинается его долгий путь через Сибирь. Гончаров сравнивает пеший путь с морским, и это сравнение оказывается не в пользу первого: «Да, это путешествие не похоже уже на роскошное плавание на фрегате: спишь одетый, на чемоданах; ремни вреза-

лись в бока, кутаешься в пальто: стенки нашей каюты выстроены, как балаган; щели в палец; ветер сквозит и свищет – все а jouг, а слава Богу, ничего: могло бы быть и хуже» [Гончаров, 1997, с. 652]. Неоднократно писатель, славившийся привычкой к комфорту, обращает внимание на разницу в отношении к природным и бытовым неудобствам в Петербурге и в путешествии: «Как бы, кажется, около половины сентября лечь раздетому спать на дворе, без опасности простудиться насмерть? Ведь березовая кора не бог знает какие стены. В Петербурге сделаешь это и непременно простудишься, в Москве реже, а еще далее, и особенно в поле, в хижине, кажется, никогда» [Гончаров, 1997, с. 669]. Примечательно в этом отношении замечание В.А. Туниманова: «Переход от сорокаградусной жары к сорокаградусным морозам автор перенес неожиданно легко; быстро свыкся он и со специфическими особенностями многомесячного странствия по Сибири, которая произвела на него не менее сильное впечатление, чем диковинные заморские чудеса» [Туниманов, 1998, с. 498].

Обзор научной литературы. При всей значительности гончаровской библиографии в целом и исследований «Фрегата...» в частности анализу «сибирских глав» уделяется значительно меньше внимания, чем «экзотическим» африканским, китайским, японским и др. частям книги очерков. Например, в известной биографии Гончарова из серии «ЖЗЛ» Ю.М. Лощица на нескольких страницах говорится о сибирской части путешествия, но в центре рассмотрения не образ Сибири, созданный писателем, а то, какими трудами он преодолевал последнюю часть пути (Лощиц Ю.М. Гончаров. М., 2004. С. 122). В.А. Котельников вообще считает, что протянувшееся на тысячи верст возвращение автора через всю Сибирь сопровождалось «заурядным – сравнительно с морской частью путешествия – процессом обыденного знакомства с климатом, рельефом, растительностью, населением, административным устройством северной Азии». И дело не в однообразии и бедности тех суровых мест, – продолжает ученый и вспоминает о ярчайших впечатлениях В.Г. Короленко, который побывал в Сибири примерно в то же время, а в особой миропознавательной и повествовательной интенциях Гончарова [Sub..., 2008, с. 514–531, 521–522]. В одной из самых новых монографий – книге В.И. Мельника «Гончаров» (2012) – справедливо указывается, что писателя Сибирь поразила своими масштабами, широкими нравами и подбором людей, свободных, энергичных, предприимчивых, волевых, с независимым характером – и все это во многом благодаря отсутствию крепостного права, а также культурной миссии русских подвижников. На деятельности миссионеров, особенно святителя Иннокентия, автор исследования и сосредоточивается [Мельник, 2012, с. 173]. Хотя скудость библиографии по «сибирским главам» «Фрегата...» и кажется закономерной в силу удаленности самого предмета изображения – Сибири – от центров изучения творчества писателя, но значимость этой части книги признается безусловно. Так, В.А. Туниманов характеризует «сибирские главы» как динамичные и концептуальные, в своем роде не менее поэтические, чем морские [Туниманов, 1998, с. 495]. А Е.А. Краснощекова, в монографии

которой гончаровской Сибири уделяется специальное место (и это почти единственный пример такого внимания к «сибирским главам»), считает, что здесь писатель создает некую утопию, проект будущего, молодой России, которую можно противопоставить как излишне рациональному Западу, так и отставшей по многим параметрам Европейской России [Краснощекова, 1997, с. 209].

Предчувствуя встречу с сибирской землей, Гончаров пишет: «...мне лежит путь через Сибирь, путь широкий, безопасный, удобный, но долгий, долгий! И притом Сибирь гостеприимна, Сибирь замечательна» [Гончаров, 1997, с. 627]. В ранних редакциях далее следовало уточнение: «стоит внимания и изучения»¹. Во многом реальные впечатления совпадут с ожиданиями и, конечно, обогатятся. В августе 1854 года остается всего 500 верст до Аяна, первого пристанища на берегах Сибири. Знакомство с краем открывается встречей на манчжурском берегу с мангунами, ороча, или, по-сибирски, тунгусами. Строго говоря, на современной карте России – это Дальний Восток, еще не Сибирь, а для повествователя-путешественника – это долгие подступы к ней.

На протяжении всех «сибирских глав» рассказчик обращает внимание на **языковые черты** тех, кого он встречает на своем пути. Это продолжение тенденции, принятой автором во время путешествия. Так, говоря об охоте на лосей, он уточняет: «или *сохатых*, по-сибирски» [Гончаров, 1997, с. 626]², как раньше упоминал запомнившиеся слова и выражения африканских племен, корейцев, японцев и пр. Указывает автор и на другие лексические особенности: «Надо знать, что здесь делают большое употребление или, вернее, злоупотребление из однако, как я заметил» [Гончаров, 1997, с. 662]. Находим и описания некоторых черт языковой картины мира местного населения: «Например, у якутов нет слова *плод*, потому что не существует понятия. Под здешним небом не родится ни одного плода, даже дикого яблока: нечего было и назвать этим именем. Есть рябина, брусника, дикая смородина, или, по-здешнему, *кислица*, морошка – но то ягоды» [Гончаров, 1997, с. 689]. Обращают на себя внимание путешественника фонетические и грамматические особенности местных говоров: «Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими звуками, в произношении которых участвуют не только горло, язык, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! то падеж впереди имени, то притяжательное местоимение слито с именем и т.п. И все это преодолено!» [Гончаров, 1997, с. 690].

Наибольший интерес представляет **образ Сибири**, созданный Гончаровым. Обозначим ключевые составляющие. Во-первых, это **качественное своеобразие** Сибири по сравнению с Европейской Россией, повествователь дает ей особое наименование – сибирская Русь: «Нужды нет, что якуты населяют город, а все же мне стало отрадно, когда я въехал в кучу почерневших от времени, одно-

¹ Книга очерков «Фрегат „Паллада“» выдержала 5 прижизненных изданий, до этого публиковалась частями в журналах. Писатель при подготовке каждого следующего издания вносил ряд изменений [Пинженина, 2011, гл. 1, § 2].

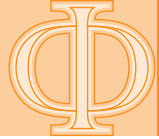
² Подобные примеры можно множить: «вьюга, или, по-здешнему, *пурга*» [Гончаров, 1997, с. 650]; «...снег глубокий, бежать вязко, или, по-здешнему, *убродно*» (с. 700); «от дыхания шарф *закуржавеет* и примерзнет к лицу» [Гончаров, 1998, с. 320] и т.д.

этажных, деревянных домов: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах, обычаях, отчасти, как вы видите, в языке, что и образует ей свою коренную, немного суровую, но величавую физиономию» [Гончаров, 1997, с. 673]. Причем в ранних редакциях (1858 и 1962) этот пассаж был гораздо объемнее и лиричнее: «Взгляните на усеянные мшистыми кочками необозримые пространства тундр, или на дикие и угрюмые, без растительности, горы, с нетающим снегом в трещинах, на реку, которая повезет вас на своих водах не одну тысячу верст, на дикий, сбившийся в непроницаемую чащу, на тысячу же верст, сосняк, ельник и исполинскую листовенницу; увидите иногда зимой пылающее в ослепительном кроваво-розовом пожаре полночное небо и тут же у кого-нибудь, может быть у себя, побелевший, как снег, нос и замерзающее, при сорокаградусном благорастворении воздуха, дыхание; а летом не увидите ни яблока, ни вишни. Вы скажете – это Сибирь <...> которую ее разумные обитатели нарекли *матушкой*, как мы, зауральские жители, нарекли Русь, Москву и Волгу! Вглядитесь в эту матушку, и вы увидите, что она имеет особенную физиономию» [Гончаров, 1998, с. 316–317]. Судя по всему, в целях сокращения текста Гончаров делает фрагмент короче и суше, хотя это было самое эмоционально насыщенное описание Сибири во всей книге.

В.А. Котельников справедливо отмечает, что «интимные эмоциональные вспышки» писатель пытается замаскировать, однако не всегда успешно [Sub..., 2008, с. 529]. Путешественник радуется, когда по мере приближения к Европейской России картина меняется, сохраняя при этом своеобразие: «Слава Богу! все стало походить на Россию: являются частые селения, деревеньки, Лена течет излучинами, и ямщики, чтоб не огибать их, едут через мыски и займки, как называют небольшие слободки. В деревнях по улице бродят лошади: они или заигрывают с нашими лошадьми, или, испуганные звуком колокольчиков, мчатся что есть мочи, вместе с рыжим поросенком, в сторону. Летают воробьи и грачи, поют петухи, мальчишки свищут, машут на проезжающую тройку, и дым столбом идет вертикально из множества труб – дым отечества! Всем знакомые картины Руси! Недостает только помещичьего дома, лакея, открывающего ставни, да сонного барина в окне... Этого никогда не было в Сибири, и это, то есть отсутствие следов крепостного права, составляет самую заметную черту ее физиономии» [Гончаров, 1997, с. 709–710].

Второй определяющей особенностью сибирского края становится **огромное пространство**, его **протяженность**. VII часть второго тома книги очерков, озаглавленная «Обратный путь через Сибирь», начинается с прибытия команды в порт Аян, повествователь уточняет, что до Петербурга, а значит, до дома, остается 10 500 верст. Автор объясняет: сначала ехать 200 верст верхом, затем 600 верст по речке Мая, потом еще 400 до Якутска, Леной 3000 верст до Иркутска, затем еще 6000 от Иркутска до Петербурга. Немыслимое расстояние по тем временам: от Петербурга до Москвы немногим более 600 верст.

Эмоциональная доминанта описаний может быть как положительной, близкой к удивлению, восхищению просторами: «На Каменской станции оканчива-

ется Якутская область, начинающаяся у Охотского моря, – это две тысячи верст: до Иркутска столько же остается – что за расстояния! Какой детской игрушкой покажутся нам после этого поездки по Европейской России!» [Гончаров, 1997, с. 704]; так и ироничной: «Что толку, – пишет повествователь, – что Сибирь не остров, что там есть города и цивилизация? да до них две, три или пять тысяч верст!» [Гончаров, 1997, с. 634]. Или замечает: «Двести верст – небольшая станция!» [Гончаров, 1997, с. 686].

При всем том именно в Сибири чувствуешь себя путешественником в исконном смысле этого слова, – полагает писатель: «„Свет мал, а Россия велика“, – говорит один из моих спутников, пришедший также кругом света в Сибирь. Правда. Между тем приезжайте из России в Берлин, вас сейчас произведут в путешественники: а здесь изъездите пространство втрое больше Европы, и вы все-таки будете только проезжий. В России нет путешественников, все проезжие, несмотря на то что теперь именно это стало наоборот. Разве по железным дорогам путешествуют? Они выдуманы затем, чтоб „проезжать“ пространства, не замечая их. Теперь я вижу, что у нас, в этих отдаленных уголках, только еще и можно путешествовать, в старинном, занимательном смысле слова, с лишениями, трудностями, с запасом чуть не на год провизии, с перинами и самоварами. Да и то, благодаря здешнему начальству, исчезает понемногу. И здесь заводятся удобства: того и гляди скоро не дадут выспаться на снегу и в поварни приставят поваров – беда: совсем истребится порода путешественников!» [Гончаров, 1997, с. 696–697].

Дополняет характеристику Сибири **образ пустыни**, который устойчиво присутствует на страницах книги очерков: «Пустыни, пустыни и пустыни, девственные, если хотите, но скучные и унылые» [Гончаров, 1997, с. 642]. Чаще всего в восприятии путешественника сибирская пустыня печальная или просто скучная, что подчеркивается повторами или игрой слов: «...сам уселся на берегу на медвежьих шкурах. Нельзя сказать, чтоб было весело. Трудно выдумать печальнее местности. С одной стороны Лена – я уж сказал какая – пески, кусты и луга, с другой, к Якутску, – луга, кусты и пески» [Гончаров, 1997, с. 671]³.

Образ пустыни поддерживается описаниями **суровой природы** Сибири. Так, в ранних редакциях был позднее изъятый пассаж: «Что за край! Зимой льды и холод, летом туманы и холод, хотя и не такой, как зимой, однако ж вот теперь 14 июня, день жаркий, а к вечеру надо одеваться в байковое пальто» [Гончаров, 1998, с. 310]. Тем не менее и здесь писатель находит возможность для поэтических впечатлений: «И какое здесь прекрасное небо, даром что якутское: чистое, с радужными оттенками!» [Гончаров, 1997, с. 669]. А описание сибирского леса в пустыне В. А. Туниманов называет «романтической» фантазией Гончарова: «Я сейчас из леса: как он хорош, осыпанный, обремененный снегом! Столетние сосны, ели, лиственницы толпятся группами или разбросаны врозь. Возшел моло-

³ О том же: «Не забудьте, все это в краю, который слывет безымянной пустыней! Он – пустыня и есть. Не раз содрогнешься, глядя на дикие громады гор без растительности, с ледяными вершинами, с лежащим во все лето снегом во впадинах, или на эти леса, которые растут тесно, как тростник, деревья жмутся друг к другу, высасывают из земли скудные соки и падают сами от избытка сил и недостатка почвы». [Гончаров, 1997, с. 681].

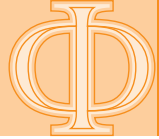
дой месяц и осветил лес, чего тут нет? Какой разгул для фантазии: то будто женщина стоит на коленях, окруженная малютками, и о чем-то умоляет: все это деревья и кусты с нависшим снегом; то будто танцующие фигуры; то медведь на задних лапах; а мертвецов какая пропасть!» [Гончаров, 1997, с. 705].

Пустыня постепенно «наполняется» по мере приближения к относительно крупным населенным пунктам: «Печальный, пустынный и скудный край! Как ни пробуют, хлеб все плохо рождается. Дальше, к Якутску, говорят, лучше: и население гуще, и хлеб богаче, порядка и труда больше» [Гончаров, 1997, с. 651]. И действительно, спускаясь по реке Мае, автор замечает, что переселенцы все более хвалят свое житье-бытье [Гончаров, 1997, с. 653]. «Еду я все еще по пустыне и долго буду ехать: дни, недели, почти месяцы. Это не поездка, не путешествие, это особая жизнь: так длинен этот путь, так однообразно тянутся дни за днями, мелькают станции за станциями, стелются бесконечные снежные поля, идут по сторонам Лены высокие горы с красивым лиственничным лесом.

Еще однообразнее всего этого лежит глубокая ночь две трети суток над этими пустынями» [Гончаров, 1997, с. 699–700].

В таком пространстве обретается **иной** по сравнению с европейской частью России **человек**: «Вы, конечно, не удивляетесь, что я не говорю ни о каких встречах по дороге? Здесь никто не живет, начиная от Ледовитого моря до китайских границ, кроме кочевых тунгус, разбросанных кое-где на этих огромных пространствах. Даже птицы, и те мимолетом здесь» [Гончаров, 1997, с. 644]. И человек ощущает себя другим: «Тоска сжимает сердце, когда проезжаешь эти немые пустыни <...> Выработанному человеку в этих невыработанных пустынях пока делать нечего. Надо быть отчаянным поэтом, чтоб на тысячах верст наслаждаться величием пустынного и скукой собственного молчания, или дикарем, чтоб считать эти горы, камни, деревья за мебель и украшение своего жилища, медведей – за товарищей, а дичь – за провизию» [Гончаров, 1997, с. 645].

Именно в сибиряке, человеке, который еще только «вырабатывается», – полагает писатель, – заложен **потенциал развития** Сибири. Размышления о судьбе Сибирского края сформулированы в публицистических отступлениях. Доминанты здесь: величие, скорое пробуждение, необходимость титанической работы: «Несмотря, однако ж, на продолжительность зимы, на лютость стужи, как все шевелится здесь, в краю! Я теперь живой, заезжий свидетель того химически-исторического процесса, в котором пустыни превращаются в жилые места, дикари возводятся в чин человека, религия и цивилизация борются с дикостью и вызывают к жизни спящие силы. Изменяется вид и форма самой почвы, смягчается стужа, из земли извлекается теплота и растительность <...> Кто же, спросят, этот титан, который ворочает и сушей и водой? кто меняет почву и климат? Титанов много, целый легион; и все тут замешаны, в этой лаборатории: дворяне, духовные, купцы, поселяне – все призваны к труду и работают неутомимо <...> А создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом...» [Гончаров, 1997, с. 677–678].

Как много уже сделано, – восхищается повествователь, – через преодоление, чаще всего вопреки, а не благодаря обстоятельствам, природным особенностям. Обращаясь в письме к Аполлону Николаевичу Майкову, Гончаров отмечает характерную особенность – соединение дикого и освоенного, опасного и вполне комфортного: «...подвиги, совершаемые в здешнем краю, о котором свежи еще в памяти у нас мрачные предания как о стране разбоев, лихоимства, безнаказанных преступлений? А вот вы едете от Охотского моря, как ехал я, по таким местам, которые еще ждут имен в наших географиях, да и весь край этот не все у нас, в Европе, назовут по имени и не все знают его пределы и жителей, реки, горы; а вы едете по нем и видите поверстные столбы, мосты, из которых один тянется на тысячу шагов. Конечно, он сколочен из бревен, но вы едете по нем через непроходимое болото. Приезжаете на станцию, конечно в плохую юрту, но под кров, греетесь у очага, находите летом лошадей, зимой оленей и смело углубляетесь, вслед за якутом, в дикую, непроницаемую чащу леса, едете по руслу рек, горных потоков, у подошвы гор или взбираетесь на утесы по протоптаным и – увы! где романтизм? – безопасным тропинкам. Вам не дадут ни упасть, ни утонуть, разве только сами непременно того захотите...» [Гончаров, 1997, с. 680].

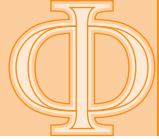
Многое в Сибири путешественник рассматривает через оппозицию «свое – чужое» или «русское – нерусское», причем первое явно со временем начинает преобладать: «Много русского и нерусского, что со временем будет тоже русское» [Гончаров, 1997, с. 674]. Особенно это становится заметно при взаимодействии русских и местного населения. Любопытен эпизод, в котором рассказывается об употреблении якутского языка: повествователя удивляет обычай русских якутов (есть еще якутские якуты) говорить между собой по-якутски. Сначала он обнаруживает эту особенность в общении отца с дочерью Матреной (оба русские): «Ох, еще сильна у нас страсть к иностранному: не по-французски, не по-английски, так хоть по-якутски пусть дети говорят!» [Гончаров, 1997, с. 659]. Затем в общении братьев, тоже русских. Поселенцы поясняют: «Обычай такой...» [Гончаров, 1997, с. 662]. «Сами якуты, затрудняясь названием многих занесенных русскими предметов, называют их русскими именами, которые и вошли навсегда в состав якутского языка. Так, хлеб они и называют хлеб, потому что русские научили их есть хлеб, и много других, подобных тому» [Гончаров, 1997, с. 689]. Уделяет внимание автор **этнографическим зарисовкам**, описывая и русских и якутов. Например, о семье русских в Семи Протоках (недалеко от Аяна) пишет: «Мы вошли в их бедную избу, пили чай и слушали рассказы о трудностях и недостатках, с какими, впрочем, неизбежно сопряжено первоначальное водворение в новом краю. В избе и около избы толпились ребятишки с голыми ногами, грудью и даже с голым брюхом. Мы дали им две рубашки, и мальчишки с гордостью и радостью надели их. Благодарностям не было конца» [Гончаров, 1997, с. 650]. При этом уровень жизни не зависит от национальной принадлежности, скорее это следствие жизни в скудном и тяжелом для хозяйствования краю, поскольку ту же бедность видим и в семьях якутов: «Якуты – народ с широкими скулами,

с маленькими глазами, таким же носом; бороду выщипывает; смуглый и с черными волосами. Они, должно быть, южного происхождения и родня каким-нибудь манчжурам. Все они христиане, у всех медные кресты; все молятся; но говорят про них, что они не соблюдают постановлений церкви, то есть постов. Да и трудно соблюдать, когда нечего есть. Они едят что попало, белок, конину и всякую дрянь; выпрашивают также у русских хлеба» [Гончаров, 1997, с. 651].

Всего в Аяне, – пишет Гончаров, – обретается около 200 жителей: чиновники с семьями, казаки, состоящие на военной службе, и якуты на службе штатской. Конечно, именно якуты привлекают внимание рассказчика: «Якуты все оседлые и христиане, все одеты чисто и, сообразно климату, хорошо. И мужчины и женщины носят фризвые капоты, а зимой – олений или нерпичий мех, вывороченный наизнанку. От русских у них есть всегда работа, следовательно, они сыты, и притом, я видел, с ними обращаются ласково» [Гончаров, 1997, с. 633]. При этом все равно автор замечает: дико, бедно, хотя по-своему опрятно [Гончаров, 1997, с. 657]. Гончаров констатирует: «Две якутки хлопчут около какой-то кастрюли. По платью их не отличишь от мужчин, только и можно узнать по серьгам» [Гончаров, 1997, с. 658]. Вообще, якутка описывается как «какое-то существо, всего меньше похожее на женщину» [Гончаров, 1997, с. 659]. В ранних редакциях далее следовал нелестный комментарий: «похожее больше на поставленную на задние ноги корову» [Гончаров, 1998, с. 315], который снимается автором при переработке текста. Замечает он и следующее: «Видел якутку, одну, наконец, хорошенькую и, конечно, кокетку» [Гончаров, 1997, с. 663].

Хотя повествователь далек от иллюзий насчет воспитания «младенцев человечества» и пишет, что «...якуты теперь едят хлеб, а не кору, носят русское сукно, а не сырую звериную кожу! Дикие добродетели, простота нравов – какие сокровища: есть о чем вздыхать! Говорят, дикари не пьют, не воруют – да, пока нечего пить и воровать; не лгут – потому что нет надобности. Хорошо, но ведь оставаться в диком состоянии нельзя. Просвещение, как пожар, охватывает весь земной шар» [Гончаров, 1997, с. 695], но миссию русских священников и чиновников видит в **просвещении** дикого края. С большим уважением описывает автор деятельность священника Запольского, который воспринимает путь в двести три тысячи верст к подопечным как нормальную привычную для себя работу: «...ведь я не первый: там, верно, кто-нибудь бывал: в Сибири нет места, где бы не были русские». Замечательные слова!» [Гончаров, 1997, с. 687]. При этом, по замечанию В.А. Туниманова, Гончаров противопоставляет «русский цивилизаторский путь европейскому и американскому как более осторожный, предполагающий мирное и постепенное приобщение народов Сибири к условиям новой жизни, к успехам современного прогресса» [Гончаров, 1998, с. 520]⁴. Добавляя к этому бескорыстие цивилизаторской миссии России, писатель восхищается русскими подвижниками: для них – это обычный труд из гуманных просветительских

⁴ О том, что Сибирь увидена Гончаровым в масштабном контексте всемирного движения к «цивилизации», рассуждает В.И. Мельник [Мельник, 2012, с. 172].

целей, а не ради выгоды [Гончаров, 1998, с. 520, 522]. Специально подчеркивает повествователь отсутствие материального интереса миссионеров: «Чукчи остаются до сих пор еще в диком состоянии, упорно держатся в своих тундрах и нередко гибнут от голода, по недостатку рыбы или зверей. Завидная добыча, нечего сказать! Зачем же посылать к ним? А затем, чтоб вывести их из дикости и заставить жить по-человечески, и все даром, бескорыстно: с них взять нечего.

Чукчи держат себя поодаль от наших поселенцев, полагая, что русские придут и перережут их, а русские думают – и гораздо с большим основанием, – что их перережут чукчи. От этого происходит то, что те и другие избегают друг друга, хотя живут рядом, не оказывают взаимной помощи в нужде во время голода, не торгуют и того гляди еще подерутся между собой» [Гончаров, 1997, с. 691–692]. Подлинным титаном считает автор архиепископа Иннокентия [Краснощекова, 1997, с. 215]. Именно описанная Гончаровым миссионерская деятельность просветителей позволяет Е.А. Краснощековой назвать сибирскую Русь «Россия молодая», где цивилизаторы создают «просветленное бытие» через распространение христианской веры и разумной политики местных властей [Краснощекова, 1997, с. 211].

Повествователь **предчувствует изменения**, должны произойти в этом пока диком краю: «...якуты робки и послушны <...> Подъезжаете ли вы к глубокому и вязкому болоту, якут соскакивает с лошади, уходит выше колена в грязь и ведет вашу лошадь – где суше; едете ли лесом, он – впереди, устраняет от вас сучья; при подъеме на крутую гору опоясывает вас кушаком и помогает идти; где очень дурно, глубоко, скользко – он останавливается. „Худо тут, – говорит он, – пешкьюем надо“, вынимает нож, срезывает палку и подает вам, не зная еще, дадите ли вы ему на водку или нет. Это якут, недавно еще получеловек-полузверь!» [Гончаров, 1997, с. 680–681].

В VIII главе II тома, озаглавленной «Из Якутска», представляют интерес впечатления писателя от самого города: здесь 2700 жителей, «Якутск построен на огромной отмели, что видно по пространным пескам, кустам и озерам. И теперь, во время разлива, Лена, говорят, доходит до города и заливают отчасти окрестные поля.

От нечего делать я развлекал себя мыслью, что увижу наконец, после двухлетних странствий, первый русский, хотя и провинциальный, город. Но и то не совсем русский, хотя в нем и русские храмы, русские дома, русские чиновники и купцы, но зато как голо все! Где это видано на Руси, чтоб не было ни одного садика и палисадника, чтоб зелень, если не яблонь и груш, так хоть берез и акаций, не осеняла домов и заборов? А этот узкоглазый, плосконосый народ разве русский? Когда я ехал по дороге к городу, мне попадались навстречу якуты, якутки на волах, на лошадях, в телегах и верхом.

Городские якуты одеты понаряднее. У мужчин грубого сукна кафтан, у женщин тоже, но у последних полы и подол обшиты широкой красной тесьмой; на голове у тех и у других высокие меховые шапки, несмотря на прекрасную, даже

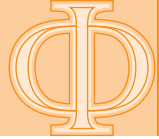
жаркую, погоду⁵. Якуты стригутся, как мы, оставляя сзади за ушами две тонкие пряди длинных волос, – вероятно, последний, отдаленный намек на свои родственные связи с той тесной толпой народа, которая из Средней Азии разбре-лась до берегов Восточного океана. Я в этих прядях видел сокращение китайской косы, которую китайцам навязали манчжуры. А может быть, якуты отпускают сзади волосы подлиннее просто затем, чтоб защитить уши и затылок от жестокой зимней стужи» [Гончаров, 1997, с. 671–672].

Несколько примечательных эпизодов «сибирских глав» посвящены **проблеме выпивки**. Так, тунгус, прозванный моряками с фрегата Афонькой, подрабатывает то проводником, то охотником. На вопрос, чего хочешь за труды, отвечает – бутылочку [Гончаров, 1997, с. 626]. И медвежью шкуру добывает по тому же тарифу: «за бутылочку». И к команде старается выходить во время раздачи вина. Хотя нельзя сказать, что проблема носит массовый характер. Гончаров специально говорит об отсутствии вина: «А вина нет нигде на расстоянии тысячи двухсот верст. Там, где край тесно населен, где народ обуздывается от порока отношениями подчиненности, строгостью общего мнения и добрыми примерами, там свободное употребление вина не испортит большинства в народе. А здесь – в этом молодом крае, где все меры и действия правительства клонятся к тому, чтобы с огромным русским семейством слить горсть иноплеменных детей, диких младенцев человечества, для которых пока правильный, систематический труд – мучительная, лишняя новизна, которые требуют осторожного и постепенного воспитания, – здесь вино погубило бы эту горсть, как оно погубило диких в Америке» [Гончаров, 1997, с. 685].

«Я выше сказал, что от Якутска до Охотского моря нет вина; против тайного провоза его приняты очень строгие меры. Если зло затем и прокрадется, так в такой незначительной степени, что оно уже не составит общей гибели» [Гончаров, 1997, с. 695]. Вероятно, именно такое впечатление хотел создать у читателя автор, либо не зная о многочисленных нарушениях закона, либо сознательно их редуцируя с целью создания целостной картины. В Примечаниях к «Фрегату...» по этому поводу специально указано, что запреты на ввоз и торговлю вином постоянно нарушались и контрабанда спирта в Восточной Сибири к середине XIX века приобрела широкий размах [Гончаров, 1998, с. 760]. Но даже употребление вина здесь имеет особенности, обусловленные отдаленностью края. Гончаров рассказывает, что у И.И. Андреева состоялся прощальный обед в честь писателя: «Не было забыто и „холодненькое“ (шампанское) из-за хребта. Оно там стоило семь рублей бутылка – это правда; но там нет ни театров, ни других увеселительных мест, ни тех дам... которые стоят мужчинам больших расходов, так что денег было тратить некуда» [Гончаров, 1998, с. 72].

Главы «Фрегата „Паллады“» насыщены картинами экзотических мест, впечатлениями от природы Манилы, Явы, Африки, Японии и т.д. На этом фоне описания природы Сибири довольно скудны и однообразны. Рассказывая о Якут-

⁵ В ранних редакциях следовало: «Если станет очень жарко, якут снимает шапку и подставляет голову под солнце» [Гончаров, 1998, с. 316].

ске, повествователь прямо заявляет: «Правду сказать, и нечего описывать. Природа... можно сказать – никакой природы там нет. Вся она обозначена в семи следующих стихах, которыми начинается известная поэма Рылеева „Войнаровский“:

На берегу широкой Лены
Чернеет длинный ряд домов
И юрт бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких» [Гончаров, 1998, с. 55].

На фоне скудной природы художественным контрастом выделяются люди, с которыми знакомится Гончаров во время своего странствования по Сибири: «Сколько холодна и сурова природа, столько же добры и мягки там люди. Меня охватили ласка, радушие, желание каждого жителя наперерыв быть чем-нибудь приятным, любезным» [Гончаров, 1998, с. 56]. Даже спустя 30 лет после возвращения из путешествия писатель вспоминает радушие местных жителей: «В самом деле, сибирские природные жители добрые люди. Сперанский будто бы говорил, что там и медведи добрее уральских, то есть европейских. Не знаю, как медведи, а люди в самом деле добрые.

Я в день, в два перезнакомился со всеми жителями, то есть с обществом, и в первый раз увидел настоящих сибиряков в их собственном гнезде: в Сибири родившихся и никогда ни за Уральским хребтом с одной стороны, ни за морем с другой – не бывших. Петербург, Москва и Европа были им известны по слухам от приезжих „сверху“ чиновников, торговцев и другого люда, как Америка, Восточный и Южный океаны с островами известны были им от наших моряков, возвращавшихся Сибирью или „берегом“ (как говорят моряки) домой, „за хребет“, то есть в Европу» [Гончаров, 1998, с. 57]. Оригинальность, своеобразие, достоинство, независимость, неопиcуемый, но четко улавливаемый «шик» – так Гончаров характеризует своих сибирских знакомых: например, вспоминает, что Иван Иванович Андреев «вошел в комнату своеобразно, свободно, с шиком, свойственным сибирякам» [Гончаров, 1998, с. 64]. Встречается более общее заключение, относящееся уже не к единичному знакомому, а к сибирякам в целом: «Все это составляло сибирскую буржуазию, там на месте урожденную, выросшую и созревшую, или, скорее, застывшую в своих природных формах и оттого имеющую свой сибирский отпечаток: со своим оригинальным свободным взглядом на мир Божий вообще – и свой независимый характер, безо всякой печати крепостного права, хотя в то же время к „предержавшим властям“ почтительную, скромную, но носящую в себе свое достоинство» [Гончаров, 1998, с. 57].

В ранних редакциях книги очерков был еще один замечательный фрагмент, точно характеризующий **сибиряка** в понимании писателя: «Увидите вы потом скачущего на бешеной тройке, запрятавшегося в повозку, зарывшегося в меха человека – и все: лошади, повозка, человек и кучер его, и усы, и борода, и брови у

обоих – все оковано льдом и засыпано снежным пухом; услышите, что он мчит-ся за несколько сот верст к приятелю на именинный пирог или за четыре тысячи верст перемолвить о деле; взгляните на его дорожный провиант – чуть не камни: ши в кусках, мерзлая, сырая, наструганная, как щепки рыба; узнаете, что он никогда не бывал в больших городах, не знает наших театров, раутов, пуще всего тесноты, что он не переступал за Уральский хребет, но увидите, однако ж, у него на столе живые ананасы и апельсины, он пьет шампанское как квас, небрежно сыпет груды золота, которые находит у себя под ногами, на своем золотом дне, и сыплет часто на помощь своим же братьям, сибирякам, да на благосостояние своей же любимой Сибири, иногда брызги металла летят дальше, перескакивают за Урал. Это опять сибиряк. Увидите в лесу косматого, неуклюжего обитателя, гонящегося за оленем, – оленя, отрывающего из-под глубокого снега мох, скачущего по горам дикого козла, прыгающих по деревьям соболей, белок – это все сибиряки и сибирячки» [Гончаров, 1998, с. 316–317]. Гончаров пока не дифференцирует особенно сибиряков по гендерному признаку, гораздо позже, в произведениях писателей-сибиряков, смысловой акцент будет перенесен на особую породу женщины-сибирячки [Шевчугова, 2018, с. 33].

На страницах «сибирских глав» появляется и **герой-подвижник**, который вызывает искреннее уважение повествователя. Даже не герой, а персонаж, не претендующий на героизм или признание своих заслуг: «На Мае есть, между прочим, отставной матрос Сорокин: он явился туда, нанял тунгусов и засеял четыре десятины, на которые истратил по 45 руб. на каждую, не зная, выйдет ли что-нибудь из этого. Труд его не пропал: он воротил деньги с барышом, и тунгусы на следующее лето явились к нему опять. Двор его полон скота, завидно смотреть, какого крупного. Мы с уважением и страхом сторонились от одного быка, который бы занял не последнее место на какой-нибудь английской хозяйственной выставке. Сорокин живет полным домом; он подал к обеду нам славной говядины, дичи, сливок. Теперь он жертвует всю свою землю церкви и переселяется опять в другое место, где, может быть, сделает то же самое. Это тоже герой в своем роде, маленький титан. А сколько их явится вслед за ним! и имя этим героям – легион: здешнему потомству некого будет благословить со временем за эти робкие, но великие начинания. Останутся имена вождей этого дела в народной памяти – и то хорошо. Никто о Сорокине не кричит, хотя все его знают далеко кругом и все находят, что он делает только „как надо“. На стенах у него висят в рамках похвальные листы, данные ему от начальников здешнего края» [Гончаров, 1997, с. 683].

Исследовательница Е.А. Краснощекова справедливо замечает, что в пробуждение Сибири вовлечены все слои общества: крестьяне-переселенцы, торговцы, чиновники, миссионеры, большинство из которых – энтузиасты, наделенные христианскими добродетелями [Краснощекова, 1997, с. 213]. Гончаров обращает внимание на сибирское **чиновничество**: «Сколько трудов, терпения, внимания – на таких пространствах, куда никто почти не ездит, где никто почти не живет! Если б видели наши столичные чиновные львы, как здешние служащие

(и сам генерал-губернатор) скачут по этим пространствам, они бы покраснели за свои так называемые неусыпные труды...» [Гончаров, 1997, с. 660]. Через 30 лет в очерке-воспоминании «По Восточной Сибири» суждение писателя остается тем же: «...глухой край, требующий энергии, силы воли, железного характера, вечной бодрости, крепости, свежести лет и здоровья» [Гончаров, 1998, с. 59].

С благодарностью пишет Гончаров об одном из чиновников: «И то сколько раз из глубины души скажет спасибо заботливому начальству здешнего края всякий, кого судьба бросит на эту пустынную дорогу, за то, что уже сделано и что делается понемногу, исподволь, – за безопасность, за возможность, хотя и с трудом, добраться сквозь эти, при малейшей небрежности непроходимые, места! В одном месте, в палатке, среди болот, живет инженерный офицер; я застал толпу якутов, которые расчищали землю, ровняли дороги, строили мост. В Алданском селении мы застали исправника К.П. Атласова: он немного встревожился, увидя, что нам трое, с четырьмя людьми при нас и для выюков, нужно до восемнадцати лошадей. „Я не знал, что вы будете, – сказал он, – теперь, может быть, по станциям уже выпустили лишних лошадей. Надо послать нарочного вперед“. Мы остались тут ночевать; утром, чем свет, лошади были готовы. Мы пошли поблагодарить исправника, но его уже не было. „Где ж он?“ – спрашиваем. „Да уехал вперед похлопотать о лошадях, – говорят нам, – на нарочного не понадеялся“. На третьей станции мы встретили его на самой дурной части дороги. „Все готово, – сказал он, – везде будут лошади“, – и, не отдохнув получаса, едва выслушав изъявления нашей благодарности, он вскочил на лошадь и ринулся в лес, по кочкам, по трясине, через пни, так что сучья затрещали» [Гончаров, 1997, с. 682]. Разумеется, не все идеально в сибирском краю. Повествователь с удовольствием рассказывает анекдот, приключившийся с ним, когда он пытался добиться у ямщиков очередной смены лошадей, получая в ответ мало вразумительные объяснения «нет и не знаем, когда будут»: «Я прожил полторы сутки, наконец созвал ямщиков, и Шеина тоже, и стал записывать имена их в книжку. Они так перепугались, а чего – и сами не знали, что сейчас же привели лошадей» [Гончаров, 1997, с. 706].

Выделяет повествователь два типа чиновников: неизменное восхищение вызывает у него деятельный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, а гражданский губернатор П.П. Игорев (по указанию Гончарова, имя вымышленное) представляет другой тип: «И вдруг такому деятелю, в своем роде титану, как Муравьев, дали в помощники чиновника, дельца, редактора докладов, донесений и отношений! „Да ведь вы не на своем месте!“ – хотелось мне сказать после первых свиданий и разговоров с губернатором. У меня еще так свеж был в памяти образ настоящего пионера-бойца с природой, с людьми на месте – с инородцами, разными тунгусами, орочами, соседними с Сибирью китайцами, чтоб отвоевать от них Амур, <...> он одолевал природу, оживлял, обрабатывал и населял бесконечные пустыни» [Гончаров, 1998, с. 60]. Конечно, не всех чиновников поголовно может назвать повествователь подвижниками: «Если медведи в Сибири, по словам Сперанского, добрее

зауральских, зато чиновники сибирские исправляли их должность и отличались нередко свирепостью» [Гончаров, 1998, с. 59]. Но в целом вывод, к которому приводит читателя автор, складывающийся из мозаики персонажей «сибирских глав», множества человеческих лиц самых разных сословий, состояний, видов деятельности, даже национальностей, сформулирован еще в первых редакциях: «Но кто бы ожидал, что в их скромной и, по-видимому, неподвижной жизни было не меньше движения и трудов, нежели во всяких путешествиях? Я узнал, что жизнь их не неподвижная, не сонная, что она нисколько не похожа на обыкновенную провинциальную жизнь; что в сумме здешней деятельности таится масса подвигов, о которых громко кричали и печатали бы в других местах, а у нас, из скромности, молчат» [Гончаров, 1997, с. 684–685].

Наконец, особым образом подсвечена в «сибирских главах» и **фигура** самого **повествователя**: здесь в основном обнаруживается характерное для всей книги желание оправдать собственное присутствие на страницах текста. Приведем замечание из <Предисловия автора к третьему изданию «Фрегата „Паллада“> 1879 года: «Утверждают, что присутствие живой личности вносит много жизни в описания путешествий: может быть, это правда, но автор, в настоящем случае, не может присвоить себе ни этой цели, ни этой заслуги. Он, без намерения и также по необходимости, вводит себя в описания, и избежать этого для него было трудно. Эпистолярная форма была принята им не как наиболее удобная для путевых очерков: письма действительно писались и посылались с разных пунктов к тем или другим друзьям, как это было условлено между ними и им. А друзья интересовались не только путешествием, но и судьбою самого путешественника и его положением в новом быту. Вот причина его неотлучного присутствия в описаниях» [Гончаров, 1998, с. 82]. Кроме того, от издания к изданию в ходе авторской корректуры происходят сокращение, эмоциональное сглаживание текста, самоустранение повествователя [Пинженина, 2011, гл. 1, § 2]. При этом Гончаров верен себе, говоря о последних неделях путешествия, он признается: «Мне хотелось скорей в Европу, за Уральский хребет, где... у меня ничего не было. Брат мой был женат, сестры были замужем, одна из них вдова. Все они были заняты своими интересами. В Петербурге тоже я был один, свободен, как ветер» [Гончаров, 1998, с. 78–79].

В.А. Туниманов в Примечаниях к Полному собранию сочинений и писем И.А. Гончарова делает вывод, с которым трудно не согласиться: писатель «открыл русскому читателю Сибирь, и, возможно, это самое значительное открытие во „Фрегате...“» [Гончаров, 1998, с. 521]. Исследователи отмечают, что образ Сибири у Гончарова получился во многом идеализированным и объясняют это авторской концепцией изображения: намеренным избеганием драматических эпизодов, описания конфликтов, противоречий⁶, – концепцией, которая действовала на протяжении всей книги очерков. О важности «сибирских глав» «Фрегата...»

⁶ С.Н. Гуськов в статье «Жители Луны (комментируя «Фрегат „Палладу“»)» называет это характерной для Гончарова апологией обыкновенного [Sub..., 2008, с. 550].

говорит и тот факт, что в черновиках ключевого романа писателя «Обломов» основная деятельность Штольца первоначально была направлена именно на преобразование и благо Сибири [Краснощекова, 1997, с. 217].

На страницах «сибирских глав» книги очерков складывается особенный гончаровский образ Сибири. С одной стороны, этот образ коррелирует с традиционным для русской литературы сибирским хронотопом: страна холода, зимы, ночи [Тюпа, 2002, с. 28]; место отдаленное, характеризующееся этнической инаковостью [Анисимов, 2010, с. 68]. С другой стороны, Гончаров подчеркивает другие черты сибирского края, принципиально важные для себя: здесь смешано свое и чужое, дикое и привнесенное русскими, Сибирь своеобразна, имеет особую физиономию, почти неограниченный потенциал развития, это край огромных, немислимых для европейца просторов, суровой природы и часто трудной для возделывания земли, и в то же время место, где живут необыкновенные люди – сибиряки, сильные, свободные, способные на титанический труд. Не подлежит сомнению вера писателя в большое будущее Сибирского края.

В XX веке традиции классической литературы, в том числе Гончарова, в изображении сибирского топоса продолжают свое развитие в творчестве В. Астафьева, В. Распутина, А. Варламова, А. Тарковского и др., но это будет происходить уже не с точки зрения временного наблюдателя, путешественника, а изнутри, в размышлениях человека, Сибирью рожденного, вскормленного сибирской природой и культурой, следовательно, менее отстраненно и более глубоко описывающего свою малую родину [Ковтун, 2015, с. 153–190].

Библиографический список

1. Анисимов К.В. Сибирский текст в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: кол. монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск, 2010. С. 63–69.
2. Васильева С.А. Философия истории в книге И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
3. Вильчинский В.П. Морские путешествия. Гончаров. Григорович // Вильчинский В.П. Русские писатели-маринисты. М.; Л., 1966. С. 70–111.
4. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 1997. Т. 2; 1998. Т. 3.
5. Гуськов С.Н. Любимое дитя Гончарова: Книга очерков «Фрегат „Паллада“» // Литература в школе. 2003. № 5. С. 9–14.
6. Дановский А.В. Пушкинские поэтизмы в эпопее И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» // Русская речь. 2004а. № 3. С. 11–16.
7. Дановский А.В. «Фрегат „Паллада“» И.А. Гончарова – очерковая эпопея путешествия // Литературная учеба. 2004б. № 5. С. 95–104.
8. Ковтун Н.В. «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2015.
9. Краснощекова Е.А. Национальная ментальность, прогресс и религия («Фрегат „Паллада“» И.А. Гончарова) // Русская литература. 1993. № 4. С. 66–79.
10. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.

11. Краснощекова Е.А. «Фрегат „Паллада“»: путешествие как жанр (Н.М. Карамзин и И.А. Гончаров) // Русская литература. 1992. № 4. С. 12–31.
12. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом / публ. Т.Д. Кузовкиной // Знамя. 1997. № 9. С. 157–162.
13. Максимов В.В. «Фрегат „Паллада“» И.А. Гончарова (Герой и жанр): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1990.
14. Мельник В.И. Новое о путешествии И.А. Гончарова на фрегате «Паллада» // Глобус. 1984. № 8. С. 308–314.
15. Мельник В.И. Гончаров. М., 2012.
16. Недзвецкий В.А. «Фрегат „Паллада“» И.А. Гончарова: загадка жанра // Известия АН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 2. С. 43–55.
17. Орнатская Т.И. История создания «Фрегата „Паллада“» // Гончаров И. А. «Фрегат „Паллада“». Очерки путешествий: в 2 т. Л., 1986. С. 763–787. (Литературные памятники).
18. Пинженина Е.И. Автор и герой в романной трилогии И.А. Гончарова (структура текста и типология характеров): дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011.
19. Покатилова Н.В. «Фрегат „Паллада“» в творческой эволюции И.А. Гончарова 1840–1850-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
20. Туниманов В.А. Примечания // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 1998. Т. 3.
21. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
22. Фрадкин Н.Г. Фрегат «Паллада» // Фрадкин Н.Г. Необыкновенные путешествия. М., 1978. С. 78–85.
23. Чичкина Л.Г. Пространство как способ выражения авторской позиции в путевых очерках И.А. Гончарова «Фрегата „Паллада“» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Естественные и гуманитарные науки. 2007. № 2(48). С. 104–108.
24. Шкловский В.Б. И.А. Гончаров как автор «Фрегата „Паллада“» // Шкловский В.Б. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955. С. 223–245.
25. Шевчугова Е. И. Архетип бабушки в произведениях И.А. Гончарова, М. Горького и В.П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация // Сибирский филологический форум. 2018. № 4. С. 31–36.
26. Энгельгардт Б.М. «Фрегат „Паллада“» // Энгельгардт Б.М. Избранные труды. СПб., 1995. С. 225–269.
27. Sub specie tolerantiae. Памяти В.А. Туниманова. СПб., 2008.

Сведения об авторе

Шевчугова Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-05>

SIBERIAN TEXT BY I.A. GONCHAROV (BASED ON THE BOOK “FRIGATE “PALLADA”)

E.I. Shevchugova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article describes “Siberian Chapters” of I.A. Goncharov’s journey-notes, insufficiently studied by specialists. The goal of the article is to reconstruct the image of Siberia as it was seen by Goncharov.

Results of the research. The writer made ethnographic sketches, focused on the linguistic features of the Siberians, created his own image of Siberia, emphasising the quality of territorial originality, huge spaces and vastness as well as severity of the climate, great potential for the development of the region. He created a vivid image of the Siberian devotee. The chapters of the “Frigate “Pallada” are, on the one hand, in the tradition of depicting the image of Siberia by Russian writers and, on the other, demonstrate the things stressed only by Goncharov.

Keywords: *I.A. Goncharov, “Frigate “Pallada”, Siberian text, Yakutsk, Irkutsk, image of Siberia, climate, image of Siberian, asceticism, tradition.*

Bibliograficheskij spisok

1. Anisimov K.V. Sibirskij tekst v «Brat'jah Karamazovyh» F.M. Dostoevskogo // Sibirskij tekst v nacional'nom sjuzhetnom prostranstve: kol. monografija / otv. red. K.V. Anisimov. Krasnojarsk, 2010. S. 63–69.
2. Vasil'eva S.A. Filosofija istorii v knige I. A. Goncharova «Fregat „Pallada“»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 1998.
3. Vil'chinskij V.P. Morskie puteshestvija. Goncharov. Grigorovich // Vil'chinskij V. P. Russkie pisateli-marinisty. M.; L., 1966. S. 70–111.
4. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. SPb., 1997. Vol. 2; 1998. Vol. 3.
5. Gus'kov S.N. Ljubimoe ditja Goncharova: Kniga ocherkov «Fregat „Pallada“» // Literatura v shkole. 2003. № 5. S. 9–14.
6. Danovskij A.V. Pushkinskie pojetizmy v jepopee I. A. Goncharova «Fregat „Pallada“» // Russkaja rech'. 2004a. № 3. S. 11–16.
7. Danovskij A.V. «Fregat „Pallada“» I.A. Goncharova – ocherkovaja jepopeja puteshestvija // Literaturnaja uchjoba. 2004b. № 5. S. 95–104.
8. Kovtun N.V. «Belovodskij metatekst» v sovremennoj ruskoj proze (k postanovke problemy) // Sibirskaja identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: Tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov / otv. red. N.V. Kovtun. M.: Flinta: Nauka, 2015.
9. Krasnoshhjokova E.A. Nacional'naja mental'nost', progress i religija («Fregat „Pallada“» I.A. Goncharova) // Russkaja literatura. 1993. № 4. S. 66–79.
10. Krasnoshhjokova E.A. Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997.
11. Krasnoshhjokova E.A. «Fregat „Pallada“»: puteshestvie kak zhanr (N.M. Karamzin i I.A. Goncharov) // Russkaja literatura. 1992. № 4. S. 12–31.
12. Lotman Ju.M. Sovremennost' mezhdju Vostokom i Zapadom / publ. T.D. Kuzovkinoj // Znamja. 1997. № 9. S. 157–162.
13. Maksimov V.V. «Fregat „Pallada“» I. A. Goncharova (Geroj i zhanr): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1990.

14. Mel'nik V.I. Novoe o puteshestvii I. A. Goncharova na fregate «Pallada» // Globus. 1984. № 8. S. 308–314.
15. Mel'nik V.I. Goncharov. M., 2012.
16. Nedzveckij V.A. «Fregat „Pallada“» I.A. Goncharova: zagadka zhanra // Izvestija AN. Serija literatury i jazyka. 1993. T. 52, № 2. S. 43–55.
17. Ornatskaja T.I. Istorija sozdanija «Fregata „Pallada“» // Goncharov I.A. «Fregat „Pallada“». Oчерki puteshestvij: V 2 t. L., 1986. S. 763–787. (Literaturnye pamjatniki).
18. Pinzhenina E.I. Avtor i geroj v romanoj trilogii I. A. Goncharova (struktura teksta i tipologija harakterov): dis. ... kand. filol. nauk. Krasnojarsk, 2011.
19. Pokatilova N.V. «Fregat „Pallada“» v tvorcheskoj jevoljucii I. A. Goncharova 1840-1850-h godov: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. L., 1989.
20. 22. Tunimanov V.A. Primechanija // Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. SPb., 1998. T. 3.
21. Tjupa V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury // Sibirskij filologičeskij zhurnal. 2002. № 1. S. 27–35.
22. Fradkin N.G. Fregat «Pallada» // Fradkin N.G. Neobyknovennye puteshestvija. M., 1978. S. 78–85.
23. Chichkina L.G. Prostranstvo kak sposob vyrazhenija avtorskoj pozicii v putevyh oчерkah I.A. Goncharova «Fregata „Pallada“» // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Estestvennye i gumanitarnye nauki. 2007. № 2(48). S. 104–108.
24. Shklovskij V.B. I.A. Goncharov kak avtor «Fregata „Pallada“» // Shklovskij V.B. Zametki o proze russkikh klassikov. M., 1955. S. 223–245.
25. Shevchugova E. I. Arhetip babushki v proizvedenijah I. A. Goncharova, M. Gor'kogo i V.P. Astaf'eva: tradicii i avtorskaja interpretacija // Sibirskij filologičeskij forum. 2018. № 4. S. 31–36.
26. Jengel'gardt B.M. «Fregat „Pallada“» // Jengel'gardt B.M. Izbrannye trudy. SPb., 1995. S. 225–269.
27. Sub specie tolerantiae. Pamjati V. A. Tunimanova. SPb., 2008.

About the author

Shevchugova Ekaterina Igorevna – Candidate of Philology, associate professor of the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-06>

УДК 82

ПОЛЕ ВИДЕНИЯ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ВЗГЛЯДА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ М.А. БУЛГАКОВА

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье анализируются проблемы границ поля видения булгаковского наблюдателя. Особое внимание уделено рассмотрению структуры, модификаций и смысловых вариаций этого поля. В работе произведен анализ семантики визуальных образов в ментальном и физическом планах (сон, галлюцинация, бред). В фокусе внимания психические и эмоциональные процессы, происходящие в сознании наблюдателя. Необходимым элементом исследования является мотив самоубийства как один из основных приемов визуальной техники наложения иллюзий.

Методологию исследования составляют комплексный анализ образной структуры художественных текстов – циклов «Записки юного врача», «Записки на манжетах», а также «Театрального романа», обобщение и применение опыта исследования художественного произведения зарубежных и отечественных ученых, признанных научным сообществом. Визуальность в статье рассматривается в том числе и в нарративном ключе.

Результаты. На основе структурно-типологического, культурологического, философского подходов описаны основные элементы поля видения булгаковского наблюдателя. Поставлен вопрос о ключевой роли визионера в раннем творчестве М.А. Булгакова.

Заключение. Выявлена принципиально важная идея взгляда в себя, что дает повод осмысливать визуальные техники автора как фундамент, на котором он выстраивает конструкт текста.

Ключевые слова: *визуальность, наблюдатель, визионер, Булгаков, нарратор, визуальные техники, поле видения.*

Прозу М.А. Булгакова относят к «неклассической», орнаментальной прозе, тенденции которой воплотились в творчестве писателей-модернистов начала XX века. «Переставая быть только объектом выражения, слово до известной степени становится целью, делая форму, художественную конструкцию произведения ощутимой» [Кожевникова, 1976, с. 56]. По мнению Н.А. Кожевниковой, данное обстоятельство создает тесную взаимосвязь словесной формы с мотивами и сюжетами произведения. Принцип лейтмотивности в «орнаментальной» литературе – конструктивный.

В контексте данной работы интересно следующее свойство орнаментальной прозы: «она не стремится к адекватности изображаемой действительности» [Кожевникова, 1976, с. 58]. Она вся состоит из ассоциаций и соответствий, то есть одно толкуется через другое – на уровне текста, например, состояние человека через состояние природы. Все есть лишь отражение. Ценны замечания М. Хатямовой о принципе смены нарратологических масок как об «олицетворении мета-

фор» [Хатямова, 2008, с. 94]. Исследовательница отмечает, что «сказовая структура, основанная на смене повествовательных масок, позволяет прочитывать <...> не только в контексте реалистической традиции, но и в контексте модернистской прозы как воплощения мифа автора, в сознании которого мир распадается на оппозиции» [Хатямова, 2008, с. 94]. У М.А. Булгакова этот принцип реализуется, например, в «Театральном романе», где нарратологическая маска издателя сменяется маской Максудова, или в «Морфии», где маска доктора Бомгарда, читателя записок самоубийцы, сменяется маской доктора Полякова – морфиниста.

Использование сказовой формы повествования также актуализирует аллегорические, сказочные мотивы, которые реализуются исключительно в видениях булгаковского Наблюдателя, таким образом можно проследить связь булгаковских текстов с текстами древнерусскими, написанными в жанре видения. Например, рассказ «Морфий» обладает идентичной структурой с одной из моделей видения: «Нередко видению предшествует тяжелая болезнь визионера, во время которой он размышляет о своей посмертной участи, призывает смерть. В видении визионер получает ответ на свои размышления, убеждаясь в ничтожности земных страданий перед загробными, иногда узнает дату своей смерти. Один из устойчивых мотивов – невозможность излечиться у живых врачей, бессилие перед тайнами Божьего помысла. К ясновидцу, находящемуся в состоянии обмирания, приглашают „фельдшера“, „лекаря“, которые никакими средствами не могут вернуть его к жизни» [Пигин, 1997, с. 555]. Хотя у Булгакова и происходит некоторая трансформация этого жанра, например, проводником является оперная певица, актриса, а такой род занятий, как известно, в православной традиции считался греховным. Но, учитывая, что мир булгаковских текстов идеологически перевернут и на месте Бога-Творца находится некая потусторонняя сила, такая трансформация вполне логична.

Таким образом, можно сделать вывод, что принципы построения ранней прозы М.А. Булгакова напрямую соотносятся с конструктивными принципами неклассической, орнаментальной поэтики. Сказовая форма повествования способствует формированию фантастогорического (внутренне, глубинно фантастогорического) содержания. Модель мира выстраивается диалогически, театрально, благодаря нарративным маскам, которые активно использует М.А. Булгаков.

Вводя повествование от первого лица, автор выстраивает своеобразную персонажную систему – все персонажи представлены сквозь призму сознания и видения главного героя-повествователя. Использование такой техники визуальности обусловлено, во-первых, актуальностью дневниковых и мемуарных форм повествования в первой трети XX века, во-вторых, личностным восприятием автора. «Записки покойника», «Записки юного врача» и «Записки на манжетах» имеют явный автобиографический характер.

В. Шмид считает, что «Систематическое осложнение образа нарратора имеет место в русской прозе 1920-х годов, отличающейся <...> „гипертрофией“ двух противоположных стиливых тенденций – „литературности“, проявляю-

щейся больше всего в „орнаментальной“ прозе, и „характерности“, воплощающейся с наибольшей полнотой в сказе» [Шмид, 2003, с. 69]. Усложнение образа нарратора имеет психологическую основу, позволяет говорить о диалоге фиктивного адресата и фиктивного адресанта. Именно синтез «литературности» и «характерности» реализуется в «Записках на манжетах», где фиктивный автор близок к автору реальному. То же реализовано в «Записках юного врача» и «Театральном романе».

Сама композиция «Театрального романа» намекает на игровой момент. Предисловие написано от лица издателя, который, по его словам, получил текст романа с посмертной запиской Максудова, в которой содержалась просьба издать роман. Издатель утверждает, что Максудов никакого отношения к драматургии не имел, работал в «Вестнике пароходства», а события, описанные в романе, – плод его больного сознания. По той же модели выстраивается композиция рассказа из цикла «Записки юного врача» – «Морфий». Там также описана ситуация посмертной просьбы, реализуется рамочная композиция, где мы видим двух повествователей.

Таким образом, повествование в плане визуальности выстраивается по принципу матрешки. Одно повествование ведется непосредственно участником описываемых событий, другое (рамка) – издателем-читателем, о котором мы не знаем ничего, имеет явный модус оценочности. Так автор максимально отстраняется от своего автобиографического трагического героя. В плане визуальности «матрешечная композиция» работает при помощи техники «наложения иллюзий».

Морфий в рассказе «Морфий» создает «двойную жизнь», иллюзии, причудливым образом накладывающиеся на реальность. Стираются пространственные и временные рамки. Прошлое и настоящее сливаются, сливаются город (который маркирован как театр, так как основная ассоциация Полякова с городом – его возлюбленная, оперная певица, которая в видениях является ему именно на сцене, во время выступления) и деревня, где вынужден находиться главный герой. Но подобного отстранения не происходит в «Записках на манжетах». Архитектоника цикла максимально упрощена, композиция линейна. Жанровая принадлежность более чем очевидна. Автор в этом цикле максимально приближается к своему герою. Об этом свидетельствует еще и то, что в текст введены абсолютно реальные люди, которые в то время занимались литературой во Владикавказе.

Итак, можно сделать вывод, что в ранней прозе М.А. Булгакова Наблюдатель направляет свой взгляд вовне и внутрь, но эти взгляды становятся одним, и это взгляд в себя. Наблюдатель посредством этого «внутреннего зрения» рефлексивирует относительно процессов, которые происходят вокруг него, этим и обусловлено появление повествования от первого лица.

Для понимания функций визуальной техники наложения иллюзий необходимо обозначить один из основных приемов техники – мотива самоубийства. Этот мотив характерен для русской литературы 20–30-х годов XX века, он структурирует мир как театр, самоубийство совершается как театральное действие, по за-

ранее заданному сюжету, когда самоубийца играет уже определенную им самим роль. Самоубийство – добровольный, во многом эстетический акт, своеобразный «перформанс». Самоубийца уходит в иной мир благодаря своей сущности: драматург – Максудов из-за своей пьесы, доктор Поляков – из-за морфия, который тогда являлся лекарством, то есть средством исцеления, а следовательно, метафорически – воскрешения.

И. Паперно в монографии «Самоубийство как культурный институт» говорит об особом русском дискурсе самоубийства как о «причудливом конгломерате понятий, контекстов, метафор, в пределах которого самоубийство сделалось емким культурным символом – символом положения человека в эпоху общественного, морального и метафизического кризиса» [Паперно, 1999, с. 8]. И. Паперно рассматривает самоубийство как акт инверсии «imitation Christi» [Там же, с. 13]. В контексте данного исследования, само понятие «imitation Christi» актуально, так как главный герой «Театрального романа» пытается именно «обессмертить» себя в своем творении, убивая свое тело, но оставляя текст (как дух). Но в иной парадигме, в парадигме народных верований, образ самоубийцы связывался с дьяволом.

В «Театральном романе» о самоубийстве говорится следующим образом: «Как раз в день самоубийства <...> я получил посланную самоубийцей заблаговременно толстейшую бандероль и письмо. В бандероли оказались эти записки, а письмо было удивительного содержания: Сергей Леонтьевич заявлял, что, уходя из жизни, он дарит мне свои записки с тем, чтобы я <...> выправил их, подписал своим именем и выпустил в свет» [Булгаков, 1995, т. 8, с. 57]. Это прямое указание на то, что Максудов хотел обессмертить себя посредством записок, духовно, но убить себя физически. Текст предсмертного письма доктора Полякова таков: «Милый товарищ! Я не буду Вас дожидаться. Я раздумал лечиться. Это безнадежно <...> Мой дневник вам дарю. <...> Если интересуется вас, прочтите историю моей болезни» [Булгаков, 1995, т. 3, с. 427]. В данном случае главный герой также обессмерчивает себя, оставляя дневник – историю болезни морфиниста и предсмертное письмо.

Идеи воскрешения были актуальны в 20–30-х годах XX века, стоит вспомнить идеи русских философов-космистов, например Н. Федорова, о воскрешении предков и осеменении Космоса [Ковтун, 2004, с. 179–183]. Но если в русской философии идея воскрешения достаточно прочно закреплена, то в русской литературе того периода ситуация иная. Фактически воскрешения нет. Есть только визуальная репрезентация воскрешения – текст, оставленный покойником, самоубийцей (у Булгакова), текстовая репрезентация «приглашения на казнь» (в качестве будто театральной афиши, так как казнь становится элементом игры), но иногда и визуальная репрезентация воскрешения отсутствует.

Об истоках жертвы-воскресения пишет О. Фрайденберг: «Недаром протагонистом театра является бог смерти и воскресения, Дионис: жертва тождественна актеру; и играть, как учит Рим, – это значит умереть и воскреснуть» [Фрайден-

берг, 1997, с. 178]. Такая схема и реализуется у М.А. Булгакова в произведениях, где одними из ведущих являются категория театральности, мотив самоубийства, который приобретает новый смысл – игры, ритуала. Самоубийство, как и жертва, характеризуется добровольностью. В контексте русской литературы данного периода это довольно частотный сюжетный сценарий: достаточно вспомнить «Котлован» А. Платонова, где «кулаки» практически добровольно, без сопротивления уходят в изгнание. Идея ухода как перехода в иной мир реализуется также в творчестве В. Набокова, в романе «Приглашение на казнь», где Цинциннат даже не сопротивляется своей неправомерной казни, более того, он мечтает о приближении этого момента.

В «плане идеологии» или в «оценочном плане» циклы «Записки юного врача», «Записки на манжетах» и «Театральный роман» практически однородны, что обусловлено жанром. Во всех произведениях есть только одна точка зрения – точка зрения повествователя (повествование ведется от первого лица). Тексты М.А. Булгакова не полифоничны. В рассказах писателя центральная фигура (главный герой, рассказчик) является носителем оценки. Автор использует в своих целях систему восприятия главного героя – повествователя.

Типологизируя композиционные роли различных точек зрения психологически, Б.А. Успенский выделяет случай с отсутствием смены авторской позиции при повествовании: «субъективное» описание. «В этом случае все действие в произведении последовательно изображается с какой-то одной точки зрения, т.е. через призму восприятия одного какого-то лица. Соответственно лишь в отношении этого лица правомерно описание внутреннего состояния, тогда как все остальные должны описываться „извне“, а не „изнутри“» [Успенский, 1995, с. 116]. При таком композиционном построении автор и читатель солидаризируются с повествователем, вживаются в его образ.

М.О. Чудакова пишет о двух направлениях творчества М.А. Булгакова. Произведения «Записки юного врача», «Записки на манжетах», «Записки покойника» можно отнести к первому – эти произведения характеризуются автобиографичностью, написаны в жанре *дневника* или *записок*. Данная стратегия была характерна для раннего творчества. Этап, пришедшийся на конец 10 – начало 20-х годов XX века, характеризовался развитием автобиографизма или квазиавтобиографизма. Распространение жанров записок, дневника, одним из основных свойств которых являлось повествование от первого лица, было признаком неклассической модернистской поэтики, выступившей в качестве противовеса классическому романному сознанию XIX века.

На протяжении всего повествования в циклах «Записки юного врача», «Записки на манжетах», произведения «Записки покойника. Театральный роман» автор использует форму повествования от первого лица. Подобный тип нарратива характерен для жанра дневника, записок, романа-путешествия. Он обладает следующим семантическим наполнением, во-первых, «для произведений, написанных от первого лица характерно утверждение подлинности излагаемых фактов»

[Атарова, Лескис, 1980, с. 346], во-вторых, «это возможность раскрыть субъективность взгляда на мир» [Там же, с. 348]. В данном случае интересен второй аспект семантического наполнения. То, что повествователь находится внутри текста, определяет психологические и физические особенности его позиции.

Для каждого из циклов характерно разделение видения на внутреннее и внешнее. Внешнее видение – это восприятие визионером того, что реально существует в физическом мире, так как оно существует – без искажения. В контексте данной работы нас интересует не столько то, *как* воспринимает реальный мир визионер, сколько то, на чем останавливается его взгляд, когда он переживает то или иное состояние.

Творчество М.А. Булгакова в этом отношении интертекстуально обращено прежде всего к текстам Н.В. Гоголя. В данном случае общим мотивом является госпитальный фон событий. Больница – сумасшедший дом, в котором оказывается Поприщин. Сам мотив сумасшествия проходит через весь цикл «Записки юного врача», особенно актуализируясь в рассказе «Морфий». Этот мотив также присутствует в «Театральном романе», где главный герой находится на грани самоубийства, т.к. у него появляются видения, и, кроме того, в «Записках на манжетах», где повествователь находится на грани сна и бреда по причине болезни. Мотив сумасшествия является реминисценцией на повесть Ф.М. Достоевского «Двойник», где грань между реальным и ирреальным абсолютно исчезает, а герой живет между мирами, постоянно галлюцинируя. Введение галлюцинаторных видений напрямую связано с мотивом сумасшествия, а также с мотивом множасьихся изображений [Загидулина, 2018, с. 53].

То же можно сказать о связи М.А. Булгакова с Ф.М. Достоевским. Мотив замкнутого пространства выражается в топосах тюрьмы у Достоевского («Записки из мертвого дома»), больницы в «Записках юного врача», театра в «Театральном романе», города, из которого невозможно бежать («Записки на манжетах» Булгакова). Сюжет и композиция произведений строятся на типичных оппозициях – свой – чужой, свет – тьма, город – деревня, туман – ясность. Например, в «Записках на манжетах» повествователь противопоставляет состояние покоя и состояние тревоги, ассоциируя тревогу с туманом, с *чужим*, а покоем с ясной видимостью и *своим*: «Проклятый февральский туман! Лишь бы не заболеть...» [Булгаков, 1995, т. 1, с. 125]. Автор даже использует глагол *туманится* – по отношению к внутреннему состоянию героя – «А мозг горит. Туманится» [Булгаков, 1995, т. 1, с. 130]. Таким образом, можно пронаблюдать переход физического восприятия природного явления в восприятие ментальное, которое уже маркируется не нейтрально, а приобретает вполне определенные коннотации (страха, бреда, болезни).

Основным органом видения, разумеется, являются глаза. Но глаза – это не только природный инструмент видения, это еще и отражение внутренней сущности их обладателя. У Рудольфи в «Театральном романе» глаза сверкают, блестят, глаза Стрижа в театре сверкают, когда тот соблазняет Максудова: «Теперь вы наш, –

решительно продолжал Стриж. Глаза его сверкали, – вам бы вот что сделать, заключить бы с нами договор на всю вашу грядущую продукцию! На всю жизнь!» [Булгаков, 1995, т. 8, с. 111]. Сверкающие и блистающие глаза в текстах М.А. Булгакова являются маркером демонического, потустороннего. Блеск в глазах обладает явно негативным содержанием: главный герой «Записок на манжетах» видит блеск своих глаз, когда едва не умирает от голода. «...Вот глаза. Нехорошие. Опять с блеском. Совет: берегитесь этого блеска» [Булгаков, 1995, т. 1, с. 60]. В театральном романе блеск глаз – один из атрибутов потустороннего. Слова *блеск* и *соблазнять* этимологически родственные, обладают одним корнем.

В книге «Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм» А. Ханзен-Леве говорит о топосе дуальности бытия и видимости (отблеска), он пишет, что «теневое репрезентирует ноуменальные качества таинственного, нехватка бытия компенсируется избытком переживания (по большей части эстетического), суггестивностью, аурой» [Ханзен-Леве, 1999, с. 227]. Именно избыток суггестивности теневого можно наблюдать в «Театральном романе», теневое, отблеск, преследует героя, вытесняя объективную реальность. Помимо прочего, актуализируется мотив двойничества, так как отблеск – это не сам свет, это его отражение, это его второе, искаженное бытие.

В текстах М.А. Булгакова экфрасисы аллюзивны, они выполняют функцию интертекста. В «Записках на манжетах» встречается экфрасис: «Подотдельский декоратор нарисовал Антона Павловича Чехова с кривым носом и в таком чудовищном пенсне, что издали казалось, будто Чехов в автомобильных очках» [Булгаков, 1995, т. 1, с. 137]. Интерпретируя его, можно сказать, что искаженное изображение Чехова отражает искажение всей культуры в целом, ужас, испытанный визионером, подчеркивается эпитетами *кривой* (нос), *чудовищное* (пенсне). Интертекстуальным связям М.А. Булгакова и А.П. Чехова посвящено множество исследований. Это работы Н.Е. Титковой [Титкова, 1998], А.М. Альтшулера. Е.А. Яблоков пишет, что «анализ булгаковского наследия позволяет обнаружить реминисценции не менее чем из двадцати произведений Чехова» [А.П. Чехов и мировая культура, 2010]. Также исследователь говорит о фабульных ассоциативных связях между романом «Записки покойника», рассказом «Морфий» и чеховским «Черным монахом». В «Морфии» Булгакова монах заменен женским персонажем, вестником смерти.

Еще один экфрасис, только интертекстуально обращенный к Гоголю, встречается в «Записках на манжетах»: «Ровно за полчаса до начала я вошел в декораторскую и замер... Из золотой рамы на меня глядел Ноздрев. Он был изумительно хорош. Глаза наглые, выпуклые, и даже одна бакенбарда жиже другой. Иллюзия была так велика, что казалось, вот он громыхнет хохотом и скажет: – А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух!» [Булгаков, 1995, т. 1, с. 138].

Для экфрасисов характерно наложение иллюзий: «Но следующая акварель поразила меня выше всякой меры. „Не может этого быть!“ – подумал я. В бедной комнате, в кресле, сидел человек с длинейшим птичьим носом <...> Гоголь чи-

тает Аристарху Платоновичу вторую часть „Мертвых душ“» [Булгаков, 1995, т. 8, с. 117]. Описанная картина представляет собой нечто, чего существовать не могло, то есть картина, которая априори иллюзия, несет в себе заведомо нереалистичное содержание. В данном случае сцена с читающим человеком дана сразу сквозь призму двух взглядов – художника и созерцающего картину.

В анализируемых произведениях интересна топика психологических состояний героя и повествователя. Помимо реального топоса – театра, больницы, отдела Лито, в тексте присутствует топос ирреальный – это галлюцинация, бред и, наконец, сон. Посредством сна автор намечает интертекстуальные и культурные связи. Например, в «Записках на манжетах» герой видит себя во сне Львом Толстым, что подчеркивает связь главного героя с миром русской литературы. Но сон не часто фигурирует в рассказах цикла «Записки юного врача», актуализируются лишь метафоры: сон-туман, сон-пелена: «Ночью я видел в зыбком тумане неудачные операции; Потянулась пеленою тьма египетская» [Булгаков, 1995, т. 3, с. 342].

Топос сновидения символически значим в контексте «Театрального романа»: «И мне снилось, что падают карнизы и обваливаются балконы, и были эти сны вещи», – пишет М.А. Булгаков, обозначая этим описанием дальнейшее, в целом катастрофическое для наблюдателя, развитие событий [Булгаков, 1995, т. 8, с. 113].

Ситуация сна напрямую связана с ситуацией бреда и галлюцинации. Булгаковские герои бредят во время болезни. И наконец, ситуация галлюцинации, которая описывается в рассказе «Морфий». Галлюцинация представляет особый интерес. А.Ф. Лосев трактует галлюцинацию как миф: «С другой стороны, этот миф о черте, формально будучи галлюцинацией Ивана, по существу оказывается все-таки для него подлинной реальностью...» [Лосев, 1982, с. 45]. Явление галлюцинации встречается в рассказе «Морфий», рассказчик – доктор Поляков осознает, что происходящее – галлюцинация, возникшая под действием морфия. Однако образ, порожденный сознанием непосредственно во время видения, является рассказчику реальным: «Теперь о прозрачности; так вот, сквозь переливающиеся краски Аиды выступает совершенно реально край моего письменного стола, видный из двери кабинета, лампа, лоснящийся пол и слышны, прорывшись сквозь волну оркестра Большого театра, ясные шаги, ступающие приятно, как глухие кастаньеты» [Булгаков, 1995, т. 3, с. 432]. Образ прозрачности говорит о том, что в данном случае рассказчик осознает, что два процесса – реальный и кажущийся – происходят параллельно.

Итак, можно сделать вывод о поле видения булгаковского наблюдателя. Формально это взгляд, направленный вовне и внутрь, но на самом деле является взглядом, направленным в себя. Во всяком случае все, что описывается в произведениях, является в большей или меньшей степени результатом восприятия нарратора, своеобразным впечатлением, характерным для импрессионистической поэтики орнаментальной прозы. Особое внимание необходимо уделить слову как таковому, что важно в контексте того, что орнаменталисты наделяют слово множеством смыслов. Слово трансформируется, как, например, туман из фи-

зического явления, воспринятого повествователем, становится характеристикой его психического состояния. Явления, которые можно объяснить, следуя банальной логике, в восприятии булгаковского повествователя приобретают мистический, потусторонний оттенок. Повествователь следует своеобразной, нереалистической, логике, он не встраивается в реальный мир, поэтому реальный мир для него практически лишен причинно-следственных связей, например, актуализируется процесс внезапного исчезновения-появления.

Библиографический список

1. А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя: материалы международной научной конференции / под ред. Н.В. Изотовой, Е.В. Маслаковой. М.: Логос. 2010.
2. Атарова К.Н., Лескис Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Серия литературы и языка. 1980. № 4.
3. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Голос, 1995.
4. Голубков М.А. Русская литература XX века. После раскола. М.: Аспект-пресс, 2002.
5. Загидулина Т.А. Образ летчика в сатирической литературе 30-х годов (на материале романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок») // Сибирский филологический форум. 2018. № 2. С. 49–56.
6. Ковтун Н. Роман В. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307, № 5. С. 179–184.
7. Кожевникова Н.А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Серия языка и литературы. 1976. № 1.
8. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 31–65.
9. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.
10. Пигин А.В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1997. Т. 50.
11. Титкова Н.Е. Чеховская традиция в поэтике драмы М.А. Булгакова // Молодые исследователи Чехова. М., 1998. Вып. 3. С. 240–245.
12. Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы // Семиотика искусства. М., 1995. С. 7–218.
13. Фрайденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
14. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
15. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М.: Языки славянской культуры, 2008. 328 с.
16. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Сведения об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – аспирант, кафедра мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-06>

FIELD OF VISION AND VIEW-DIRECTION IN M.A. BULGAKOV'S FICTION

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem and purpose. The article explores the boundaries of the field of vision of the observer in Bulgakov's fiction. Special attention is given to the structure, modification and conceptual variations of this field. The paper provides the analysis of visual imagery semantics both in mental and physical sense (dream, hallucination, delirium). The attention is focused on psychological and emotional processes inside the observer's mind. Important element of the study is the suicide motif as one of the main ways to implement the visual technique of imposing illusions.

The methodology of the study is a complex analysis of the figurative structure of the fiction – the “Notes of a Young Doctor”, “Notes on Cuffs” cycles, as well as “Theatrical Novel”. The generalization and application of the experience of research works by foreign and domestic scientists, recognized by scientific community is suggested.

Results. Based on the structural-typological, cultural, philosophical approaches, the main elements of the field of vision of Bulgakov's observer are described. The issue of the key role of the visionary in the early works of M.A. Bulgakov is raised.

Conclusion. A fundamentally important idea of looking into oneself is revealed, which gives reason to comprehend the author's visual techniques as the foundation on which he builds the text construct.

Keywords: *visuality, observer, visionary, Bulgakov, narrator, visual techniques, field of vision.*

Bibliograficheskiy spisok

1. A.P. Chekhov i mirovaya kul'tura: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / pod red. N.V. Izotovoj, E.V. Maslakovoj. M.: Logos. 2010.
2. Atarova K.N., Lesskis, G.A. (1980). Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo lica v hudozhestvennoj proze [The semantics and structure of the narrative from the first person in fiction] // Seriya literatury i yazyka, 346 s.
3. Bulgakov M.A. (1995). Sobranie sochinenij v 10 t. [Collected Works in 10 t.]. M.
4. Golubko, M.A. (2002). Russkaya literatura XX veka. Posle raskola [Russian literature of the twentieth century. After the split]. M., 450 s.
5. Zagidulina T.A. (2018). Obraz lechika v satiricheskoj literature 30-h godov (na materiale romana I. Il'fa i E. Petrova «Zolotoj telyonok») [The image of a lechik in the satirical literature of the 1930s (on the material of the novel “The Golden Calf” by I. Ilf and E. Petrov)] // Sibirskij filologicheskij forum. № 2. S. 49–56.
6. Kovtun N. Roman V. (2004). Odоеvskogo «4338 god» i tradicii intellektual'noj utopii v Rossii [Odoyevsky “4338 Year” and the Traditions of Intellectual Utopia in Russia]. T. 307, № 5. S. 179–184.
7. Kozhevnikova N.A. (1976). Iz nablyudenij nad neklassicheskoj («ornamental'noj») prozoy [From observations of non-classical (“ornamental”) prose] // Seriya yazyka i literatury.
8. Losev A.F. (1982) Problema variativnogo funkcionirovaniya zhivopisnoj obraznosti v hudozhestvennoj literature [The problem of the variable functioning of pictorial imagery in fiction] // Literatura i zhivopis'. L., s. 31–65.

9. Paperno, I. (1999). Samoubijstvo kak kul'turnyj institute [Suicide as a cultural institution]. M., 256 s.
10. Pigin A.V. (1997). Videniya potustoronnego mira v rukopisnoj tradicii XVIII–XX vv. [Visions of the other world in the manuscript tradition of the XVIII–XX centuries] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. Spb. T. 50.
11. Titkova N.E. (1998). Chekhovskaya tradiciya v poehtike dramy M.A. Bulgakova [Chekhov's tradition in the poetics of the drama MA Bulgakov] // Molodye issledovateli Chekhova. M. S. 240–245.
12. Uspenskij B.A. (1995). Poetika kompozicii: Struktura hudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozicionnoj formy [Poetics of composition: The structure of a literary text and the typology of a compositional form] // Semiotika iskusstva. M. S. 7–218.
13. Frajdenberg O.M. (1997) Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of the plot and genre]. M., 448 s.
14. Hanzen-Lyove A. (1999). Russkij simvolizm. Sistema poehticheskikh motivov. Rannij simvolizm [Russkij simvolizm. The system of poetic motives. Early symbolism]. SPb. 512 s.
15. Hatyamova M.A. (2008). Formy literaturnoj samorefleksii v russkoj proze pervoj treti XX veka. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2008, 328 s.
16. Shmid V. Narratologiya. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003, 312 s.

About the author

Tatiana Andreevna Zagidulina – graduate student, Faculty of Philology, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: zagi9@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-07>

УДК 821.112.2

ФЕНОМЕН КАРНАВАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ КРИСТОФА РАНСМАЙРА «ПОСЛЕДНИЙ МИР»

Н.В. Ковтун (Красноярск, Россия)

М.В. Ларина (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается влияние карнавализации на поэтику романа «Последний мир» Кристофа Рансмайра. Анализируются художественные особенности текста, показано, что его можно отнести к карнавализованным литературным произведениям. Обосновывается значимость данного феномена для раскрытия проблематики романа. Дается трактовка образов героев в контексте карнавального действия, определено значение архитипических образов с их репрезентацией в рамках смеховой культуры. Проанализирована роль карнавализации, открывающая перспективу метаконтекста.

Ключевые слова: карнавализация, Кристоф Рансмайр, «Последний мир».

Кристоф Рансмайр – австрийский писатель и журналист. Его книги переведены на тридцать языков, он – лауреат двенадцати престижных литературных премий, в том числе премии имени Франца Кафки, Бертольта Брехта, Государственной литературной премии Австрии. По образованию он философ. Неудивительно, что всю жизнь его занимает один из центральных вопросов философии – *вопрос о времени*. В одном из интервью Рансмайр признался: «Все мои истории об одном: о бренности сущего. И о том, что в нашей власти лишь пронаблюдать обстоятельства и осознать закономерности, согласно которым происходят изменения»¹. Исследователи свидетельствуют: особенностью поэтики автора-постмодерниста «является игра со временем» [Арская, 2010, с. 72]. В университете второй специальностью будущий писатель выбрал этнологию, и это определило, где именно он станет искать ответ на вопрос о времени: в путешествиях². В 1983 году К. Рансмайр начинает активно путешествовать, пишет репортажи. Истории полярной экспедиции он посвящает дебютный роман «Ужасы льдов и мрака», вышедший в 1984 году.

Во время работы над вторым романом «Последний мир» (1988) автор изучает «Метаморфозы» Овидия. На советы продолжать писать в духе репортажа отвечает, что литература в чем-то сродни путешествиям и как неинтересно все время возвращаться в одну и ту же страну, так неинтересно писать похожие друг на друга книги. «Метаморфозы» только на первый взгляд кажутся неожи-

¹ Кристоф Рансмайр [Электронный ресурс] // Лаборатория фантастики. URL: <http://www.fantlab.ru/autor6708>

² Кряжмская А. Летучая гора. Вступление к роману [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://www.zh-zal.ru/inostran/2009/3/pa3.html>

данным для художника выбором: в каком другом произведении столь же наглядно показана переменчивость и бренность сущего?³ Идея карнавала, пронизывающая текст, – это и попытка заговорить страх перед конечностью человеческого бытия, перед смертью, забвением. Согласно теории М.М. Бахтина, карнавализация – комплекс художественно-образных форм, восходящих к народной площадной культуре, которые оформляют художественную реальность особым игровым образом [Бахтин, 1990, с. 11–12]. Актуализация этого феномена в словесности XX века стала результатом общего интереса к мифу.

«Последний мир», как правило, относят к *магическому реализму*, которому в целом присущи эксперименты с категорией времени [Holmes, 2002, с. 538–539]. В тексте античный мир органически переплетается с современностью, время относительно, его восприятие зависит в том числе и от личных установок читателя. Так в пространстве романа в I веке до н.э. сосуществуют кино, печать, реклама; преследуют инакомыслящих, отправляя на крест или в газовую камеру. В интертекстуальном поле произведения сплетаются мифы Античности, Средневековья и их литературные версии, представленные текстами Овидия, Данте, Ф. Кафки, У. Эко. Рождающиеся таким образом «Метаморфозы» сохраняют главную идею автора о бренности всего земного, об относительности времени, пространства, культуры [Ковтун, 2014, с. 70–95]. «Магическое пространство» романа, хотя и конкретно очерчено (Империя Августа: Рим, Томы), не совпадает с каким-либо реальным географическим, историческим топосом, живет по своим – магическим – законам, которые, однако, не имеют ничего общего с мистикой. В «Последнем мире» отражены конкретные черты исторической реальности – римское общество эпохи Августа, которому переданы черты Австрии конца XX века, с одной стороны, средневековый быт, нравы Томов – с другой.

Сюжет романа строится как попытка восстановления «комментатором» Коттой утраченной книги опального римского поэта Овидия. Ради этого герой прибывает на окраину Империи, в город Томы, и перед читателем разворачивается процесс чтения обрывков уничтоженной рукописи. Известный труд Овидия «мифологизируется и мистифицируется, выступая в роли Книги Бытия, содержащей судьбы человеческие» [Ковтун, 2014, с. 69]. Важную роль в «Последнем мире» играют анахронизмы, которые, по мнению Н.В. Гладилина, воплощают важнейшие аспекты постмодернистского сознания – «вечное возвращение», «одновременность разновременного» [Гладилин, 2012, с. 25]. Художественная реальность устроена по законам мифа: все, что когда-либо происходило, происходит всегда. Намеренно размытые исторические границы эпох позволяют читателю понять, что Томы не вымысел, но сложное единство вечного и современного, сплавленного в пределах текста.

Специально оговорим, что отношение автора к преданию глубоко критическое, иногда и цинично-разоблачительное: «Здесь, следовательно, впервые по-

³ Кряжимская А. Летучая гора. Вступление к роману [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://www.zh-zal.ru/inostran/2009/3/pa3.html>

является почти вовсе освобожденный от предания образ, опирающийся на опыт и свободный вымысел» [Бахтин, 1990, с. 62]. Рансмайр использует образы овидиевых персонажей, их имена, но при этом действующие лица «Последнего мира» наделяются вполне реалистическими чертами, качествами, скорее напоминают не богов и героев, но пародии на них (Д. Галагер). Сопоставление героев с мифологическими прообразами автор демонстрирует в приложении к роману, где античный персонаж дается в ретроспекции своего «альтер-эго». В пародийной проекции ложные претензии действующих лиц романа подвергаются осмеянию, сами образы предельно снижены. Н.В. Гладилин считает, что такое травестийное толкование мифологических образов как свидетельствует об игровой интенции автора, так и констатирует демифологизированный мир, разрыв континуума мироздания [Гладилин, 2012, с. 25]. Полная жизни и страсти поэма Овидия обретает в интерпретации К. Рансмайра «гротескно-карикатурные формы, свидетельствующие о неумолимой и катастрофической деградации мира, «золотой век» которого канул в невозвратное прошлое. Происходит жалкая имитация прошлого, рождаются убудочные симулякры истории» [Кухта, 2018, с. 67–68].

Е.В. Кухта связывает пародийную стилизацию с реализацией апокалиптических мотивов в романе: Томы и его обитатели – олицетворение упадка, деградации, «конца эпохи». Осуществляется радикальное понижение статуса персонажей: вместо богов и царей – нищоброды, изгои общества [Кухта, 2018, с. 67]. Владыка преисподней Дит становится изувеченным на войне могильщиком, прекрасный юноша Кипарис – лилипутом-киномехаником, богиня слухов Молва – старьевщицей... Их попытки приблизиться к великим богам и героям во время томского карнавала не вызывают улыбки, несмотря на всю комичность ситуации: «Мяснику хотелось быть Фебом...; Генерал, что, как слабоумный, дергал за шнурки, был бессмертным богом войны, а красная бабища – окровавленной Медеей... – перемазанное кровью чучело из лохмотьев и соломы... А этот, в черной дерюге, с цитрой под мышкой, – Орфей?..» [Рансмайр, 1993, с. 65].

Среди важнейших признаков карнавализации М.М. Бахтин называет разностильность и многоголосие: «Многотонность рассказа, смешение высокого и низкого, серьезного и смешного, они широко пользуются вводными жанрами – письмами, найденными рукописями, пересказанными диалогами, пародиями на высокие жанры, пародийно переосмысленными цитатами и др.; в некоторых из них наблюдается смешение прозаической и стихотворной речи... появляются различные авторские личины. Наряду с изображающим словом появляется изображенное слово; в некоторых жанрах ведущую роль играют двуголосые слова. Здесь, следовательно, появляется и радикально новое отношение к слову как материалу литературы» [Бахтин, 1963, с. 63]. Все названные признаки так или иначе реализованы в художественной ткани романа: использование иронии как одного из основных средств создания образов, пародийность, смешение высокого и низкого. Смешны и при этом трагичны многие эпизоды. Постоянно меняет личины нарратор: то это всезнающий повествователь, то герой-интерпретатор Котта, то сам Назон, слова

которого записаны слугой Пифагором на стенах домов, обрывках тряпья, найденных Коттой. В общую ткань повествования вплетаются истории отдельных персонажей, например, Эхо рассказывает Котте то, что слышала от Назона. Слово Назона запечатлено на гобеленах ткачихи Арахны, в фильмах лилипута-киномеханика Кипариса, на камнях Трахилы. Жители Томов выступают и персонажами произведений Овидия, тогда путь Котты – процесс узнавания сюжетов из «Метаморфоз» Назона, которые оживают в реальности.

Выбор Овидия в качестве главного героя современного романа оправдан всем строем текста. Как в овидиевых «Метаморфозах» пересматриваются классические мифы, так Рансмайр по-своему интерпретирует события, связанные с Древним Римом. Одновременно автор создает своеобразный комментарий к произошедшему в Европе XX века. Ситуация Овидия соотносится с положением австрийских литераторов, вступивших в конфликт с послевоенным государством. Год публикации «Последнего мира» обозначил пятидесятилетие с того момента, как Австрия была оккупирована Третьим рейхом, это время кризиса в самосознании австрийского общества. До этого официальная позиция Австрии, касающаяся собственного участия в войне, – позиция «первой жертвы Гитлера». Ряд событий второй половины XX века (в частности, дискуссия вокруг нацистского прошлого кандидата в президенты страны Курта Вальдхайма) заставил, однако, австрийских интеллектуалов жестко обозначить проблему нацизма и его наследия в стране. Официальное молчание Австрии по отношению ко всему, что связано с ответственностью за войну, – ситуация, нашедшая отражение в книге К. Рансмайра. Писатель говорит о том, что даже в условиях авторитарного государства можно создать ситуацию «многоголосия», чтобы возродить культуру, освободить человека. Одним из ключевых средств создания такой ситуации в «Последнем мире» и становится *карнавализация*.

В книге «Шекспир и карнавал: после Бахтина» автор подчеркивает *политический смысл* карнавала и карнавализации как деконструкции (*making strange*) доминирующих символов, идеологий. Смех понимается как инверсия и протест против традиционных, официальных ценностей. Пародийная стилизация – столкновение двух языков: того, на котором говорится, и того, о котором говорится, – создает ситуацию многоголосия. Два языка не только враждебно соединены, но и противопоставлены [Shakespeare..., 1998, с. 13–35]. По мнению М.М. Бахтина, амбивалентный смех является особым видом дискурса, может служить в произведении обрамлением политических событий. Это тип хваляще-хулящего смеха, который, как полагает исследователь, полностью исчез из современной культуры, был заменен (что особо заметно на примере сталинской эпохи) на регистры одобрения-порицания [Карасев, 2000, с. 176–177].

А. Симонс связывает ответ на вопрос, какой этический смысл несет концепция амбивалентного смеха в рамках какой-либо авторитарно контролируемой культуры, с бахтинской теорией высказывания [Карасев, 2000, с. 176–177]. Амбивалентный смех представлен в «Последнем мире» как форма освобожде-

ния от страха и догмы: «Рудоплавы становились благородными господами, рыбаки – китайскими воинами; кто весь год что ни день горланил в погребке у кабатчика непотребные песни, теперь молчал, пьяный и безгласный; кто много молчал, теперь надсаживал глотку; а кто от страха перед побоями целый год ходил съезжившись, сжавшись в комок, тот теперь сам раздавал удары, одурев от водки, безнаказанно и не глядя лупил розгами и батогами всякого, не успевшего вовремя увернуться; каждый был тем, кем ему дозволялось быть лишь одну сотую года» [Рансмайр, 1993, с. 62].

В реальности, однако, смех не свободен от насилия, поскольку имеет дело с «другим» как с образом и потому так или иначе становится формой ограничения «другого». Исходя из этого, А. Симонс рассматривает свободу смеха как свободу относительную [Карасев, 2000, с. 176–177]. Конечно, не стоит забывать, что конфликт в карнавальном тексте не может вписываться исключительно в социально-политическую проблематику. Карнавализация текста всегда отражает онтологическое противостояние, связанное с понятием времени.

Помимо обыгрывания политического контекста, карнавализация в романе служит созданию образа железного города – Томов. Город становится вместилищем овидиевой мифологии, его жители – героями «Метаморфоз». Е.В. Кухта связывает название романа «Последний мир», сам образ «железного города» с древнегреческим космогоническим мифом о четырех веках, согласно которому железный век – последний:

Последний же был – из железа,
Худшей руды, и в него ворвалось, нимало не медля,
Все нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность;
И на их место тотчас появились обманы, коварство;
Козни, насилье пришли и проклятая жажда наживы [Назон, 1977, с. 115–116].

Город в романе цвета ржавчины, окружен истощенными рудниками. Живой и красочный мир Овидия проходит «фильтрацию» современностью, обнажая катастрофическую деградацию настоящего. По замыслу К. Рансмайра, «последний мир» – наш, современный мир, полный драматизма [Кухта, 2018, с. 67–68]. Одно из ключевых противопоставлений карнавала, открывающее перспективу, – смена угасающей старости и приходящей юности – в романе не реализуется, все основные герои – представители «старого мира»; город, находящийся в их власти, постепенно разрушается морем, оползнями, молодые герои теряются, погибают: обращается в камень слабоумный Батт, убит собственной матерью Итис, на полотнах ткачихи Арахны – гибнущий Икар.

Образы центральных участников карнавального действия как такового имеют определенный круг функций, разыгрывают метафорическую историю о смерти и возрождении мироправителя, воцарении и свержении самозванца. В этой транскрипции герои романа связаны с ключевыми карнавальными образами: трикстер (мясник Терей), проводник между миром живых и мертвых (знахарь и могильщик Дит), мать (Прокна), оборотень (канатчик Ликаон) и т.д. Часть на-

званных образов отсылает к общекультурным архетипам: трикстер, «невинный» (Филомела), «искатель» – Котта, «творец» – Назон, «хранитель», который защищает «творца» (Пифагор), «правитель» – Август, «любящий» – Эхо и т.д. В соответствии с законами карнавала персонажи представлены гиперболизированно: жизнь «творца» Назона заключена только в его творении, Август как «правитель» – диктатор, изгоняющий творческих, независимых людей из своей системы, Эхо страдает из-за того, что не может сказать «нет»... Все они так или иначе относятся к уходящей эпохе.

Тема смерти – структурообразующая в романе, возрождение здесь подменено вырождением. Не случайно Котта отправляется в путь, услышав: «Назон умер», один из ключевых героев произведения – *могильщик* Дит, местный Харон, который жил «на самом деле лишь ради мертвых. Сколь ни действенны были его лекарства и настойки, в глубине души он, однако же, твердо верил, что живым уже не поможешь, что от голода, злобы, страха или обыкновенной глупости каждый из них мог совершить любое варварство и стерпеть любое унижение; каждый был способен на все... Человек человеку волк» [Рансмайр, 1993, с.162].

Важной частью карнавального празднества является переодевание героев, означающее утрату самотождественности в преддверии перерождения. В «Последнем мире» мотив переодевания вытесняет физиологическая трансформация персонажей, становится очевиден их литературно-мифологический прототип. Одна из ключевых метаморфоз романа связана с мифом о Терее, Прокне и Филомеле. История героев в овидиевых «Метаморфозах» следующая: Терей, фракийский царь, насилует Филомелу, сестру своей жены, и отрезает ей язык, чтобы та хранила молчание. Из мести Филомела и Прокна убивают сына Терее – Итиса. К. Рансмайр придерживается основной линии, намеченной Овидием, но добавляет красноречивые детали, подчеркивая связь с архетипами.

Терей в романе – мясник, занятия которого ограничиваются забоем скота и избиением жены Прокны. За героем отчетливо проступает *архетип трикстера*, один из структурообразующих для персонажей романа в целом. Н.В. Дорфман считает трикстера неотъемлемой частью бахтинского карнавала [Дорфман, 2012, с. 168–171], с ним ассоциируется первобытное, хаотичное начало. Трикстер, по Юнгу, характеризуется отсутствием сдерживающего влияния разума как регламентирующей функции и соответствующей этому гиперактивной возможности чувствовать, проявлять интуицию [Юнг, 2014, с. 176–190]. Р. Кулешов отмечает, что проказы трикстера часто продиктованы стремлением удовлетворить голод и ненасытное желание⁴. Исследователь констатирует связь между архетипом трикстера и карнавальным сознанием, подчеркивая родство трикстера и карнавального шута. О возрастающей популярности образа трикстера в современной культуре и литературе существуют специальные работы [Ковтун, 2011, с. 132–154]. Терей творит жестокость, не будучи по-настоящему злым: «Терей

⁴ Кулешов Р.Н. Функциональное значение образа трикстера в архаической традиции [Электронный ресурс]. URL: <http://ne.nadoest.com/dokumenti-v442/file1/index>

часто бил ее (Прокну), молча и без злости, как животное, приведенное к нему на убой, точно каждый удар предназначался лишь для того, чтобы подавить жалкие остатки ее воли и омерзение, которое она к нему питала» [Рансмайр, 1993, с. 29]. Его поступок с Филомелой суть проявление карнавального стремления к «низу», непонимание дилеммы «добро / зло».

Значим в тексте и *архетип матери*, с известной долей условности можно утверждать, что карнавальное действие в целом оказывается его реализацией. Если карнавал суть вечное обновление, то его пафос точнее всего передает архетип матери, в котором прочитывается надежда на «что-то, что дает убежище, чреватое, несущее в себе, дарующее рост, плодородие и питание; место магического перевоплощения и возрождения» [Юнг, 2014, с. 176–190]. Для М. Бахтина карнавальная смех связан с продуктивным актом, рождением, обновлением и плодородием [Бахтин, 1990, с. 93, 105]. В романе архетип матери воплощен в образе Прокны. Овидиева героиня – дочь афинского царя Пандиона – превращается в забитую жену мясника. Только она в Томах не замечает измен мужа. Постоянные уходы Терея в горы как бы предвещают возвращение пропавшей Филомелы. Единственная защита Прокны от жестокости Терея – дородность и тучность, ее обильное тело становится убежищем доверчивой души. Она же – мать Итиса, единственного существа, к которому мясник относится с нежностью.

Изначально Прокна предстает безмолвной, забитой, без каких-либо чувств, но героиня дважды перевоплощается: в сцене любви с Дитом-немцем, которая происходит во время карнавала, и при встрече с Филомелой, когда накопленная годами унижений ярость выливается в убийство собственного сына: «Прокна изъяла сына из времени и вновь приняла в свое сердце» [Рансмайр, 1993, с. 169]. Убийство меняет и Терей, разрушает его трикстерскую модель поведения – в нем пробуждается ненависть. В итоге все трое, как и в тексте Овидия, превращаются в птиц. По мнению Д. Галагера, карнавализация в романе помогает раскрыть сущность героев тогда, когда обосновать превращения реалистически невозможно⁵. Один из приемов, используемых автором для убедительности перевоплощений, заключается в способе наррации: читатель не видит самой трансформации, ее видит (предполагает) или протагонист, или другой персонаж, который может переживать страх, пребывать во сне, мечтать, или оказаться пьяным, что лишает увиденное достоверности. Этот прием использован при описании судеб Кипариса, лилипута-киномеханика, в дремоте увидевшего себя обращающимся в дерево; Ликаона-канатчика, которого испуганный Котта узнает в мчащемся по склону волке. Благодаря приему недостоверного восприятия, трансформации выглядят правдоподобными (термин ‘plausible’ Т. Циолковского) [Ziolkowski, 2005, с. 179], читатель искренне верит в метаморфозы, хотя их физиология не описывается.

⁵ Gallagher D. Ovid’s «Metamorphoses» and the transformation of metamorphosis in Cristoph Ransmayr’s novel «Die letzte Welt». London: Department of German University of London, Royal Holloway: Center of Ausrtian Studies, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://conservancy.umn.edu/bitstream/handle/11299/90515/WP072.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Данная закономерность, однако, нарушается в истории с Тереем, Прокной и Филомелой, обратившимися в птиц на глазах у Котты (значит, и у читателя). На страницах романа мы постоянно встречаем отсылки к «птичьей сущности» героев. В четвертой главе пьяный Котта наталкивается на карнавальную процессию, в которой видит «длинную вереницу камней, птичечеловеков» – аллюзия на окаменение и трансформацию в птиц. Терей несет на голове птичью клетку, что подчеркивает его связь с птицами: «На голове у Терея возвышалась привязанная плетеными кожаными ремешками птичья клетка, из которой тучами летели какие-то белые хлопья; в полной пушинок клетке были заключены две крысы...» [Рансмайр, 1993, с. 64]. В конце 14 главы, когда Филомела возвращается, кабатчик пытается допрашивать ее, высунув язык, он машет руками и спрашивает: «кто? кто?», что в оригинале напоминает крик козодоя. Превращение героев в птиц происходит зримо, становится осуществлением пророчества Овидия, подтверждением одновременно и фиктивности, театральности окружающего мира, и его сверхреальности, книжности: «Происходившее теперь было лишь свершением того, что давным-давно было записано на лоскутках и ленточках Трахилы... Терей поднял топор, чтобы исполнить веленье скорби и ненависти. Бросился к своим жертвам. Но не женщины, вскинув руки, заслонились от удара – две испуганные птицы расправили крылья; их имена были означены в архиве Трахилы – ласточка и соловей. Неистово трепеща крылышками, они проскочили канатную мастерскую, метнулись через разбитое окно на волю и затерялись в ночном синем небе еще прежде, чем кривое топориче тоже стало кленом, Тереевы руки – крыльями, а волосы – бурыми и черными перьями. Удод устремился вдогонку за спасшимися плавной дугою, словно скользя по волнам отзвучавшего голоса Прокны» [Рансмайр, 1993, с. 171].

Гибель Итиса напоминает об архаичной жестокости ритуала. Изгнание старого мира сопровождается принесением жертвы, что и является его кульминацией. Финал романа словно бы обещает завершение сюжета в духе карнавального действия: старый мир превращается в руины, исчезают трикстеры, мир готовится обрести новые очертания... Среди осколков прошлого остаются природа, возвращающаяся к первобытности, и бессмертный текст Овидия.

Карнавализация в «Последнем мире» не столько служит элементом постмодернистской авторской игры, сколько расширяет проблематику текста выводя ее из области социальных противоречий, политики к онтологическому противостоянию старого и нового, жизни и смерти, природы и цивилизации. Прием карнавализации усиливает параллель «мир – театр», «мир – книга (текст)», позволяет показать, как художественное пространство романа становится одновременно и пространством «Метаморфоз» Овидия. Карнавал же открывает возможность совмещения «античного» хронотопа с современной автору действительностью, демонстрирует зыбкость существующих законов, как физических, так и социальных, открывает возможность высказывания для «низов», дает им право выбора, пророчествует будущее. Прием архаизации истории,

блистательно воплощенный К. Рансмайром, получает свое признание в мировой литературе, искусно воплощен в отечественной словесности, в этом ряду роман «Кысь» Т. Толстой, «День опричника» В. Сорокина, «Авиатор» Е. Водолазкина [Ковтун, 2008, с. 539–556].

Библиографический список

1. Арская Ю.А. Тотальность времени и власти в произведениях Кристофа Рансмайра // Время как объект изображения творчества и рефлексии: матер. междунар. науч. конф. (Иркутск, 27 июня – 1 июля 2010 г.) / отв. ред. И.И. Плеханова. Иркутск, 2010. С. 72–76.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 363 с.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
4. Гладилин Н.В. Постмодернизм в литературе стран немецкого языка: генезис и основные тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 37 с.
5. Дорфман Н.В. Теория карнавала М. Бахтина в контексте коллективного бессознательного. В мире науки и искусства // Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2012. Ч. II. 160 с.
6. Карасев Л.В. Карнавал и террор // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1.
7. Ковтун Н.В. Богоборцы, фантазеры и трикстеры в поздних рассказах В.М. Шукшина // Литературная учеба. 2011. № 1.
8. Ковтун Н.В. Реальность и текст в прозе рубежа XX–XXI веков: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 576 с.
9. Ковтун Н.В. European «Nigdeya» and Russian «TUtopia» (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2008. №1 (4). P. 539–556.
10. Кристоф Рансмайр [Электронный ресурс] // Лаборатория фантастики. URL: <http://www.fantlab.ru/autor6708> (дата обращения: 02.03.2019).
11. Кряжимская А. Летучая гора. Вступление к роману [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://www.zh-zal.ru/inostran/2009/3/pa3.html> (дата обращения: 26.02.2019).
12. Кулешов Р.Н. Функциональное значение образа трикстера в архаической традиции [Электронный ресурс]. URL: <http://ne.nadoest.com/dokumenti-v442/file1/index> (дата обращения: 26.02.2019).
13. Кухта Е.В. Кристоф Рансмайр // Современная зарубежная проза: учеб. пособие / ред. А.В. Татаринцов. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 121 с.
14. Назон П.О. Метаморфозы: поэма. М., 1977. 430 с.
15. Рансмайр К. Последний мир. М.: Радуга, 1993. 208 с.
16. Чумаков С.Н. Элементы библейско-христианской дидактики в литературных воплощениях античного мифа (Г. Брок, К. Рансмайр) [Электронный ресурс] // Сайт кафедры зарубежной литературы и сравнительного литературоведения КубГУ. URL: http://zar-literature.ucoz.ru/publ/chumakov_s_n/ehlementy_biblejsko_khristianskoj_didaktiki_v_literaturnykh_voploshhenijakh_antichnogo_mifa_g_brokh_k_ransmajr/2-1-0-44 (дата обращения: 02.03.2019).
17. Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре архетипа. М.: Медков, 2014. 312 с.
18. Gallagher D. Ovid's «Metamorphoses» and the transformation of methamorphosis in Cristoph Ransmayr's novel «Die letzte Welt». London: Department of German University of London, Royal Holloway: Center of Ausrtian Studies, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://conservancy.umn.edu/bitstream/handle/11299/90515/WP072.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 19.01.2019).

19. Gottwald Herwig, Mythos und Mystisches in der Gegenwartsliteratur: Studien zu Christoph Ransmayr, Peter Handke, Botho Strauß, George Steiner, Patrick Roth und Robert Schneider. Stuttgart: Verlag Hans-Dieter Heinz, 1996. 186 P.
20. Holmes Am. Transformations of the Magical Real: Ransmayr and Garcia Marquez // Canadian Review of Comparative Literature, 2002 [Электронный ресурс] URL: <https://journals.library.ualberta.ca/crcl/index.php/crcl/article/download/10786/8343> (дата обращения: 26.02.2019).
21. Shakespeare and Carnival: After Bakhtin. Ed. by R. Knowels. Basingtoke: Macmillan Press, 1998. 232 P.
22. Ziolkowski Th. Ovid and the Moderns. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005. 288 P.

Сведения об авторах

Ковтун Наталья Вадимовна – доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nkovtun@mail.ru

Ларина Мария Валерьевна – студентка 5 курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: m_larina@yahoo.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-07>

THE PHENOMENON OF CARNIVALIZATION IN CHRISTOPH RANSMAYR'S NOVEL "THE LAST WORLD" (GERMAN: DIE LETZTE WELT)

N.V. Kovtun (Krasnoyarsk, Russia)

M.V. Larina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article explores the influence of the carnivalization effect on the poetics of Christoph Ransmayr's novel "The Last World". The literary characteristics of the text are analyzed and it is shown that the novel can be treated as carnivalized literature. The importance of this literary phenomenon for disclosing the problematics of the novel is explained. The interpretation of character study in the context of carnival action is suggested, the value of archetypical characters is defined in relation to its representation within the framework of laughter culture. The role of carnivalization, disclosing the metacontextual perspective, is analyzed.

Keywords: *carnivalization, Christoph Ransmayr, "The last world".*

Bibliograficheskiy spisok

1. Arskaya Yu.A. (2010). Total'nost' vremeni i vlasti v proizvedeniyakh Kristofa Ransmaira [The totality of the time and the authority in Christoph Ransmayr's novels]. // *Vremya kak ob'ekt izobrazheniya tvorchestva i refleksii [The time as an object of art and self-reflection]*: Mezhdunar. nauch. konf. (Irkutsk, 27 iyunya – 1 iyulya 2010 g.): materialy/ otv. red. I.I. Plekhanova. Irkutsk. S. 72–76.
2. Bakhtin M.M (1963). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. M., 363 s.
3. Bakhtin M.M (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renesansa [Rabelais and His World]. M., 543 s.
4. Gladilin N.V. (2012). Postmodernizm v literature stran nemetskogo yazyka: genezis i osnovnye tendentsii razvitiya [Postmodernism of German speaking countries: genesis and main trends of development]: Avtoref. dis. dokt. filolog. nauk. M., 37 s.
5. Dorfman N.V. (2012). Teoriya karnavala M. Bakhtina v kontekste kollektivnogo bessoznatel'nogo [The theory of carnival by M.M. Bahtin in context of the collective unconscious], *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii [In the world of science and art: questions of philology, art history and culturology]*: sb. St. po materialam XVIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' II. Novosibirsk, 160 s.
6. Karasev L.V. (2000). Karnaval i terror [Carnival and terror] // *Dialog. Karnaval. Khronotop [Dialogue. Carnival. Chronotope]*. 2000. № 1.
7. Kovtun N.V. (2011). Bogobortsy, fantazery i trikstery v pozdnikh rasskazakh V.M. Shukshina [Godfighters, fanatasists and triksters in the late novels by V.M. Shukshin] // *Literaturnaya ucheba [Literature studying]*. № 1.
8. Kovtun N.V. (2014). Real'nost' i tekst v proze rubezha XX–XXI vekov: «Poslednii mir» K. Ransmaira i «Kys'» T. Tolstoi [Reality and text in the prose at the turn of the century] / *Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti vs. novye vozmozhnosti [Crysis of literature-centrism. A loss of identity vs. new possibilities]*: monografiya / otv. red. N.V. Kovtun. M.: FLINTA: Nauka, 576 s.

9. Kovtun N.V. (2008). *European "Nigdeya" and Russian "TUtopia" (On the issue of interaction)* // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. № 1 (4).
10. Kristof Ransmayr. // *Laboratoriya fantastiki [Laboratory of fantasy]*. URL: <http://www.fantlab.ru/autor6708> (data obrashheniya: 02.03.2019).
11. Kryazhinskaya A. Letuchaya gora. Vstuplenie k romanu. [A flying mountain. The introduction the novel] // *Zhurnal'nyi zal [Journal hall]*. URL: <http://www.zh-zal.ru/inostran/2009/3/pa3.html> (data obrashheniya: 26.02.2019).
12. Kuleshov R.N. Funktsional'noe znachenie obraza trikстера v arkhaischeskoi traditsii. [Functional meaning of the trickster in archaic tradition] // URL: <http://ne.nadoest.com/dokumenty-v442/file1/index> (data obrashheniya: 26.02.2019).
13. Kukhta E.V. (2018). Kristof Ransmair [Christoph Ransmayr] / *Sovremennaya zarubezhnaya proza [Modern foreignn prose]*. Uchebnoe posobie / red. A.V. Tatarinov. M.: FLINTA: Nauka, 121 s.
14. Nazon P. O. (1977). *Metamorfozy: poema. Metamorphoses: the poem*. M., 430 s.
15. Ransmair K. (1993) *Poslednii mir [The last world]*. M.: Raduga, 208 s.
16. Chumakov S.N. Elementy bibleisko-khristianskoi didaktiki v literaturnykh voploshcheniyakh antichnogo mifa (G. Brokh, K. Ransmair) [The biblical and Christian didactic elements in literature transformations of antic myths] // *Sait kafedry zarubezhnoi literatury i sravnitel'nogo literaturovedeniya KubGU [The site of the Foreign literature department and Comparative literature]*. URL: http://zar-literature.ucoz.ru/publ/chumakov_s_n/ehlementy_biblejsko_khristianskoj_didaktiki_v_literaturnykh_voploshheniyakh_antichnogo_mifa_g_brokh_k_ransmajr/2-1-0-44 (data obrashheniya: 02.03.2019).
17. Yung K.G. (2014). *Alkhimiya snov. Chetyre arkhetipa. [Alchemy of dreams. Four archetypes]*. M.: Medkov, 2014, 312 s.
18. Gallagher D. (2007) *Ovid's "Metamorphoses" and the transformation of methamorphosis in Cristoph Ransmayr's novel "Die letzte Welt"*. London: Department of German University of London, Royal Holloway: Center of Ausrtian Studies. URL: <https://conservancy.umn.edu/bitstream/handle/11299/90515/WP072.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (data obrashheniya: 19.01.2019).
19. Gottwald Herwig (1996), *Mythos und Mystisches in der Gegenwartsliteratur: Studien zu Christoph Ransmayr, Peter Handke, Botho Strauß, George Steiner, Patrick Roth und Robert Schneider*. Stuttgart: Verlag Hans-Dieter Heinz, 186 p.
20. Holmes Am. (2002) Transformations of the Magical Real: Ransmayr and Garcia Marquez // *Canadian Review of Comparative Literature*. URL: <https://journals.library.ualberta.ca/crcl/index.php/crcl/article/download/10786/8343> (data obrashheniya: 26.02.2019).
21. *Shakespeare and Carnival: After Bakhtin*. Ed. by R.Knowels (1998). Basingtoke: Macmillan Press, 232 p.
22. Ziolkowski Th. (2005) *Ovid and the Moderns*. Ithaca, London: Cornell University Press, 288 p.

About the authors

Natalia Vadimovna Kovtun – Doctor of Philology, professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; email: nkovtun@mail.ru

Maria Valerievna Larina – fifth-year bachelor student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: m_larina@yahoo.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-08>

УДК 882

«НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» – ЕГО АВТОРЫ И ГЕРОИ**Е.О. Новикова (Красноярск, Россия)****Аннотация**

Статья посвящена исследованию актуального литературного направления, получившего название «новый реализм» и являющегося на сегодняшний день одним из векторов развития идейно-художественного пространства в России. Начало 2000 года отмечено очередной дискуссией о новом реализме, который стал самым обсуждаемым художественным направлением нашего времени. Шаргунов, Пустовая, Рудалев, Сенчин пишут статьи в духе манифеста, где предпринимают попытку выявить ключевые признаки, особенности поэтики молодого направления как сформировавшегося явления в русской литературе.

Ключевые слова: *новый реализм, постмодернизм, массовая литература.*

Одной из важнейших особенностей русской литературы XXI века стало ее возвращение к реализму. Переход к новой эпохе ознаменовался поиском идеологических, интеллектуальных, этических и эстетических установок в культурном пространстве. Культура постмодернизма, где автор, по выражению Р. Барта, «умер», а «всякий текст», по мнению Ю. Кристевой, «представляет собой пермутацию других текстов» [Кристева, 2004, с. 399], постепенно утрачивает актуальность. О завершении постмодернизма как направления в литературе России стали говорить уже в 90-е годы XX века. Огромное количество исследовательских работ и статей было посвящено этому явлению. Н. Ковтун подчеркивает, что конец 1990-х – своеобразный рубеж в литературе, когда на смену старым идеологическим установкам приходят новые: происходит «сворачивание проекта постмодернизма, что вызвало подчеркнутый интерес к реалистическим принципам письма, с одной стороны, и рождение новых художественных направлений, деклараций, манифестов, с другой. <...> Уже в середине 90-х гг. начинается активный поиск иного языка, идеала, сакрального» [Ковтун, 2018, с. 151].

М. Липовецкий провозглашает конец постмодернизма с появлением двух видов письма – исторические фантазии и новый автобиографизм, где писатели «анализируют свой личный опыт литературоведчески – как конгломерат влияний, „чужих слов“, осколков чужих сознаний, отражений в глазах других людей» [Липовецкий, 2002]. Таким образом, в литературу возвращается интерес к жизни конкретного человека в рамках «мемуарных жанров» и «жизнеописания», где становится важен образ автора. Литература XXI века озадачена поиском сильных героев, писателей с ярко выраженной жизненной позицией, несущих четкие, не «игровые» идеи в своих произведениях. Появляется молодое поколение авторов, которые не идут в русле традиционного реализма, они создают «новый реализм» [Ковтун, 2018].

Термин «новый реализм» с начала нулевых стал предметом бурных споров и дискуссий на страницах «Литературной России», «Литературной газеты», «Знамени», «Нового Мира», «Вопросов литературы». Критики расходились во мнениях, но очень часто отмечали, что литература сделала неожиданный поворот: «...нулевые получились совсем не такими, какими их представляли. Вряд ли в 1999-м кто-нибудь мог прогнозировать появление той картины литературного процесса, которая в 2009-м кажется очевидной и естественной... магистральным направлением станет... реализм» [Данилкин, 2010, с. 142]. Стремление молодого поколения художников выдвинуть новое литературное направление основывалось на пренебрежении к постмодернизму, и шире – на отрицании традиции. «Новые реалисты» подвергают критике постмодернизм как особое течение в искусстве, не интересующееся судьбой современного человека. Писатели отстаивают интересы классической русской литературы с ее психологическим антропоцентризмом. Среди представителей данного направления называют С. Шаргунова, А. Карасева, А. Бабченко, Г. Садулаева, З. Прилепина, М. Елизарова, Р. Сенчина, Д. Гуцко, И. Абузярова и др., они «стали до тошно описывать окружающую их „новую реальность“». Без идеализации, без символики, без обобщения, на уровне физиологических очерков они описывают грязный реальный мир нынешней молодежи» [Бондаренко, 2003]. Персонажей нового поколения скрепляет жажда выйти из современности (через разгул, пьянство, наркотики) в другую реальность, которая оказывается еще более неприемлемой, гнусной. Они не уверены в людях, прежде всего в себе, отчуждены от мира. Внешняя растерянность, закомплексованность и внутренняя неудовлетворенность составляют портрет героя.

Идеологами «нового реализма» стали С. Шаргунов и В. Пустовая. По определению С. Шаргунова, «новый реализм в том смысле нов, что более откровенен и резок, нежели классический, впитывает в себя актуальные интеллектуальные поиски, психологические откровения, языковые приемы, отражает более динамичную стилистически жизнь» [Шаргунов, 2005].

В 2001 году была опубликована вызвавшая широкое обсуждение [Ковтун, 2016, с. 60] статья-манифест С. Шаргунова «Отрицание траура». В тексте подчеркивается, что новый реализм – «важный поворот в литературе, а именно возвращение интереса к реальности, к жизни» [Шаргунов, 2001]. Автор уверенно говорит о том, что современному человеку не нужна серьезная литература. У русской классики закончился срок годности. Она устарела и не вызывает особого интереса у современного читателя, так же как и произведения в стиле постмодернизма, которые представляют лишь «пароход пародий». Массовая культура с неудержимым потоком информации, в центре которой человек, – вот что преобладает в современном обществе. Средний человек становится «значительней и интересней любых самых бесподобных текстов». При этом писатель находится не в «пыльном углу» экзистенциальных иллюзий, а может управлять государством. Главное достоинство новой литературы во «власти описания», ощущении «силы слова».

«Новый реализм» выступает как орудие нравственно-художественной борьбы против постмодернизма. В силу своей природы постмодернизм не способен удовлетворить потребности нового поколения. Шаргунов нашел очень емкое слово для характеристики мировоззренческой позиции писателей-постмодернистов в отношении к современности: «не вписавшиеся».

Спустя четыре года В. Пустовая пишет статью «Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм», где подчеркивает, что противостояние с постмодернизмом является начальным этапом формирования направления. Новый реализм, по ее мнению, отличен как от постмодернизма, так и от традиционного реализма. Критик в жанре манифеста стремится усилить онтологические основы «нового реализма». Мастерство нового реалиста в способности трактовать действительность: «Он должен уметь, как древний прорицатель, узнавать надмирные истины, копаясь во внутренностях птицы-жизни» [Пустовая, 2005]. Видеть в человеке «правду боли, слабости, греха» и отображать его «в масштабах Истины, в рамках которой человек не только тварь, но и творец, не только раб, но и сам себе освободитель» [Пустовая, 2005]. Поэтому целью нового реализма становится преодоление старых устоев, где реалист слишком прямо зависит от непосредственного житейского опыта.

Вслед за своими коллегами А. Рудалев пытается ответить на вопросы, волнующие поколение «нулевых», подводит итоги первого неореалистического десятилетия XXI века. Он справедливо отмечает, что эпитет «новый» часто вводит в заблуждение, «свидетельствуя не о принципиальной новизне литературы, а о новых реальностях, вызовах современности, с которыми приходится сталкиваться авторам. Они для России действительно новы, во многом уникальны» [Рудалёв]. Важным критерием в русской литературе XXI века А. Рудалёв провозглашает социальность, когда писатель включен в проблемы современности и его деятельность направлена на переустройство общества, а «не просто механическое и автоматическое транслирование этой реальности» [Рудалёв]. Этот тезис очень близок с идеями С. Шаргунова, который рассматривает направление «новый реализм» как движение социально активных людей.

В статье «Критик с позицией» А. Рудалёв предпринял попытку охарактеризовать основные признаки молодого направления как сформировавшегося явления в русской литературе. Он выделил следующие черты нового реализма: «документализм: фиксация как мельчайших моментов современности, так и нюансов душевных движений героя, часто, но не обязательно, тождественного автору; исповедальность: предельная художественная правдивость, искренность; традиционализм» [Рудалёв, 2007].

Документализм становится существенным элементом в современной культуре, поэтому в литературе сегодня очень важна автобиографичность повествования. Структура произведения определяется социально-типическими свойствами включаемых фактов, а вымысел сводится к минимуму. «Действительно, со всей очевидностью нашему времени присуще внимание к факту как к таковому

и к его прямой трактовке, – достаточно много всего происходит в современном мире и оказывается обрушенным на современного человека» [Чукуева, 2014]. Увеличивается интерес к собственной жизни, когда автор становится героем, пропуская через себя события, происходящие в мире. Автор креативно использует воспоминания и собственный житейский опыт. Автобиографизм становится методом сюжетостроения.

Фиксируя внимание на разнообразных событиях, автор должен обладать трезвым и пристальным взглядом на повседневную и общественную действительность. Он изображает тот или иной вариант существующего мира, познает его изнутри, следуя логике объективной реальности. Герои сегодняшней литературы проживают в современных хронотопах, соответствующих социуму наших дней. Очень важно сделать акцент на внутренних переживаниях человека, на оригинальности сюжета, в котором прослеживаются тенденции времени, как в произведениях «Санька» З. Прилепина, «Елтышевы», «Зона Затапления» Р. Сенчина. Не имеет значения место или биография персонажа, все внимание направлено на взаимосвязь героя с его внутренним миром и с реальностью. «Почва – реальность. Корни – люди» [Шаргунов, 2001].

Говоря о традиционализме как о характерной черте «нового реализма», мы наблюдаем сближение с традицией «деревенской прозы» [Ковтун, 2013, с. 77]. Рассматривая соотношение ведущих течений актуальной русской словесности: классического традиционализма, неотрадиционализма и «нового реализма», Н. Ковтун пишет: «...„новые реалисты“ активно ссылаются на идеи предшественников-традиционалистов, используя известные темы, мотивы, образы в собственном творчестве. Так выстраиваются параллели между „Прощанием с Матерью“ (1976) В. Распутина и „Зоной затапления“ (2015) Р. Сенчина, итоговой повестью „Дочь Ивана, мать Ивана“ (2003) того же В. Распутина и романом Р. Сенчина „Елтышевы“ (2009), лагерными текстами А. Солженицына и „Обителью“ (2014) З. Прилепина, прозой В. Астафьева и М. Тарковского, В. Белова и С. Шаргунова» [Ковтун, 2018, с. 155]. Таким образом, «новый реализм» как особое течение в современной русской литературе тяготеет к созданию текстов, отражающих острее исторические, социальные, нравственные, эстетические и философские проблемы времени.

Наиболее репрезентативны в этом контексте произведения Р. Сенчина. Он считается одним из идеологов нового реализма наряду с С. Шаргуновым. В 2001 году в интернет-журнале «Пролог» Р. Сенчин опубликовал статью «Новый реализм – направление нового века», претендующую на роль манифеста еще до выхода из печати статьи С. Шаргунова «Отрицание траура». В этой статье Р. Сенчин, так же как и его коллега, пытается выявить доминирующие признаки «нового реализма» как типа художественного повествования, становящегося основой литературного проекта: возвращение «к традиционному языку, традиционной форме, традиционным и, наверное, вечным темам, проблемам»; пренебрежительное отношение к массовой литературе: «фикшн»,

«экшн»; акцент на «серьезности»: «Литература стала серьезней, в ней меньше и меньше словесной игры, „стеба“; интерес к жизни и психологии людей; необходимость сближения художественности и документальности в повествовании, через письмо от первого лица; противостояние «сюрреалистам, постмодернистам, авангардистам, мастерам филологической прозы». «Читатели, пресытившиеся постмодернизмом, метаметафоризмом, – пишет он в статье „Новые реалисты“, – бульварной беллетристикой, гротеском и эпатажем, не нашедшие особого смысла в разрекламированных новинках вроде Коэльо и Уэльбека, возвращаются к той литературе, что отражает реальную жизнь, сводит к минимуму литературщину» [Сенчин, 2001].

Особое внимание Р. Сенчин уделяет молодым авторам, свободным от идеологических ограничений: «Молодые авторы с первых же своих шагов ориентируются на традиции русской литературы, на обновленный, очищенный от давящих на писателей старших поколений идеологических табу, реализм» [Сенчин, 2001]. Поэтому он возлагает на новое поколение большие надежды: «Сегодня в литературу входит новое поколение писателей, многим из которых пока нет и двадцати лет. Они росли и воспитывались уже в новой стране, в новых социальных условиях, перед ними изначально открыты широчайшие горизонты отечественной и мировой культуры». Но уже спустя пару лет Р. Сенчин заговорил о разочаровании в новом поколении литераторов: «Еще два-три года назад я был уверен: вот пришло в литературу новое поколение – поколение двадцатилетних, – и сейчас начнется. Эти ребята писали мощно, ярко, откровенно, в хорошем смысле нелитературно; казалось, их вещи способны вернуть слову вес и ценность, подарят нам новых героев, героев активных, живых, стремящихся изменить мир. Повеяло новыми шестидесятниками – Чернышевским и Добролюбовым, Синявским и Бродским». Но время, пишет критик, показало, что «из поколения потенциальных борцов делают первое поколение идеально дисциплинированных работников каптруда» [Сенчин, 2011, с. 66].

В итоге Р. Сенчин делает вывод, что придет либо новый государственный диктат: «Писателей вновь возьмут за шкуру и раздадут творческие задания», либо новый М. Горький, «энергичный, властный, вездесущий, хамящий, давящий, но ради продолжения русской литературы». Чуть позже он выскажет свой пессимистический взгляд на литературный процесс конца 2000-х годов: «Реализм, помаячив на горизонте в середине 2000-х, снова закатывается. Писателей-реалистов сегодня можно пересчитать по пальцам. Скорее всего, их число будет уменьшаться. Зачем пропускать через себя тяжелую, малопонятную, отравленную реальность 1990-х, 2000-х, наваливающихся серым смогом 2010-х, когда есть другие, более легкие и более доходные пути: выдумывай, фантазируй, уходи в древнюю или недавнюю историю, открывай новые штришки в биографиях великих людей...» [Сенчин, 2011, с. 203]. «Попытки чаще всего заканчиваются неудачей – реалистической прозы не получается, да и очерка тоже (жанр очерка вообще почти умер). А всерьез поговорить о жизни, о человеке, о мире, по моему

мнению, возможно только в форме реализма. Исключения случаются, но это действительно исключения» [Сенчин, 2011].

Р. Сенчин избрал собственный путь в литературе. Для него главное – фиксация и осмысление происходящих событий. Автор исследует литературу, не отделяя ее от истории, политики, общественной жизни: «Произведения Сенчина – это некий реквием по поколению советских ребят, родившихся в застойные 70-е, надорвавшихся в дикие 90-е и утонувших в декадансе нулевых» [Гуга, 2013]. Его относят к тем мастерам словесности, которым удалось создать свой вполне узнаваемый мир. «Мир, в котором приходится жить героям произведений, поражает своей враждебностью к простым обывателям, как правило, жителям сибирских городов или поселков, всегда отличавшихся отдаленностью от центра страны, заброшенностью, цивилизационным отставанием» [Вавжинчак, 2018, с. 73]. «В прозе Сенчина есть ранящая правда <...> У него почти всегда, почти все люди мелки и сломлены бытом, ничтожны и обречены на прозябание» [Ермолин, 2006].

Писатель все чаще пишет и критические статьи о молодой литературе, ее последователях, о направлении «новый реализм», наконец, появляется рассказ с аналогичным названием. «Новый реализм» – текст в духе данного направления, но в то же время это произведение, представляющее художественное осмысление молодого проекта. В нем изображен процесс творчества, будни писателя, его надежды и перспективы и, что особо важно, его мнение о собственных текстах и стиле. Сюжет построен на разговоре с иностранками, проявляющими интерес к современной русской литературе. Основной предмет беседы – «новый реализм». Рассказ ведется от третьего лица, в главном герое – литераторе Романе Валерьевиче – без труда угадывается сам автор: «Роман Валерьевич уперся взглядом в экран ноутбука, продолжил вдумчиво, стараясь не пропускать опечаток, стилистических ляпов, читать <...> Повесть, над которой мучился два года с перерывами, сейчас, при холодном прочтении, оказалась сырой и растянутой. Да и, честно говоря, не получившейся...» [Сенчин].

В самом начале произведения Р. Сенчин избирает устойчивую форму контакта автора и героя: они сближаются, напрямую совпадают в имени и ключевых событиях биографии. Этот прием характерен для «нового реализма», отображает его специфику. В романе «Информация» автор использует тот же прием. Герой романа высказывает мысли о прозе Олега Свечина, второстепенного персонажа романа, в котором узнаются черты автора. Р. Сенчин пишет, что проза Свечина о героях, которые «тяготились своей полунищетой, ныли и рычали, но выбраться из нее не пытались» [Сенчин, 2011, с. 277]. Роман получился как зафиксированный на бумаге жизненный опыт в литературной среде, где автор пытается написать собственную непростую историю.

В процессе беседы герой рассказа повествует, как он впервые услышал в начале двухтысячного года на какой-то литературной тусовке словосочетание – «новый реализм». «И вот там, пристроившись к группке немолодых, неизвестных то ли

писателей, то ли критиков, он и услышал: „Только какой-нибудь новый реализм способен спасти русскую литературу!“ Эта мысль его поразила, тем более что про его прозу говорили: это нечто новое <...> Пришел домой трезвым, по-боевому раздраженным и написал статью „Новый реализм – литература нового века“» [Сенчин].

Для Р. Сенчина «новый реализм» начался с услышанной где-то случайно брошенной фразы, о том, что новое направление способно спасти русскую литературу. Каковы же основные черты проекта? Во-первых, это поколенческий признак свободных писателей, стоящих вне идеологических рамок, сформировавшихся в промежутке между распадом СССР и становлением новой Российской Федерации. Во-вторых, главное в «новом реализме» – достоверное изложение действительности, где основа произведения – документальная, а форма – художественная. В-третьих, это описание объективной реальности с настоящими «живыми» героями. Автор признается: «В своих произведениях я обращаю внимание на то, что литература обычно обходит стороной. Разные житейские проблемы, неурядицы, нехватку денег, часто перманентную. И – нереализованность идей, мечтаний. Во-от... Наша жизнь вообще, если задуматься, состоит из череды мелких неприятностей. Крупные я стараюсь не трогать» [Сенчин]. В современной русской литературе «новый реализм» занял одно из центральных мест наряду с неосентиментализмом и неотрадиционализмом.

Библиографический список

1. Бондаренко В. Новый реализм // Завтра. 2003. № 34 (509).
2. Вавжинчак А. «Новый реализм» как попытка преодоления мифопоэтики традиционализма. Валентин Распутин и Роман Сенчин // Сибирский филологический форум. 2018. № 4 (4). С. 71–81.
3. Гуга В. С открытым забралом // Журнальный зал: Урал 2013. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2013/4/g17.html>
4. Данилкин Л.А. Клуб // Новый мир. 2010. № 1. С.135–154.
5. Ермолин Е. Случай одного реализма // Журнальный зал: Континент. 2006. № 128. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/128/ee27.html>
6. Ковтун Н. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» В. Распутина, «Учение ЕПС» В. Ерофеева и «Отрицание траура» С. Шаргунова) // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2016. № 58 (2). Vilnius: Vilniaus universitetas. Lpp. 52–65.
7. Ковтун Н.В. Валентин Распутин. Правда памяти: материалы Всерос. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения писателя. Иркутск, 28 сентября – 2 октября 2017 г. / отв. ред. В.Я. Иванова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 151–168.
8. Ковтун Н.В. Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI вв. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1 С. 77–87.
9. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики; пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
10. Липовецкий М. ПМС (постмодернизм сегодня) // Журнальный зал: Знамя. 2002. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/5/lipov.html>
11. Пустовая В. Пораженцы и преображенцы // Журнальный зал: Октябрь. 2005. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2005/5/pust18.html>
12. Рудалёв А. Катехизис «Нового реализма». Вторая волна [Интернет-ресурс]. URL: <http://rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm>

13. Рудалёв А. Критик с позицией // Литературная Россия. 2007. № 50. [Интернет-ресурс]. URL: <https://litrossia.ru/item/2370-oldarchive/>
14. Сенчин Р. Информация. М.: ЭКСМО, 2011.
15. Сенчин Р. Конгревова ракета: Двести лет со дня рождения Виссариона Белинского [Электронный ресурс] // Урал. 2011. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/6/se23.html>
16. Сенчин Р. Не стать насекомым // Не стать насекомым. Публицистика. Критика. Очерк. М.: Литературная Россия, 2011.
17. Сенчин Р. Новый реализм – направление нового века // Пролог. 2001. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ijp.ru/razd/pr.php?failp=00104600067> (дата обращения: 09.04.2019).
18. Сенчин Р. Новый реализм // Электронная библиотека [Электронный ресурс] URL: <https://litra.pro/novij-realizm/senchin-roman/read/1> (дата обращения: 09.04.2019).
19. Чукуева З.Н. Документализм как существенный элемент современной культуры // Известия ДГПУ. 2014. № 1.
20. Шаргунов С. Отрицание траура // Журнальный зал: Новый мир. 2001. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov-pr.html
21. Шаргунов С. Стратегически мы победили. Континент. 2005. HYPERLINK “<http://magazines.russ.ru/continent/2005/125>” № HYPERLINK “<http://magazines.russ.ru/continent/2005/125>” 125. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2005/125/sh26.html>

Сведения об авторе

Новикова Елизавета Олеговна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elisanov1991@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-08>

“NEW REALISM” – AUTHORS AND MAIN CHARACTERS

E.O. Novikova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the study of the current literary trend, called “new realism” which is at present one of the vectors of the development of ideological and artistic space in Russia. The beginning of the year 2000 was marked by a discussion about the new realism, which became the most topical artistic direction of our time. Shargunov, Pustovaya, Rudalev, Senchin write articles in the spirit of the manifesto, where they attempt to identify the key signs and features of the poetics of the new trend as a formed phenomenon in Russian literature.

Keywords: *new realism, postmodernism, mass literature.*

Bibliograficheskij spisok

1. Bondarenko V. Novy`j realizm // Zavtra. 2003. № 34 (509).
2. Vavzhinchak A. «Novy`j realizm» kak popy`tka preodoleniya mifopoe`tiki tradicionalizma. Valentin Rasputin i Roman Senchin // Sibirskij filologicheskij forum. 2018. № 4 (4). S. 71–81.
3. Guga V. S otkry`ty`m zabralom // Zhurnal`ny`j zal: Ural 2013. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2013/4/g17.html>
4. Danilkin L.A. Kludzh // Novy`j mir. 2010. № 1. S. 135–154.
5. Ermolin E. Sluchaj odnogo realizma // Zhurnal`ny`j zal: Kontinent. 2006, № 128. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/128/ee27.html>
6. Kovtun N. Aktual`naya literatura v zerkale manifestov («Moj manifest» V. Rasputina, «Uchenie EPS» V. Erofeeva i «Otriczanie traura» S. Shargunova) // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2016. № 58 (2). Vilnius: Vilniaus universitetas. Lpp. 52–65.
7. Kovtun N.V. Valentin Rasputin. Pravda pamyati : materialy` Vseros. konf., posvyashh. 80-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. Irkutsk, 28 sent. – 2 okt. 2017 g. / otv. red. V. Ya. Ivanova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2018, s. 151–168.
8. Kovtun N.V. Patriarxal`ny`j mif v tradicionalistskoj proze rubezha XX–XXI vv. // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 1. S. 77–87.
9. Kristeva Yu. Izbranny`e trudy`: Razrushenie poe`tiki: per. s francz. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya (ROSSPE`N), 2004. 656 s.
10. Lipoveczkij M. PMS (postmodernizm segodnya) // Zhurnal`ny`j zal: Znamya. 2002. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/5/lipov.html>
11. Pustovaya V. Porazhency i preobrazhency // Zhurnal`ny`j zal: Oktyabr`. 2005. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2005/5/pust18.html>
12. Rudalyov A. Katexizis «Novogo realizma». Vtoraya volna [Internet resurs]. URL: <http://rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm>
13. Rudalyov A. Kritik s poziciej // Literaturnaya Rossiya. 2007. № 50 [Internet resurs]. URL: <https://litrossia.ru/item/2370-oldarchive/>
14. Senchin R. Informaciya. M.: E`KSMO, 2011.
15. Senchin R. Kongrevova raketa: Dvesti let so dnya rozhdeniya Vissariona Belinskogo [E`lektronny`j resurs] // Ural. 2011. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/6/se23.html>
16. Senchin R. Ne stat` nasekomy`m // Ne stat` nasekomy`m. Publicistika. Kritika. Ocherk. M.: Literaturnaya Rossiya, 2011.

17. Senchin R. Novy`j realizm – napravlenie novogo veka // Prolog. 2001. № 3 [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.ijp.ru/razd/pr.php?failp=00104600067> (data obrashheniya: 09.04.2019).
18. Senchin R. Novy`j realizm // E`lektronnaya biblioteka [E`lektronny`j resurs] URL: <https://litra.pro/novij-realizm/senchin-roman/read/1> (data obrashheniya: 09.04.2019).
19. Chukueva Z.N. Dokumentalizm kak sushhestvenny`j e`lement sovremennoj kul`tury` // Izvestiya DGPU. № 1. 2014.
20. Shargunov S. Otriczanie traura // Zhurnal`ny`j zal: Novy`j mir. 2001. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov-pr.html
21. Shargunov S. Strategicheski my` pobedili. Kontinent. 2005. HYPERLINK «<http://magazines.russ.ru/continent/2005/125>»№ HYPERLINK «<http://magazines.russ.ru/continent/2005/125>»125. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2005/125/sh26.html>

About the author

Novikova Elizaveta Olegovna – master`s student, Department of World Literature and Methods of Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: elisanov1991@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-09>

УДК 821.551.3

КОРЯКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА¹**Н.А. Непомнящих (Россия, Новосибирск)****И.С. Полторацкий (Россия, Новосибирск)****Аннотация**

Постановка проблемы. Статья посвящена проблеме появления и становления корякской литературы. *Цель исследования* – переосмысление характера генезиса корякской литературы и анализ специфики поэтики первых корякских литературных произведений в свете новых научных переводов.

Методы исследования. Типологический, сравнительный и мотивный анализ первых корякских повестей, появившихся почти одновременно с созданием корякской письменности, показывает, что на раннем этапе писатели использовали в качестве материала для своих произведений как корякский фольклор (сказки, исторические предания), так и бытовые сюжеты: описание традиций, праздников, обычаев и рутинных трудовых процессов. Встречаются в повестях и типические, повторяющиеся для всех народов Сибири мотивы: охота на медведя, ловкость и находчивость героя в трудных ситуациях и другие.

Содержание исследования. Первые литературные произведения создавались на корякском языке, существующие дословные переводы не всегда совпадают с опубликованными литературными обработками. Кецай Кеккетын берет за основу бытовые сюжеты из жизни отца и других родственников или знакомых, разворачивает их на фоне описания национальных обрядов и праздников («Хоялхот») рутинной работы по выпасу оленей, ловле рыбы или охоты («Эвныто-пастух»). Лев Жуков, его современник и однокашник, идет по пути пересказа фольклорных сюжетов: сказки о сироте объединяются в цикл рассказов о богатыре Нотаймэ, собравшем вокруг себя коряков и научившем их рыболовству и стрельбе из ружей.

Результаты исследования. Выявлены существенные отличия оригинального корякского финала повести (подстрочных переводов) и текстом всех советских переизданий повести «Эвныто-пастух» Кеккетына, кроме первого (1936), который соответствует авторскому тексту.

Выводы. Специфика генезиса корякской литературы в том, что она появилась не в результате стадийного развития, а в результате «культурной революции»: это был политический шаг. Как и некоторые другие национальные литературы, она в момент появления равнялась тем личностям, которые ее представляли.

Ключевые слова: *творчество писателей Сибири, сюжет, мотив, литературы народов Севера, корякская литература, повесть, Кецай Кеккетын, Лев Жуков.*

Постановка проблемы. Переосмысление советского литературного наследия становится все более актуальным, в том числе необходим новый взгляд на национальные литературы, в особенности те, что появились в результате советского культурно-образовательного проекта, как, например, корякская литература, возникшая практически одновременно с созданием корякской пись-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов Сибирско-Дальневосточного региона».

менности. Проблема появления и становления корякской литературы становится еще более актуальной в современных условиях, когда вновь сделаны научные подстрочные переводы первых повестей, написанных в 1930-е годы на корякском языке Кецаем Кеккетыном и Львом Жуковым, а также в связи с обнаружением новых архивных сведений о первом корякском писателе – Кецае Кеккетыне [Голованева, Непомнящих, и др., 2018].

Таким образом, *цель* работы – рассмотреть первые корякские литературные произведения в сопоставлении с уже имеющимися советскими изданиями и сравнить их с новыми переводами, что позволит переосмыслить генезис корякской литературы.

Методы. Типологический, сравнительный и мотивный анализ первых корякских повестей показывает, что на раннем этапе писатели использовали в качестве материала для своих произведений как корякский фольклор (сказки, исторические предания), так и бытовые сюжеты: описание традиций, праздников, обычаев и рутинных трудовых процессов. Встречаются в повестях и типические, повторяющиеся для всех народов Сибири мотивы: охота на медведя, ловкость и находчивость героя в трудных ситуациях и другие.

Обзор литературы. Одной из первых попыток осмыслить феномен корякской литературы стал сборник статей под редакцией В. Огрызко «Корякская литература»² (2008), но этот сборник из серии книг о национальных литературах народов Севера нельзя назвать научным изданием, поскольку он имеет скорее просветительский и научно-популярный характер. Эта, безусловно, необходимая книга, популяризирующая сведения о корякских писателях, полезная для широкого круга читателей, которому литература народов Сибири известна мало.

Содержание исследования. Корякская литература, как и многие литературы коренных народов Сибири, живущих в экстремальных условиях, появилась лишь в XX веке в результате грандиозного по своему масштабу социально-преобразовательного проекта. Культурная революция, следовавшая за революцией в других сферах жизни, дала многим бесписьменным народам не только алфавиты, письменность и образование, но и кардинальные изменения быта, условий существования, ломая старейший, веками проверенный уклад и традиции, меняя всю их жизнь, тем самым способствуя появлению новых культурных феноменов, которых раньше в этих культурах просто не существовало в силу объективных причин.

Коряки, как и другие народы Севера и Сибири, к началу 1930-х годов оставались «на окраине» огромной страны и представляли собой один из коренных малочисленных народов, даже не имевших на тот момент единого названия-этнонима. Численность коряков составляла, по данным переписи 1926–1927 гг., 7434 человека, из которых кочевых было 55 %, оседлых – 45 %³. По сведениям этнографов, самого понятия «корякский народ» как единый этнос на тот момент не было, а Корякский округ, как и другие национальные округа, территориально

² Корякская литература / под ред. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2008.

³ Коряки // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 951.

впервые был выделен в 1930 году: «Постановлением Президиумом ВЦИК от 10 декабря 1930 года „Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера“ были организованы 8 национальных округов и 8 национальных районов» [Увачан, 1971, с.178]. Новое территориальное деление было связано с новой политикой: «В начале 1930-х гг. развернулась кампания по ликвидации неграмотности и подготовке национальных кадров. Для обучения детей коряков-оленеводов создавались кочевые школы. В 1932 открылись 6-месячные курсы подготовки партийных, советских и кооперативных работников из коренного населения... По инициативе Комитета Севера при ВЦИК СССР началось создание Корякской культбазы, включавшей школу, интернат, больницу, баню, краеведческий пункт, подсобные мастерские, факторию, столовую, заезжий дом. Важным событием в жизни коряков стало создание письменности. В 1931 появился единый унифицированный алфавит для народов Севера, в 1932 – букварь для корякской школы. В 1930-е гг. в округе получили распространение радиовещание, демонстрация кинофильмов»⁴.

Необходимо отметить, что для появления у коряков литературы в 1930-е годы историко-литературных предпосылок не было: родовой строй, суровый климат, жизнь в условиях ежедневного выживания, в силу объективных причин подчиненность людей первойшей для них задаче вести хозяйство, заниматься оленеводством, поддерживать бытовые условия, приемлемые для жизни, – все это в совокупности не предполагало развития художественной литературы. Устное народное творчество было, а вот письменности нет. Появление школ, курсов для взрослых, культбазы, обучение национальной элиты для руководящих должностей на местах отчасти меняют ситуацию. По сути, у корякского народа письменность и первые литературные произведения возникают одновременно. Коряки были одним из тех коренных северных народов, которые не знали ни литературы, ни письменности до 1930-х годов. Корякский алфавит, как и алфавиты для других народов Севера и Сибири, были созданы в начале 1930-х годов сперва на латинице, потом в 1936 году их в срочном порядке перевели на кириллицу. Литература у коряков появляется практически параллельно с письменностью: первые корякские повести написаны первыми учениками ученого-североведа С.Н. Стебницкого, поступившими в Институт народов Севера, Кецаем Кеккетыном и Львом Жуковым.

Невозможно говорить о том, что корякская литература появилась в результате стадийного развития, скорее это был политический шаг. Как и некоторые другие национальные литературы, она в момент появления равнялась тем личностям, которые ее представляли. Первым корякским писателем был Кецай Кеккетын, творчеству которого посвящена научная монография «Повести Кецай Кеккетына. Тексты. Комментарии. Переводы» [Голованева, Непомнящих, и др., 2018]. Он не окончил обучение в Ленинграде: после трех лет учебы в Институте народов Севера писатель в 1936 году прибыл на родину, где исполнял обязанности секретаря Комсомола. Осенью 1938 года был арестован, и дальнейшая его судьба пока неизвестна.

⁴ Корякский автономный округ // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 155.

Как правило, писатель, которому выпадает роль первопроходца, ощущает необходимость быть «гласом своего дотоле безгласного народа». С одной стороны, репрезентация народа перед остальным миром становится его культурной миссией и задачей, с другой – социальным заказом. Так, Кецай Кеккетын призывает в предисловии к первой повести писать на родном языке и создать «свою литературу», для него было важным написать такой текст, куда бы «вошли все слова» родного языка. «Еще в 1934 году, когда мы учились на своем языке, чуть не на каждом уроке спорили, как правильно писать слова. Одни из нас говорили на диалекте оседлых, а я и Нянов Микуль – на диалекте кочующих. Я начал думать и решил: напишу-ка я какую-нибудь большую записку, куда войдут все наши слова. Так летом 1934 года я составил рассказ о том, как раньше жили оленеводческие батраки. Я назвал этот рассказ „Эвныто-батрак“. Часть этого рассказа напечатали в газете „Инсовец“». [Голованева, Непомнящих и др., 2018, с. 348].

Все русскоязычные варианты повести опираются на подстрочный перевод С.Н. Стебницкого 1936 года, во многих местах дословно его повторяя. Никто из советских писателей, работавших с повестью, не владел корякским языком и переводить самостоятельно ее не мог. Работа с подстрочником – вполне оправданная практика в издании произведений писателей коренных народов Севера и Сибири. Степень вмешательства «литературных мэтров» в первоисточник невелика. Главным образом литературной обработке подвергается стилистика: лексика, порядок слов, некоторые синтаксические конструкции. Стоит отметить, что С.Н. Стебницкий при переводе стремился сохранить все особенности первоисточника, по возможности даже порядок слов, сделав его максимально удобным для параллельного чтения на двух языках, поскольку мыслил свой перевод не литературным, а вспомогательным при обучении корякскому языку: «Перевод этот почти дословный, подстрочный и потому лишь в слабой степени отражает художественные свойства оригинала. Но дальнейшая обработка неизбежно сделала бы его не вполне подстрочным и тем затруднила бы практическое пользование им как пособием при чтении корякского текста повести» [Там же, с. 4].

Каждый из последующих литературных редакторов – и Ю. Рытхэу, и В. Дудинцев – обходится с текстом очень бережно, в нем сохранен узнаваемый стиль автора, правка носит лишь стилистический характер. Повесть была переиздана в 1958, 1961, 1974, 1976, 1978, 2010 годах. Однако все переиздания содержат одно существенное отличие от ее первого издания 1936 года (в русском подстрочном переводе С.Н. Стебницкого), а также от научного подстрочного перевода, выполненного научным сотрудником ИФЛ СО РАН Т.А. Голованевой (2018), а именно: в оригинальной корякской повести другой финал.

Вторая часть повести подверглась содержательной переработке во всех советских русскоязычных посмертных изданиях, и в обработке Рытхэу, и в обработке Дудинцева, причем финал у обоих абсолютно одинаковый. В версии Дудинцева и в версии Рытхэу в повести 16 глав. В оригинале – 17. В сравнении с подстрочниками С.Н. Стебницкого (1936) и Т.А. Голованевой (2018) видно, что

повесть частично сокращена. У Дудинцева совсем выброшена из текста оригинальная главка 14, вместо нее идет сразу следующая, у Рытхэу она сохранена, но у него объединены 15 и 16 в одну с небольшим сокращением главы 15. У обоих абсолютно одинаково переиначен финал, три заключительных абзаца повести в их версиях дословно совпадают друг с другом, хотя весь остальной текст немало отличается.

В издании 2010 года⁵ вариант повести совпадает по объему и содержанию с переводом Дудинцева, финал также дословно повторяется и совпадает с ним. Но дудинцевский перевод в других частях этой книги стилистически отличается от текста обработки Дудинцева в изданиях 1961, 1976, 1978 годов: в камчатском переиздании текст еще более пространственный, часто используется современная лексика, не совпадающая с лексикой Дудинцева или Рытхэу, что позволяет сказать, что авторы, которые значатся в качестве переводчиков повести в этом издании, литературно его переработали. В основе этого варианта «перевода» не было оригинального корякского текста, и это подтверждается следующим фактом: настоящий финал повести авторам переделки-2010 неизвестен – финал повторен тот же, что у Дудинцева и у Рытхэу, слово в слово. К тому же корякский текст повести, который дан в этом издании, как установила Т.А. Голованева, является обратным переводом с русского языка – литературной обработки Дудинцева. Итак, автором переделки конца повести скорее всего был Рытхэу, поскольку он раньше Дудинцева стал редактором повести.

В оригинальном тексте Кецай Кеккетына финал гораздо мягче и конкретнее в изображении деталей, важных для понимания, как именно происходили те революционные изменения, пришедшие вместе с советской властью к коренным народам Севера. В конце повести описывается, как проходит собрание по раскулачиванию бывшего хозяина батраков – Чачоля после приезда Эвныто с учебы в Тигиле. Повесть уникальна тем, что пишется параллельно происходящим изменениям, пишется человеком, находящимся «внутри» событий, видевшим все собственными глазами. Она безыскусна, и в этом ее ценность как документа эпохи: по многим деталям можно судить о жизни коряков как накануне прихода советской власти, так и в тот момент, когда она уже укрепляется и становится повсеместной, можно видеть, насколько недоверчиво поначалу было коренное население, каким образом происходила смена власти, каким образом преодолевались прежние устои и традиции, однако, к сожалению, эти самые интересные моменты и были изъяты и переписаны в духе эпохи по идеологическим соображениям последующими обработчиками повести.

Как видим, материал, которым писатель может воспользоваться для решения задачи «заявить о своем народе миру», довольно ограничен: это или родной фольклор, или бытовая и этнографическая основа, позволяющая в подробностях описать обычаи и традиционный образ жизни. Кецай Кеккетын идет по второму пути: он берет за основу сюжеты из жизни отца и других родственников или

⁵ Кецай Кеккетын. Эвныто-пастух. Петропавловск-Камчатский, 2010.

знакомых, разворачивает их на фоне описания национальных обрядов и праздников («Хоялхот») рутинной работы по выпасу оленей, ловле рыбы или охоты («Эвныто-пастух»). Лев Жуков, его современник и однокашник, идет по пути пересказа фольклорных сюжетов: «В повести о Нотаймэ находим все основные элементы северопалеоазиатского сказания о сиротке. Единственное, что не нашло отражения и возможность чего была, конечно, совершенно исключена в повести писателя-комсомольца, – это участие духов в борьбе сиротки, благодаря помощи которых юноша становится богатырем, удачным промысловиком и воином» [Стебницкий, 2018, с. 409]. Помимо сказочных сюжетов, в повести использован также материал исторических преданий. Главный герой – богатырь Нотаймэ становится своеобразным «культурным героем» для своего народа: благодаря ему они осваивают рыболовство, объединяются против внешних врагов, учатся стрелять из огнестрельного оружия, которое отобрали у врагов – русских казаков. С.Н. Стебницкий перевел повесть, и она до сих пор существует именно в его редакции. Отличие редакции Стебницкого от подстрочника, сделанного в 2018–2019 гг. научным сотрудником ИФЛ СО РАН Т.А. Голованевой, незначительное: в авторском варианте есть небольшое предисловие, содержательно с повестью не связанное⁶.

Повесть Л. Жукова «Нотаймэ» подробно проанализирована исследователем, им показана и подробно прокомментирована ее связь с корякским фольклором. Кроме того, С.Н. Стебницкий стремится найти в ней черты «литературного реализма», те детали, которые отличали бы ее от фольклорного повествования. Исследователь отмечал, что «в повестях молодых корякских писателей Кеца и Льва Жукова отразился и был претворен в ряд реалистических словесных картин корякский фольклор» [Стебницкий, 2018, с. 413]. Главным образом они находятся в последних главах, где рассказывается о столкновении коряков с казаками и овладении ими огнестрельным оружием.

Однако С.Н. Стебницкий также признавал, что «первым образцом корякской письменности, который может быть назван если не литературным произведением в полном смысле этого слова, то, во всяком случае, произведением письменности, наиболее близко подошедшим к одному из литературных жанров (повести), является сочинение Кеца „Эвныто-батрак“» [Стебницкий, 2018, с. 379]. Повести Кеца Кекктына «Эвныто-пастух» и «Хоялхот» имеют много общего с таким феноменом, как народная литература. Она находится на границе между фольклором и собственно литературой и долго оставалась «за бортом» исследовательского внимания, однако в последние десятилетия ситуация стала меняться. Иногда еще ее называют литературой «наивной»: «Многие литературы неизбежно начинаются с „наивных“ форм, подражая „высоким“ образцам иноязычной словесности, но не овладев ее средствами. В типологическом отношении они являются одним из возможных шагов из фольклора в литературу. Почти на наших глазах подобное происходило в так называемых младописьменных культурах»

⁶ Голованева, рукопись (2018).

[Неклюдов, 2001]. Поскольку в термине «наивный» есть оценочный компонент, будем использовать понятие «народный», которое в большей степени отражает специфику творчества Кецай Кеккетына.

М.Л. Лурье, который пользуется термином «наивная литература», определяет ее как «литературное творчество (или сочинительство) „литературно неквалифицированных“ авторов» [Лурье, 2001, с.17]. Причем «неквалифицированность» заключается не в отсутствии образования, а в отсутствии литературной практики: «...тексты порождают не те авторы, которые не получили „достаточного“ образования (учитывая и самообразование), а те, которые сами по себе не являются квалифицированными потребителями литературной продукции, находящимися в одном социокультурном пространстве с ее производителями... Так вот, (...) „наивным писателем“ становится именно „не читатель“, что определяется не столько количеством потребляемой культурной информации (...), сколько качеством потребления. Иначе говоря, „наивную“ литературную продукцию (и речь не только о художественных текстах) – создают только „дискурсивные дилетанты“» [Лурье, 2001, с.17]. Первые корякские писатели, несмотря на их огромные успехи в учебе и освоении русского языка, были именно таковыми: никакой литературы на корякском до них не было, их читательский опыт на тот момент мог лишь ненамного превышать учебные программы, и прежде всего они знакомились с образцами русской литературы.

Есть еще один очень важный момент, в равной степени справедливый как в отношении народной литературы, так и в отношении творчества Кецай Кеккетына: «Импульсом к сочинительству или поддержкой в творческих начинаниях для многих из известных нам наивных авторов послужило общение с людьми из мира „большой культуры“, исходящий от них „культурный заказ“, заявления о востребованности продуктов творчества этих авторов» [Лурье, 2001, с. 20]. В Институте народов Севера литературное творчество студентов всячески поощрялось, перед многими из них стояла задача – рассказать о своем народе, дотоле малоизвестном, описать его нравы и быт, показать, что любой народ в составе советского государства живет лучше, чем при царе и его наместниках, – таков был социальный заказ, который каждый из пишущих воспринимал как некий долг и по отношению к своему народу, вдруг неожиданно обретшему голос в лице отдельного представителя, и по отношению к государству, которое дало возможность каждому из них выучиться, получить статус писателя в обществе.

Кецай Кеккетын описывал жизнь того народа, к которому принадлежал, основываясь на личном опыте. Его повествование если не буквально документально, то во многом списано с действительности, и это целеполагающая авторская установка. Для произведений народной литературы правдивость – одна из важнейших ценностных категорий: «Отсюда, по-видимому, происходит и характерная для многих наивных писателей специфическая амбициозность: как значимое и ценное осознается обычно не художественное совершенство произведения, а исключительность его содержания, и автор видит свою заслугу именно

в том, что „донец“ это содержание до других людей – односельчан, потомков, потенциальных читателей» [Лурье, 2001, с. 23]. Вспомним выпущенный из первой главы «Эвныто-батрака» абзац о том, что главная цель автора – рассказать о том, как раньше люди жили.

Общий мотив, который встречается и в рассказах Л. Жукова о богатыре Нотаймэ, и в повести «Эвныто-пастух» Кецай Кеккетына, – это мотив охоты на медведя. Чтобы доказать свою состоятельность, мужчина должен одержать победу в схватке с медведем. Это переломный момент в повести Кеккетына, это один из важных эпизодов повести Жукова, и это один из самых распространенных мотивов в литературах коренных народов Сибири в целом: он одновременно имеет и фольклорную, и бытовую основы [Непомнящих, 2015, с. 194–205].

Вторая повесть К. Кеккетына «Хоялхот», изданная под его инициалами после его ареста в 1939 году, также основана на жизненном материале. В камчатском издании 2010 года есть интересное свидетельство по поводу событий, описанных в повести «Хоялхот»: «Однажды я предложила бабушке почитать предложенную библиотекарем книгу: „Ну давай!“ И я начала читать каждый вечер. Она только причмокивала и комментировала: „Да, правильно, Меле грязнуля и злюка, а вот Хоялхот очень был красивым, как его девушка Каляган! Как жаль, что его женили на Меле. Внучка, кто же это так хорошо и правильно написал про жизнь воямпольцев?“ – „Не знаю“, – отвечаю ей. Мне бы имя автора прочитать, тогда, возможно, бабушка рассказала бы о Кецае и его семье... Старая, слепая, много испытывавшая на своем веку неграмотная женщина сумела оценить повесть „Хоялхот“. И эту книгу она очень берегла: „Никому не давай, положу-ка ее в изголовье“» [Кецай Кеккетын, 2010, с. 203].

В героях и событиях повести землячка узнавала вполне реальных, некогда живших людей, чья внешность, характер и судьбы полностью совпадали с описанными в книге. То, что к творчеству Кецай Кеккетына на его малой родине – Камчатке, до сих пор относятся как истинно народному, свидетельствует и тот факт, что в том же издании 2010 года (Петропавловск-Камчатский) повесть «Эвныто-пастух» была повторно переведена на корякский с русского перевода, то есть, по сути, был сделан обратный перевод с русского на корякский, настолько велика была потребность увидеть повесть переизданной на корякском языке.

После ареста Кецай Кеккетына в 1938 году [Голованева, Непомнящих и др., 2018, с. 383–387] литературных произведений на корякском языке создано не было, традиция оборвалась. Впоследствии развитие корякской литературы связано с именем В.В. Коянто (Косыгиным) (1933–2012), однако он писал на русском языке и потому его нельзя назвать прямым продолжателем предшественников. Он скорее представитель более поздней советской школы национальных писателей, перешедших в прозу на русский язык.

Результаты исследования. Сопоставление текстов всех имеющихся советских изданий повести «Эвныто-пастух» Кецай Кеккетына с подстрочными переводами С.Н. Стебницкого (1936) и Т.А. Голованевой (2018) выявило одинаковые разночтения между подстрочником и всеми имеющимися изданиями пове-

сти на русском языке (1958, 1961, 1974, 1976, 1978, 2010). Идеологической переработке и сокращению подверглись ее последние главы и строки, конец повести в советских изданиях на русском языке совпадает дословно даже у разных авторов «литературной обработки» – Ю. Рытхэу и В. Дудинцева – при явных стилистических различиях остального текста. Скорее всего, изменил первоначальный текст повести именно Ю. Рытхэу, значащийся автором «литературной обработки» второго издания повести (1958). Возможно, переработка финала была продиктована не только идеологическими соображениями, но и судьбой корякского автора: в 2018 году впервые удалось установить, что осенью 1938 года К. Кеккетын, исполнявший обязанности районного секретаря Комсомола, был арестован.

Выводы. Корякская литература возникла в условиях социального заказа: студенты Института народов Севера пишут первые повести на корякском языке под руководством известного ученого-североведа С.Н. Стебницкого, используя в качестве материала для своих книг исторический фольклор или бытовые сюжеты, описания традиционных занятий, праздников и обычаев. Поскольку авторы первых корякских произведений не были и не могли быть профессиональными литераторами в силу многих причин, и прежде всего потому, что они выросли в бесписьменной культуре, их первые книги носят отпечаток «наивного письма» в его терминологическом понимании, однако ближе к сути определение «народная литература» с ее стремлением к правдивости и буквальному документализму.

Библиографический список

1. Голованева Т.А., Непомнящих Н.А., Полторацкий И.С., Пронина Е.П. Повести Кецай Кеккетына. Тексты. Переводы. Комментарии. Новосибирск, 2018.
2. Кецай Кеккетын. Эвныто-пастух. Петропавловск-Камчатский, 2010.
3. Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001.
4. Неклюдов С.Ю. От составителя. «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001.
5. Непомнящих Н.А. Варианты сюжета «поединок человека с медведем» в произведениях В. Санги, А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и других писателей // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2.
6. Стебницкий С.Н. Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература // Голованева Т.А., Непомнящих Н.А., Полторацкий И.С., Пронина Е.П. Повести Кецай Кеккетына. Тексты. Переводы. Комментарии. Новосибирск, 2018.
7. Увачан В.Н. Путь народов Севера к социализму. Опыт социалистического строительства на Енисейском Севере. М.: Мысль, 1971. С. 178.

Сведения об авторах

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск; e-mail: alkat@ngs.ru

Полторацкий Иван Сергеевич – младший научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск; e-mail: ipoltora@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-09>

KORYAK LITERATURE: GENESIS AND POETICS

N.A. Nepomnyaschikh (Novosibirsk)

I.S. Poltoratsky (Russia, Novosibirsk)

Abstract

The article explores the origins and development of Koryak literature. The specificity of Koryak literature is that it did not appear as a result of gradual development, but as a product of “Cultural revolution”, being a part of the political agenda of the time. Similar to several other national literatures, it equalled the personalities, who represented it at its formation.

Typological and comparative analyses of the first Koryak narratives, which appeared almost simultaneously with the Koryak alphabet, show that in the early stage Koryak writers widely used the Koryak folk-lore (fairy-tales, legends) as well as events of everyday life (descriptions of rituals, rites and the routine duties) in their works. There are motifs typical of all indigenous peoples of Siberia in the narratives such as bear-hunting, skill and cunning demonstrated by a character under pressing circumstances, etc. The first works were written in Koryak language. Kietsai Kiekketyyn based his narratives on the every day events from life of his farther, relatives, and acquaintances, depicting them in the context of traditional rituals and festivities (Khoiakholt) as well as deer-pasture, fishing or hunting (Evnyto, the Shepherd). Lev Zhukov, his contemporary and classmate, retold folk-lore tales in his writings. His series of short stories about Notaime, a legendary hero, who united the Koryak people and taught them how to fish and fire a rifle, are based on folk tales about an orphan. The first Koryak writers received their education in Leningrad. The Koryak literary tradition was interrupted by their tragic disappearance in the late 1930th.

Keywords: *works of Siberian writers, plot, motif, literature of the peoples of the North; Koryak literature, Kietsai Kiekketyyn, Lev Zhukov.*

Bibliograficheskij spisok

1. Golovaneva T.A., Nepomnjashhih N.A., Poltorackij I.S., Pronina E.P. Povesti Kecaja Kekketyna. Teksty. Perevody. Kommentarii. [Stories by Ketsaya Kekketyn. Texts. Translations. Comments]. Novosibirsk, 2018.
2. Jevnyto-pastuh [Evnyto-pastukh]. Petropavlovsk-Kamchatskij, 2010, s. 203.
3. Lur'e M.L. O fenomene naivnogo sochinitel'stva [About a phenomenon of naive writing] // «Naivnaja literatura»: issledovanija i teksty [«Naive literature»: researches and texts]. M., 2001.
4. Nekljudov S.Ju. Ot sostavitelja [From the originator] // «Naivnaja literatura»: issledovanija i teksty. [«Naive literature»: researches and texts]. M., 2001.
5. Nepomnjashhih N.A. Varianty sjuzheta «poedinok cheloveka s medvedem» v proizvedenijah V. Sangi A. Nemtushkina G. Kjeptukje i drugih pisatelej [The versions of the «man – bear combat» plot in the works of V.Sangi, A.Nemtushkin, G.Keptuke and other writers] // Sjuzhetologija i sjuzhetografija. 2015. № 2.
6. Stebnickij S.N. Korjaskij istoricheskij fol'klor i zarozhdajushhajasja korjaskaja literature [The Koryak historical folklore and the arising Koryak literature] // Golovaneva T.A., Nepomnjashhih N.A., Poltorackij I.S., Pronina E.P. Povesti Kecaja Kekketyna. Teksty. Perevody. Kommentarii. Novosibirsk, 2018.
7. Uvachan V.N. Put' narodov Severa k socializmu. Opyt socialisticheskogo stroitel'stva na Enisejskom Severe [Way of peoples of the North to socialism. Experience of socialist construction in the Yenisei North]. M.: Mysl', 1971, s. 178.

About the authors

Nepomnyaschikh Natalia Alekseevna – Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Novosibirsk; e-mail: alkat@ngs.ru

Poltoratsky Ivan Sergeevich – Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Novosibirsk; e-mail: ipoltora@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-10>

УДК 81'27

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Г.С. Спиридонова (Красноярск, Россия)**Т.А. Степанова (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Статья посвящена специфике языковой картины мира младшего школьника, выявленной на материале концепта «семья» – одного из ключевых концептов русской языковой картины мира. Изучение детской языковой картины мира – достаточно новое направление в современной науке, подготовленное трудами психологов (К. Бюлер, В. Штерн, Ж. Пиаже и др.) и психолингвистов (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и др.). В работе кратко изложены основные положения современных исследований, посвященных русскому концепту «семья» и рассмотрены результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в 3 классе общеобразовательной школы-интерната № 1 им. В.П. Свияжкова в Красноярске в 2018 году. Результаты исследования сопоставляются с выводами из аналогичного эксперимента И.В. Гармаш (Таганрог, 2016), а также с материалами русских ассоциативных словарей. Мы выяснили, что концепты «семья» у детей и взрослых различаются по объему, по структуре и по характеру оценочности.

Ключевые слова: *языковая картина мира, детская языковая картина мира, концепт «семья», ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, слово-стимул, ассоциация, реакция, респондент, младший школьник, ребенок, взрослый.*

Ребенок – это особый тип языковой личности, формирующий свой, специфический взгляд на мир и на себя в нем. «Образ мира, запечатленный в языке детей, во многом отличается от картины мира взрослых носителей языкового сознания, что объясняется свойствами мышления детей, своеобразием их мироощущения и мировосприятия» [Тухарели, 2001]. В последнее время наука все чаще обращается к описанию этой особой детской языковой картины мира. Разработка проблемы еще только началась, но она была основательно подготовлена исследованиями по психологии раннего детства (К. Бюлер, В. Штерн, Ж. Пиаже и др.), а также изысканиями психолингвистов в области детской речи (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и др.) [Демьшева, 2016].

Языковая картина мира складывается из концептов. Под концептом принято понимать содержание словесного знака, обобщенное представление о каком-либо фрагменте окружающей действительности, включающее понятие, эмоции, культурные стереотипы, фрагменты прошлого опыта. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не „творец культурных ценностей“ – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, с. 40].

Концепт имеет определенный неизменяемый стержень и вместе с тем постоянно трансформируется. Концепт обладает нежесткой структурой: он состоит из ядра и периферии. К ядру будут относиться первичные наиболее яркие образы, слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью. Более абстрактные образы составляют периферию концепта, которая «состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей» [Рудакова, 2004, с. 49–52].

Для описания концептов используются как традиционные лингвистические методы (анализ семантики номинаций, анализ паремиологии и фразеологии, этимологический анализ, анализ актуализации концепта в текстах), так и экспериментальные, в частности свободный ассоциативный эксперимент [Стернин, 2004, с. 227–230].

Концепт «семья» относится к базовым концептам русской языковой картины мира, к «опорным точкам национального менталитета» и, следовательно, заслуживает максимально подробного описания [Рухленко, 2006, с. 28]. Он неоднократно становился предметом лингвистических, лингвокультурологических и философских исследований¹. На сегодняшний день, по мнению ученых, в языковой картине мира русских данный концепт представляет собой следующее. Семья – «группа близких или дальних родственников (включая свойственников и приемных детей / родителей), ощущающих себя единым целым, связанных тесными эмоциональными отношениями, живущих или не живущих вместе, ведущих общее или раздельное хозяйство, иногда включающая в себя формально чужих людей, если они воспринимаются как очень близкие, душевно родные, а также (редко) домашних животных»². Эти выводы сделаны на материале словарей, художественных текстов и ассоциативных экспериментов со взрослыми людьми.

Попытки рассмотрения детского варианта концепта «семья» также совершались [Гармаш, 2016; Гармаш, Голубева, 2016], но выводы в этом направлении носят пока предварительный характер.

Цель данного исследования – описание концепта «семья» в языковой картине мира современного младшего школьника в сравнении с тем же концептом в языковой картине мира взрослого. Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент в 3 классе школы-интерната № 1 им. Синякова г. Красноярск. В роли испытуемых выступили 20 человек – носителей русского языка в возрасте 9–10 лет (из них 13 девочек, 7 мальчиков).

¹ Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.; Сказко А.С. Трансформация концепта «семья» в культуре России: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 171 с.; Рухленко Н.Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005.; Матвеева М.В. Концепт «семья» и его репрезентация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 249 с.; Занегина Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 254 с.; Рахмат А. Концепт «семья» в русской паремике: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 231 с.

² Занегина Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-semya-v-russkom-literaturnom-yazyke-i-printsipy-ego-opisaniya>

Эксперимент проходил по следующей схеме: участников просили устно дать неограниченное количество ассоциаций на слово-стимул *семья* в неограниченное время. Главное условие – называть то, что приходит в голову, не раздумывая и ничего не поясняя. В ходе эксперимента дети не испытывали никаких затруднений. Максимальное время ответа составило 2 минуты 39 секунд, минимальное – 40 секунд. Всего было получено 119 ассоциативных реакций, из них 72 разных.

Формальная структура ассоциативного поля Семья в нашем эксперименте представлена 39 существительными, 26 прилагательными, 1 глаголом, 6 словосочетаниями.

По общим семантическим признакам реакции, полученные в результате эксперимента, делятся на группы следующим образом.

1. Реакции, обозначающие членов семьи, – (53) 44,53 % (*мама, папа, бабушка, дедушка и др.*).

2. Реакции, обозначающие качества, признаки (характеристики семьи и взаимоотношений внутри нее), – (42) 35,29 % (*большая, добрая, дружная и др.*).

3. Реакции, обозначающие чувства и состояния, – (7) 5,88 % (*любовь, счастье, дружба и др.*).

4. Реакции, обозначающие процессы и действия, – (6) 5,04 % (*забота, игра, не ссорятся и др.*).

5. Реакции, обозначающие предметы и вещи, – (7) 5,88 % (*дом, квартира, стол и др.*).

6. Прочие реакции – (4) 3,36 % (*лев, подлежащее и др.*).

Как видим, на первом месте по частоте оказываются реакции, обозначающие членов семьи, на втором – характеристики семьи и взаимоотношений.

В 2016 году в Таганроге Ириной Владимировной Гармаш был проведен аналогичный, но гораздо более масштабный эксперимент с младшими школьниками. В ее опросе приняли участие 267 человек, от них получено 1798 реакций, из которых 62 разные [Гармаш, 2016]. Все реакции – существительные, вероятно, такова была изначальная установка. Видимо, по этой же причине 267 респондентов И.В. Гармаш дали меньшее количество разных реакций, чем 20 наших респондентов.

Мы сравнили детские реакции с реакциями взрослых людей, зафиксированными в трех разных словарях: Русском ассоциативном словаре: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин (РАС) (1994)³, Славянском ассоциативном словаре: русский, белорусский болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов (САС) (2004)⁴ и Ассоциативном словаре Приенисейской Сибири / С.П. Васильева, А.Д. Васильев (АСПС) (2014)⁵. Для анализа привлекался также Русский сопоставительный ассоциативный словарь / Г.А. Черкасова (2008) (РСпАС), в котором представлены в

³ В РАС представлена 631 реакция на слово-стимул *семья*, из них 198 – разные.

⁴ В САС представлено 593 реакции на слово-стимул *семья*, из них 171 – разная.

⁵ В АСПС представлено 75 реакций на слово-стимул *семья*, из них 44 – разные.

сводном виде материалы РАС и САС, то есть дана ассоциативно-вербальная модель языкового сознания русских по временным срезам в динамике 40 лет (конец XX – начало XXI века).

Вполне естественно, что у взрослых ассоциативное поле *семья* оказывается более сложным и обширным, чем у детей. Взрослые люди употребляют разные части речи, разные формы слов, прецедентные выражения, ассоциации по созвучию (в рифму) и т.д. Среди взрослых реакций встречаются наречия (*вредно, свято, скоро, сложно!*), местоимения (*я, моя, своя, наша*); падежные формы (*Адамов, аристократов, соседа, Ульяновых*); метафоры (*крепость, броня, улье*), многосложные сочетания (*желанный на всю жизнь, мама, папа, я – дружная семья*); журналистские штампы (*ячейка общества, народов, и школа, и общество*).

Выяснилось, что выделяются две наиболее многочисленные семантические группы в ассоциативном поле Семья и у детей и у взрослых: 1) члены семьи и 2) характеристики семьи⁶. Сравним реакции детей и взрослых, относящиеся к семантической группе «члены семьи».

У детей самыми популярными здесь оказались реакции *мама* и *папа*⁷, что для данного возраста вполне естественно и легко объяснимо⁸. Из табл. 1 видно, что реакции *мама* и *папа* у взрослых гораздо менее частотны и располагаются не в центре ассоциативного поля, а на его периферии⁹. Частотные детские реакции *бабушка* и *дедушка* у взрослых не встречаются ни разу, зато одной из самых популярных оказывается реакция *дети* (она явно входит в ядро взрослого ассоциативного поля). Неоднократно упоминаются взрослыми также *муж* и *жена*.

⁶ Наиболее частотными реакциями в эксперименте И.В. Гармаш оказались абстрактные существительные, называющие чувства, человеческие качества и взаимоотношения внутри семьи (*любовь, нежность, радость, доброта, сочувствие* и др.) – их, по нашим подсчетам, около 58 %. На втором месте – существительные, обозначающие членов семьи (*близкие, родители, мама, папа, сестра* и т.д., вплоть до собак и кошек) – их 27 %. Среди взрослых реакций характеристики семьи и взаимоотношений на 1 месте (их около 35 %), а реакции, называющие членов семьи, – на втором (примерно 16 %).

⁷ В эксперименте И.В. Гармаш слово «мама» упомянули 220 детей из 267 (1 место среди прочих реакций), а папа – 205 из 267 (2 место).

⁸ Анализируя детские сочинения о семье, психолог О.А. Колесова пришла к выводу, что образ матери в представлении современных младших школьников имеет высокую эмоциональную окрашенность. Дети видят в маме не столько домохозяйку и продолжательницу рода, сколько человека, способного эмоционально поддерживать. Именно от ее усилий, по их мнению, зависит психологический климат в семье. О.А. Колесова приводит следующие определения матери из детских сочинений: «Мама – это самый главный человек для детей»; «Мама – это самый дорогой человек для меня»; «Мама – это первое слово в каждой судьбе. С нее начинается жизнь»; «Мама – это верный друг, который всегда сможет помочь, когда трудно», «Мама – это добрая и понимающая женщина. Она готова тебе помочь в любую минуту», «Мама – это человек, который всегда поддержит, будет заботиться о тебе».

Отца, по наблюдениям О.А. Колесовой, дети воспринимают прежде всего как главу семьи, как кормильца и защитника. Об этом свидетельствуют следующие определения из детских сочинений: «Папа – это центр и мозг семьи, он все решает»; «Папа – это самый важный и главный в семье. Папа принимает самые важные решения»; «Папа – это сильный человек, который может защитить всех от беды»; «Он зарабатывает, чтобы все жили хорошо». Получается, что, с точки зрения ребенка, мать – душа семьи, а отец – ее главная физическая сила и мозговой центр [Колесова, 2010, с. 300–301].

⁹ По частоте в РАС *мама* находится на 7 месте, в САС – на 11, в АСПС – на 6 (здесь ее назвал всего один респондент). Если реакция *мама* все-таки зафиксирована тремя словарями, то реакция *папа* в двух из них отсутствует совсем. В САС отмечены, однако, 4 схожие одиночные реакции, состоящие из нескольких слов с использованием пары *мама, папа*: *мама, папа и я; мама, папа и я – дружная семья; мама, папа, брат и я; мама, папа, я*.

Младшими школьниками ассоциация *дети* называлась крайне редко¹⁰, *муж* и *жена* не упоминались совсем, зато назывались домашние питомцы: *животные, собака, кошка*.

Как видим из табл. 1, повторяющиеся реакции у детей и взрослых встречаются с различной частотой. Это значит, что они располагаются неодинаково по отношению к ядру ассоциативного поля, как бы меняются местами: то, что ребенок помещает в центр, взрослый передвигает ближе к краю. Эти структурные несовпадения отражают, по-нашему мнению, разницу позиций ребенка и взрослого в семье. Ребенок – объект для приложения усилий со стороны других членов семьи, и в этом смысле он ощущает себя ее центром¹¹. Взрослый – субъект, который эти усилия совершает (и не только по отношению к ребенку, но и по отношению к другим домочадцам). С точки зрения ребенка, главные в семье – ее старшие члены, прежде всего родители, которые его любят и заботятся о нем, поэтому семья ассоциируется у него в первую очередь с ними. С точки зрения взрослого, самые важные члены семьи – это дети, ради которых он создает семью и о которых ему надо заботиться. Забегая вперед, скажем, что в ассоциативном поле взрослых выделяется группа понятий, отсутствующих у детей и отражающих эту позицию субъекта, занимаемую взрослым: *долг, ответственность, обязанность* (САС).

Ни у кого из детей ни в нашем эксперименте, ни в эксперименте И.В. Гармаш не была зафиксирована реакция *я*¹², а у взрослых она отмечена в РАС и в САС и как отдельная реакция, и как часть составных (многосложных) реакций (*я я я я я я я, семья, и дом, и мы, и я, я+ты+ребенок*). Мы видим в этом выражение особого детского эгоцентризма, отмеченного еще Ж. Пиаже. Дети не использовали личные местоимения *я, моя* по той же причине, что и в знаменитом эксперименте, когда на вопрос, сколько у него братьев и сестер, ребенок называл одно число, а на вопрос, сколько братьев и сестер у его брата, – число на единицу меньшее. Ребенок исключает себя из круга братьев и сестер не потому, что собою пренебрегает, а, напротив, потому, что не представляет, что может не быть центральным объектом [Пиаже, 1932].

Рассмотрим теперь реакции семантической группы, включающей в себя характеристики семьи и взаимоотношений внутри нее. В этой группе многие общие для детей и взрослых реакции не так разительно отличаются по частоте.

Интересно, что на первом месте в обеих возрастных группах оказалась количественная характеристика и к самым частотным совпадениям относится реакция *большая* (см. табл. 1). К ней близки детские реакции (*много людей, несколько людей*) и взрослая (*многодетная*).

¹⁰ В РАС и САС реакция *дети* располагается на 3 месте, а в АСПС – на 1. В нашем эксперименте ее назвал всего один ребенок (0,84 % от всех реакций), а в эксперименте И.В. Гармаш процентная доля этой реакции среди прочих составляет 0,44 % (8 из 1798), то есть еще меньше, чем у нас.

¹¹ Вот, например, какие определения семьи дали наши респонденты: «Семья – это люди, которые помогают друг другу и дружно живут, помогают мне уроки делать, любят меня»; «Это помощь, которая может помочь в трудную минуту, когда обзовали тебя, успокоить, помочь чем-нибудь, это любовь».

¹² Кроме того, в ходе эксперимента наши испытуемые ни разу не использовали слово «моя», которое в РАС по частоте стоит на 4 месте (4,28 %), в САС – на 1 (9,61 %), в АСПС – на 3 (8 %) (см. табл. 1, 2).

Как у школьников, так и у тех, кто уже вышел из школьного возраста, семья ассоциируется с *любовью* и *счастьем*¹³. Реакция *дружная* занимает в разных источниках примерно одно и то же положение, близкое к ядру¹⁴. Ни в одном из словарей не повторяются две популярные детские ассоциации *добрая* и *радостная*, но встречаются однокоренные им *добро* и *радость*. Все перечисленные ассоциаты свидетельствуют о позитивном в целом восприятии концепта «семья» как взрослыми, так и детьми. У взрослых этот оценочный компонент усиливается за счет большего, чем у детей, количества ассоциаций-прилагательных и их разнообразия: *крепкая, благополучная, любимая, прекрасная, полноценная, приличная, успешная, благочестивая, веселая, здоровая* и т.д. Дети выдают иные оценочные характеристики, но они все без исключения положительные: *трудолюбивая, хозяйственная, дружелюбные, позитивные* и др.

Взрослое ассоциативное поле Семья включает в себя множество реакций-метафор, которых совсем нет у детей. В основном эти метафорические реакции отражают личностный смысл семьи, ее функцию по отношению к человеку: в них раскрывается оценка семьи как основы человеческого существования (*основа, опора, оплот*), как территории единения (*союз*), территории защиты (*броня, крепость, тыл*), пространства тепла и уюта (*очаг, родной очаг, улье*).

Есть иные по характеру взрослые реакции-метафоры: *звено общества, ячейка, ячейка государства (САС), ячейка общества, народов (АСПС)* и др. Некоторые из них возникли под влиянием публицистических штампов советской эпохи, и не исключено, что участники эксперимента упомянули их иронически. Тем не менее даже ассоциации, названные в шутку, «втягивают» в информационное поле концепта особые, важные смыслы. В подобных реакциях отражена общественная функция семьи, совершенно не внятная ребенку и почти совсем никак не выраженная в детских ассоциациях¹⁵. Взрослый, в отличие от ребенка, знает, что семья – это особый социальный институт, часть сложного и обширного целого: общества, государства, страны, нации. Семья воспитывает будущего гражданина, передает человеку культурные и национальные традиции и т.п.

Выделяется также группа взрослых реакций-метафор с ярко выраженной негативной окраской: в сознании зрелого человека семья связана с заботами и проблемами (*бремя*)¹⁶, она затягивает и губит (*омут*), ограничивает свободу (*оковы*), заставляет чувствовать себя в ситуации постоянного конфликта (*война*), она может прекратить свое существование (*разбита, развалилась*). Негативная оценка

¹³ Особенно высока частотность этих реакций в эксперименте И.А. Гармаш (8,79 и 10,46 %, 7 и 6 место). У нас они стоят соответственно на 5 и 6 позиции, в САС – на 6 и 7, в АСПС – на 5 и 6. Только в РАС, изданном в 1994 году, они значительно удалены от центра – на 10 и 17 позиции. Возможно, это связано с какими-то особыми обстоятельствами (например, кризис семьи в «лихие» девяностые).

¹⁴ В САС она вторая, в РАС – пятая, в АСПС – четвертая. У наших респондентов она оказывается четвертой. В эксперименте И.В. Гармаш, где среди ассоциатов нет прилагательных, ей соответствует реакция *дружба*.

¹⁵ Одно исключение есть у И.В. Гармаш – ассоциация *Родина*, упомянутая двумя респондентами.

¹⁶ Добавим к сказанному еще одну показательную ассоциацию-метафору, не зафиксированную в словарях, но услышанную одним из авторов статьи в личной беседе: в ответ на сообщение девушки о том, что она входит замуж, взрослая женщина воскликнула: «Зачем тебе это *ярмо*?!»

зафиксирована и в прямых, неметафорических реакциях у взрослых: *плохая, бедная, голодная, не хочу, неблагополучная, ненавижу, непонимание, несчастливая, одиночество, скандал, плохо, порочно* (РАС), *не надо, проблема, рутина, сложно!, тупость, тяжело, ужасно, шум* (САС), *больная, одиночество* (АСПС). Негативно окрашенных реакций у взрослых гораздо меньше, чем позитивных, но они все-таки присутствуют и создают в информационном поле взрослого концепта «семья» заметный оценочный слой, который невозможно проигнорировать. Заметим, что у детей нами была зафиксирована всего одна негативная реакция (*ябеды*). И.В. Гармаш не зафиксировала ни одной.

Реакций-метафор у детей не отмечено ни нами, ни И.В. Гармаш. Отсутствие метафорических реакций согласуется с выводами выдающихся исследователей о том, что детские высказывания наполнены прямым, буквальным смыслом, и у ребенка «метафоры в собственном смысле слова еще не существует» [Выготский, 1984, с. 101]. Говоря о младших школьниках, следует заметить, что даже те из них, кто способен выделить метафору в чужом тексте (например, в стихах или прозе) и по-своему интерпретировать ее смысл и функцию, редко пользуются метафорами в собственной речи. Поэтому оценочный слой внутри детского концепта «семья» мы можем описать исключительно с помощью прямых, буквальных обозначений, сделанных детьми. И все они, как уже было сказано, позитивны: *любовь, счастье, дружба, забота, прогулка, не ссорятся, добро, красота, мир, хорошая* и др.

К реакциям, которые ни разу не встретились у детей, но есть у взрослых, относятся: *общество, компания, братство, страна* (РАС), *коллектив, народ, народов* (РАС, САС). Все эти ассоциации актуализируют переносное значение слова «семья» («объединение людей, сплоченных общими интересами»¹⁷). По-видимому, этот периферийный смысл концепта детьми еще не усвоен, не осознан до конца. Для них семья – «группа живущих вместе родственников (муж, жена, родители и дети)», что соответствует прямому значению слова «семья»¹⁸. Можно отметить только, что в эксперименте И.В. Гармаш среди реакций встретились *класс* и *учитель*, а в нашем – реакция *друг*, что свидетельствует о некотором продвижении языкового сознания младших школьников в сторону усвоения взрослых представлений о семье.

Среди реакций наших респондентов и респондентов И.В. Гармаш нет таких, которые бы связывали понятие *семья* с понятием *брак* (*супружество*). У взрослых же подобные реакции зафиксированы: *брак, развод, перед разводом* (РАС), *брак, муж и жена, свадьба, развод* (САС), *чета* (АСПС). По всей видимости, в языковом сознании взрослого концепты «семья» и «брак» пересекаются, а в детском они существуют изолированно. Юридическая сторона семейных отношений, как правило, не известна и малоинтересна младшим школьникам, поэтому она

¹⁷ Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt

¹⁸ Там же.

остается за пределами их внимания. Это еще один периферийный слой концепта «семья», не освоенный детьми.

Интересно, что реакций, обозначающих бытовое, материальное (вещи, вещества, предметы, ценности и проч.), как у детей, так и у взрослых немного: 2 у И.В. Гармаш (*дом, подарки*); 5 в нашем эксперименте (*дом, квартира, стол, столовая, хвост*); 10 в РАС (из 631): *дом, гвоздь, дерево, золото, круглый стол, молоко, стол, ужин, фотография (старая) семьи, чай*; 6 в САС (из 593): *дом, дача, кухня, ужин, ужин за столом, хлеб*; 3 в АСПС (из 75): *дом, семечки, сок*¹⁹. В этой группе выделяются слова, связанные с приемом пищи. Они называют либо сам процесс (*ужин*), либо помещение для трапезы (*столовая, кухня*), либо предмет мебели (*стол*), либо продукты (*чай, хлеб, молоко, семечки, сок*). Наличие таких реакций означает, что и для детей и для взрослых важным, значимым элементом семейной жизни является совместная трапеза, ибо «то, что не представляет ценности, не номинируется» [Васильева, 2018, с. 5]. А важность семейной трапезы сомнению не подлежит, ведь она дает всем членам семьи почувствовать себя частью единого целого.

Итак, мы пришли к следующим выводам. Концепт «семья» в языковой картине мира младшего школьника строится в основном на тех же представлениях, что и у взрослого человека. Эти представления касаются прежде всего состава семьи, ее основных характеристик и взаимоотношений ее членов, а также роли семьи в жизни человека и семейного быта.

В ядерной части детского концепта оказываются представления о составе семьи: она должна быть по возможности большой, главные в ней – родители (мама, папа), а также представители старшего поколения – бабушка и дедушка. В семью включаются не только родственники, но и все, кто живет вместе под одной крышей, в том числе друзья, собаки и кошки. Основная функция семьи по отношению к человеку – помощь, забота, защита и организация приятного времяпрепровождения (игр, прогулок, совместных трапез и проч.). Объектом помощи, заботы и защиты является он сам – ребенок. Ему помогают делать уроки, с ним беседуют, когда ему грустно, его утешают, когда ему плохо. Человеку в семье должно быть хорошо, потому что она создается ради любви, дружбы, радости и счастья.

Детский и взрослый концепты различаются, во-первых, по своему объему, во-вторых, по структуре и, в-третьих, по характеру оценочности. В ядре детского концепта оказываются такие ассоциации, которые у взрослого перемещаются на периферию. И наоборот, ядерные ассоциации взрослых у детей становятся периферийными. Это объясняется, по-видимому, принципиальной разницей позиций ребенка и взрослого в семье.

Детский концепт «семья» можно также рассматривать как недостроенный взрослый, потому что в первом не хватает очень важных смысловых компонен-

¹⁹ Реакция *дом*, встречающаяся во всей четырех случаях, у взрослых оказывается незначительно более частотной, чем у детей. В этом случае разрыв более заметен между нашим экспериментом и экспериментом И.В. Гармаш. По данным всех трех словарей, *дом* стоит на 4 месте среди прочих ассоциаций, наши школьники ставят его на 5 место, а респонденты И.В. Гармаш – на одно из последних, далеко за пределами первой десятки (см. табл. 2).

тов последнего. Эти компоненты либо отсутствуют вовсе (представления об ответственности и долге, о семейных обязанностях, о браке, об общественной роли семьи), либо присутствуют в зачаточном состоянии (представление о родстве интересов). В то же время младшими школьниками полностью усвоено представление о позитивном, созидательном предназначении семьи. У взрослых оно совмещается с пессимистическими представлениями о тяготах семейной жизни и ее разрушительном воздействии на личность.

Взрослый концепт «семья» можно интерпретировать и как «испорченный», «подкорректированный» детский. Ребенок создает в своем сознании идеальную модель, которая с течением времени и под влиянием жизненного опыта претерпевает изменения: дополняется новыми смыслами, перестраивается структурно.

Если И.В. Гармаш сделала вывод о том, что участники ее эксперимента в целом освоили изучаемый концепт, то мы пришли к иному заключению: наши респонденты освоили только «верхушку айсберга». Следовательно, младшим школьникам предстоит еще очень большая работа по расширению и уточнению концепта «семья».

Таблица 1

Повторяющиеся реакции на стимул «семья» в сравнении с экспериментом И.В. Гармаш и данными словарей

Table 1

Repeated reactions to the stimulus «family» in comparison with the experiment of I.V. Garmash and data dictionaries

№	Реакция	Наш эксперимент 2018, %	Эксперимент И.В. Гармаш 2016, %	Русский ассоциативный словарь 1994, %	Славянский ассоциативный словарь 2004, %	Ассоциативный словарь Приенисейской Сибири 2014, %
1	мама	7,6	12,23	2,22	1,52	1,33
2	папа	6,7	11,4	0,16	0	0
3	большая	5,04	0	13	8,43	9,3
4	бабушка	3,6	10,67	0	0	0
5	брат	3,6	6,40	0,16	0,34	0
6	дедушка	3,6	10,01	0	0	0
7	сестра	3,6	2,22	0	0	0
8	добрая	3,6	0	0	0	0
9	дружная	3,6	0	9,98	5,56	5,33
10	дом	2,52	0,33	4,28	7,08	5,33
11	любовь	2,52	8,79	1,58	3,54	2,66
12	добро	1,68	0	0	1,18	0
13	радостная	1,68	0	0	0	0
14	родная	1,68	0	0	1,11	0
15	родители	1,68	0,88	0	0	1,33
16	счастье	1,68	10,46	0,32	2,53	1,33

Таблица 2

Наиболее частотные реакции на слово-стимул «семья» (первые 5 позиций)

Table 2

The most frequent reactions to the word-stimulus «family» (first 5 positions)

№	Наш эксперимент 2018	Эксперимент И.В. Гармаш 2016	Русский ассоциативный словарь 1994	Славянский ассоциативный словарь 2004	Ассоциативный словарь Приенисейской Сибири 2014
1	мама	мама	большая	моя	дети
2	папа	папа	дружная	большая	большая
3	большая	бабушка	дети	дети	моя
4	бабушка, брат, дедушка, добрая, дружная, сестра	счастье	дом, моя	дом	дружная, дом
5	дом, любовь	дедушка	и школа	дружная	это все, родные, родня, любовь, одно целое

Список словарей

1. Васильева С.П., Васильев А.Д. Ассоциативный словарь Приенисейской Сибири / Краснояр. гос. пед. ун-т им. Астафьева. Красноярск, 2014. 258 с. (АСПС).
2. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: Помовский и партнеры, 1994–1998. Т. 1–3, кн. 1–6. 224 с. (РАС).
3. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с. (САС).
4. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>

Библиографический список

1. Васильева С.П. Представление о красоте в языковом сознании сибиряков-красноярцев // Сибирский филологический форум. 2018. № 1 (1). С. 4–10. URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2018/02/01/bd53aab72cde87e3eba19ac3105357b5/sibirskij-filologicheskij-forum-1.pdf>
2. Выготский Л.С. Психология детства // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4: Детская психология. 432 с.
3. Гармаш И.В. Концепт «семья» в детской языковой картине мира (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2016. № 7. С. 32–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-semya-v-detskoj-yazykovoy-kartine-mira-po-dannym-assotsiativnogo-eksperimenta>

4. Гармаш И.В., Голубева И.В. Концепт «семья» в языковой картине мира современных школьников (по данным ассоциативного эксперимента) // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 11. С. 2846–2850. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86600.htm>
5. Демешева А.С. Концептуальные аспекты языковой картины мира в сознании младшего школьника // Педагогическое образование в России. 2016. № 3. С. 156–160.
6. Колесова А.О. Семья в восприятии детей младшего школьного возраста // Вестник СПбГУ. Сер.12. 2010. Вып. 2. С. 298–304. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-v-voSPIriyatii-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta>
7. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издание, 1932. URL: <http://www.detskiysad.ru/ped/piaget19.html>
8. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. 2-е изд. Воронеж, 2004. 80 с.
9. Рухленко Н.Н. Семья // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 4. С. 28–39.
10. Степанов Ю.А. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
11. Стернин И.А. Методика свободного ассоциативного эксперимента // Вестник ВОИПКРО. 2004. № 11. С. 227–230.
12. Тухарели Н.Л. Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 17. С. 5–9. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_17_01tuchareli.pdf

Сведения об авторах

Спиридонова Галина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: spigal73@mail.ru

Степанова Татьяна Александровна – студентка 5 курса факультета начальных классов, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: neruch42@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-10>

THE CONCEPT OF “FAMILY” IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW OF THE JUNIOR SCHOOL PUPILS

G.S. Spiridonova, T.A. Stepanova

Abstract

The article explores the specifics of the linguistic world of the junior school pupils, identified on the basis of the concept of «family» – one of the key concepts of the Russian linguistic worldview. The study of children’s linguistic world is a fairly new trend in modern science, prepared by the works of psychologists (K. Buhler, V. Stern, J. Piaget and others) and psycholinguists (L.S. Vygotsky, A.R. Luria, A.N. Leontiev et al.). The paper summarizes the main aspects of modern studies on the Russian concept of «family» and considers at the results of an associative experiment conducted in the 3rd grade of general education boarding school No. 1 named after V.P. Sinyakov in Krasnoyarsk in 2018. The results of the study are compared with the findings of a similar experiment by I.V. Garmash (Taganrog, 2016), as well as the materials of the Russian associative dictionaries. We found that the concepts of «family» in children and adults differ in volume, structure and nature of assessment.

Keywords: *linguistic worldview, child’s linguistic worldview, «family» concept, associative experiment, association field, word-stimulus, association, reaction, respondent, junior schoolchild, adult.*

Spisok slovarey

1. Vasil’eva S.P. Vasil’ev A.D. (2014). *Associativnyj slovar’ Prienisejskoj Sibiri [Associative Dictionary of Yenisei Siberia]* / Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva. Krasnoyarsk, 258 s.
2. Karaulov Yu.N. Sorokin, Yu.A. Tarasov, E.F. Ufimceva, N.V. CHERkasova G.A. (1994–1998). *Russkij associativnyj slovar’ [Russian associative dictionary]*. M.: Pomovskij i partnyory. № 1–3 (1–6), 224 s.
3. Ufimceva N.V. CHERkasova G.A. Karaulov Yu.N. Tarasov E.F. (2004). *Slavyanskij associativnyj slovar’: russkij, belorusskij bolgarskij, ukraïnskij [Slavic associative dictionary: Russian, Belarussian, Bulgarian, Ukrainian]*. M., 800 s.
4. CHERkasova G.A. (2008). *Russkij sopostavitel’nyj associativnyj slovar’ [Russian associative dictionary]*. M.: Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>

Bibliograficheskij spisok

1. Vasil’eva, S.P. (2018). Predstavlenie o krasote v yazykovom soznanii sibiryakov-krasnoyarccev [The concept of beauty in the linguistic consciousness of Krasnoyarsk Siberians] // *Sibirskij filologicheskij forum [Siberian Philological Forum]*. № 1 (1). S. 4–10. URL: www.kspu.ru/upload/documents/2018/02/01/bd53aab72cde87e3eba19ac3105357b5/sibirskij-filologicheskij-forum-1.pdf
2. Vygotskij L.S. (1984). Detskaya psihologiya [Children’s Psychology], *In Sobranie sochinenij v 6-ti tt. [Collected Works in 6 v.]*. № 4., 432 s.
3. Garmash I.V. (2016). Koncept «sem’ya» v detskoj yazykovoj kartine mira (po dannym associativnogo ehksperimenta) [Concepts «family» in the children’s linguistic view of the world (according to the results of an associative experiment)] // *Vestnik Taganrogskego instituta im. A.P. CHEkhov [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov]*. № 7. S. 32–36 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-semya-v-detskoy-yazykovoy-kartine-mira-po-dannym-assotsiativnogo-eksperimenta>

4. Garmash I.V., Golubeva I.V. (2016). Koncept «sem'ya» v yazykovoj kartine mira sovremennyh shkol'nikov (po dannym asociativnogo ehksperimenta) [The concept of «family» in the linguistic view of the world of modern schoolchildren (according to the results of an associative experiment)] // *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept» [Scientific and methodical electronic journal «Concept»]*. № 11. S. 2846–2850. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86600.htm>
5. Dyomysheva A.S. (2016). Konceptual'nye aspekty yazykovoj kartiny mira v soznanii mladshego shkol'nika [Conceptual aspects of the linguistic view of the world in the mind of a younger student] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia]*. № 3. S. 156–160.
6. Kolesova A.O. (2010). Semya v vospriyatii detey mladshego shkol'nogo vozrasta [Family in the perception of children of primary school age] // *Vestnik SPbGU [Bulletin of St. Petersburg State University]*. Series 12. № 2. S. 298–304.
7. Piazhе Zh. (1932). *Rech i myshlenije rebjonka [Child's speech and thinking]*. URL: <http://www.detskiysad.ru/ped/piaget19.html>
8. Rudakova A.V. (2004). *Kognitologija i kognitivnaya lingvistika [Cognitology and Cognitive Linguistics]*. Voronezh: Istoki. 80 s.
9. Ruhlenko N.N. (2006). Sem'ya [Family] // *Antologiya konceptov [Anthology of concepts]*. Volgograd: Paradigma. № 4. S. 28–39.
10. Stepanov YU.A. (1997). *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. [Constants: a dictionary of Russian culture. Research experience]*. M.: SHkola «Yazyki russkoj kul'tury», 824 s.
11. Sternin I.A. (2004). Metodika svobodnogo asociativnogo ehksperimenta [Free Associative Experimental Technique] // *Vestnik VOIPKRO [Bulletin of the Voronezh Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators]*. № 11.
12. Tuhareli N.L. (2001). Detskaya yazykovaya kartina mira kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Children's linguistic view of the world as a subject of linguistic study] // *Yazyk, soznanie, kommunikaciya [Language, consciousness, communication]*. M.: MAKSPress, 17, 5–9. URL: www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_17_01tuhareli.pdf

About the authors

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: spigal73@mail.ru

Stepanova Tatyana Aleksandrovna – 5th year-student, Faculty of Primary Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named by V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation; e-mail: neruch42@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-11>

УДК 81-112

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ ПРИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯХ

О.В. Петешова (Калининград, Россия)

А.В. Скогорева (Калининград, Россия)

Аннотация

В статье дается обзор основных направлений изучения топонимического пространства как одного из полей ономастического пространства. После этого на материале урбанонимов города Советска Калининградской области и ряда городов Западной Германии и Центральной России демонстрируется алгоритм выявления степени интуитивной реконструкции привычного топонимического пространства при массовых внутригородских переименованиях. Освещаются ключевые принципы проведения таких переименований – прямой или косвенной идеологической антонимии и актуализации. Особое внимание уделяется проблеме зависимости массовых реноминаций от формы расселения в соответствующих населенных пунктах.

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, ономастическое пространство, топонимическое пространство, переименование, идеологическая антонимия, форма расселения.*

Постановка проблемы. Для описания системного характера отношений между именами собственными, существующими в том или ином национальном языке, в лингвистике со времен изучения палийской топонимики В.Н. Топоровым принято использовать термин «ономастическое пространство» [Топоров, 1969, с. 33]. В дальнейшем понимание этого термина было расширено сначала А.В. Суперанской, называющей ономастическим пространством сумму имен собственных, употребляющихся для именованя любых объектов и их отдельных состояний, воспринимаемых предметно [Суперанская, 2007, с. 9], а затем и Н.В. Подольской, предложившей классическое определение ономастического пространства как «комплекса имен собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именованя реальных, гипотетических и фантастических объектов» [Подольская, 198, с. 95].

В современной теории языка превалируют два направления изучения ономастического пространства.

1. Анализ ономастического пространства художественного произведения, представленного в виде совокупности поэтонимов – всех онимов, которые встречаются в литературном тексте (например, [Газукина, 2015; Страхов, 2015]). Предполагается, что выявление особенностей функционирования поэтонимов помогает раскрыть художественную картину мира писателей и постичь психологию их творчества [Комлева, 2012, с. 332].

2. Исследование региональных ономастических пространств [Воробьева, Полторжицкая, 2017; Галлиулина, 2012; Манджиева, 2016; и др.]. Ученые считают, что ономастическое пространство национального языка в целом тяготеет к стандартизации в связи с общностью норм образования онимов в любом языке, предопределяемой историко-культурными традициями народа, его бытовым опытом и верованиями [Сидорова, 2015, с. 159], однако каждый регион вносит в традиционные схемы называния свои коррективы в зависимости от местного стиля поведения, мышления населения и понимания им окружающей действительности [Олейникова, 2007, с. 10].

Исследования темпорально обусловленных ономастических пространств отличаются значительно меньшей частотностью, тем не менее общепризнанным является факт, что любое ономастическое пространство отражает ту картину мира, которая сформировалась у народа – его носителя в конкретную эпоху [Фаткуллина, 2015, с. 1174], претерпевая постоянные изменения в соответствии с социальным заказом этого народа и всего мирового сообщества [Муратова, 2015, с. 253].

При изучении ономастического пространства принято опираться на полевою модель, выдвинутую В.И. Супруном, то есть исходить из наличия ядерно-периферийных отношений между взаимосвязанными именами собственными, причем лексику ядра рассматривают как изначально менее мотивированную и менее изменчивую [Супрун, 2000, с. 26]. По мнению большинства ономастов, в качестве центра ономастического пространства фигурируют антропонимы (имена и фамилии людей); в околядерной зоне находятся топонимы (географические названия), космонимы (имена небесных тел), теонимы (имена богов), мифонимы (имена героев мифологии) и зоонимы (клички животных) [Совершаева, 2016, с. 132]. Вместе с тем имеет место и позиция о невозможности четкого и однозначного выстраивания иерархии различных классов онимов [Щербак, 2012, с. 54].

При любом подходе к структурированию ономастического пространства лингвисты предпочитают несколько упрощать его представление, сводя анализ к изучению региональных антропонимов и топонимов. В последнем случае, как правило, используют более узкое понятие топонимического пространства (например, [Евсеева, 2015; Туксайтова, Омарова, 2014]), иногда еще более сужаемое до урбанонимического поля, поскольку чаще всего в поле зрения ономастов попадает городская среда с ее названиями улиц и площадей [Соловьев, 2012]. Излагая свое видение топонимики, А.Н. Соловьев отмечает присущую ей более четко выраженную системность по сравнению с другими классами имен собственных [Соловьев, 2012, с. 242]. Этому способствует в том числе обилие активных в настоящее время словообразовательных формантов в топонимической сфере [Абдрашитова, 2015, с. 93].

Почти во всех городах России урбанонимические поля характеризуются двуязычностью или даже многоязычностью конститuentов, поэтому в рамках рассмотрения системности топонимической лексики вполне правомерно разделение региональных топонимических пространств на разноязычные субпространства [Жаркынбекова, Акжигитова, 2012, с. 51].

Цель исследования – выявление особенностей реконструкции привычного топонимического пространства при массовых внутригородских переименованиях.

В ходе изучения специфики формирования новой системы топонимов при переименованиях мы, по сути, имели дело с урбанонимическим полем в указанном выше смысле, но будем пользоваться термином «топонимическое пространство» как более распространенным в отечественной лингвистике. Наш материал исследования составили названия улиц и площадей города Советска Калининградской области, выступающего в роли преемника восточно-прусского города Тильзита, ставшего частью РСФСР после Второй мировой войны. Как это обычно и бывает, после включения города в состав нового государства его урбанонимы были заменены на привычные для «пришельцев», которые традиционно постарались *восстановить обывденное для них топонимическое пространство*. Это означает, что в результате улицам и площадям удалось дать названия, система которых передает все особенности топонимического пространства типичного для Советского Союза города. Конечно, такой цели никто из инициаторов советской кампании по топонимическим переименованиям 1946–1950 годов не ставил, более того, основная масса новых номинаций была предложена не централизованно со стороны властей СССР, а «снизу», первыми переселенцами в Калининградский регион, а значит, осуществленную реконструкцию топонимического пространства следует считать скорее интуитивной.

Результаты исследования. Определяя коэффициент реконструкции топонимического пространства в городе Советске, мы придерживались мнения (основанного, кстати, на анализе урбанонимики таких городов Центральной России, как Белгород, Курск, Липецк, Смоленск и Старый Оскол) об обязательном присутствии в типичных советских городах того времени групп географических названий с четырьмя следующими мотивирующими семантическими признаками:

- род объекта (сюда, например, относятся названия улиц Базарная, Набережная, Пограничная и Шоссейная);
- характеристика объекта (в частности, это улицы Высокая, Кирпичная, Прямая, Широкая);
- род занятий населения (улица Монтажная, улица Моряков);
- личные имена, служащие обозначению принадлежности. Примеров улиц последнего типа мы не зафиксировали, и это было вполне предсказуемо, поскольку соответствующие географические объекты ранее никому в Советском Союзе не принадлежали.

Как факультативные компоненты нового топонимического пространства города Советска мы квалифицировали урбанонимы с ярко выраженной идеологической окраской, без введения которых не обходится ни один новый режим, проводящий топонимические переименования (наиболее яркие примеры: улица Девятого Мая, улица Первомайская, улица Краснознаменная и т.п., однако сюда же можно отнести любые топонимы мемориального характера, увековечивающие фамилии деятелей новой культуры).

Суммировав все номинации улиц и площадей приведенных семантических групп (их в материале нашего исследования оказалось 105) и разделив полученное число на общее количество урбанонимов Советска (110), мы получили показатель 95,45 %, который, на наш взгляд, можно расценивать как коэффициент высокой степени реконструкции привычного для советского народа городского топонимического пространства.

Еще одним важным аспектом изучения городских топонимических пространств при переименованиях является анализ двух введенных нами **принципов подбора новых наименований для объектов**, уже обладающих теми или иными именами. Первый из них мы назвали **принципом идеологической антонимии**. В его основе лежит противопоставление одной идеологии любой другой с кардинальными отличиями в форме правления государства (чаще всего при смене власти в определенном регионе). По этому принципу переименования должны быть согласованными и затрагивать одну и ту же семантическую группу топонимов, например, антропоним должен заменяться на антропоним, но соответствующие люди должны быть оппонентами (в Белгороде улицу Императора Николая II переименовали в улицу Ленина); символы одной идеологии должны быть заменены на символы другой идеологии (Adolf-Hitler-Platz в Калининграде переименован в Площадь Победы, то есть символ фашизма сменил символ освобождения от фашистского гнета).

Кроме того, важную роль при переименованиях по принципу идеологической антонимии играют ойконимы (названия улиц и площадей, образованные от названий населенных пунктов), теотопонимы (опять же урбанонимы, но с положенным в основу наименования признаком религиозной направленности), а также топонимы, семантика которых отсылает к социокультурным реалиям какого-либо политического режима.

Идеологическая антонимия может носить не только прямой, как в вышеперечисленных примерах, но и косвенный характер. Это происходит, когда при смене власти «дух времени» требует увековечить имя какого-либо героя или какое-либо событие, это одобрительно встречается населением, однако на карте местности отсутствуют топонимы, «пригодные» к переименованиям. В подобных ситуациях остается заменять политически нейтральные по своей семантике топонимы. Бывает и наоборот: исходные политически окрашенные топонимы нужно переименовать, но новый мемориальный топоним подобрать трудно и приходится выбирать идеологически нейтральную топонимическую единицу. Принцип косвенной идеологической антонимии действует в паре урбанонимов города Советска Fleischer Straße (буквально «улица мясников») → улица Красная (отсылка к событиям революции, естественно, высоко оцениваемым советской властью, несомненна).

Все остальные топонимические переименования, согласно нашему подходу, осуществляются с опорой на **принцип актуализации**. Он заключается в полной или частичной замене топонимики на новую, более актуальную для

конкретного региона, вызванной изменением структуры, формы, оценки или направления конкретного географического объекта. Переименования по такому принципу совершенно не обязательно должны быть согласованными, то есть учитывающими форму или содержание исходного топонима. При этом ни один из затронутых топонимов не может нести политической окраски. Показательным примером служат переименования по модели «неблагозвучный топоним → нейтрально звучащий топоним» (белорусский город Пропойск в 1945 году получил имя Славгород).

В целом полное согласование исходной и новой топонимических систем при переименованиях приводит к формированию топонимического пространства, естественного для нового населения любого конкретного региона.

Наконец, в ходе нашего исследования была отмечена корреляция между **формой расселения в регионе** (групповой или автономной) и направленностью процессов переименования. Автономная форма складывается при слабом развитии транспортных коммуникаций и значительной удаленности соседних поселений, которые развиваются без устойчивых функциональных связей между собой. Групповая форма расселения характеризуется более или менее устойчивыми связями между соседними поселениями в сфере производства, труда, быта и отдыха [Перькова, 2010, с. 25].

Очевидно, что для Германии свойственна групповая форма расселения, поэтому приказы о послевоенных переименованиях в тех же Киле и Саарбрюкене отдавались сверху по хорошо установившимся каналам связи в должное место, не создавая затруднений для их исполнения. По этой причине случаи повторения урбанонимов во вновь образованных топонимических пространствах там единичны.

Выводы. В проанализированных нами городах Советского Союза инициатива топонимических переименований принадлежала народу, а поскольку люди при их автономной форме расселения привыкли действовать изолированно, то новости о реноминации доходили до властей слишком поздно. В результате в 1917–1925 годах снизилась степень уникальности региональных топонимических пространств, получивших множество одинаковых урбанонимов.

В Калининградской же области сложилась пограничная ситуация. В изначально заданных условиях группового расселения стали проживать люди, привыкшие жить в автономной форме, и это смешение не могло не отразиться на процессе и результате переименований. Как мы уже писали, по инициативе властей переименованиями занялось местное население. Судя по документам, переименования в городе Советске заняли четыре дня, за которые люди успели сформировать топонимическое пространство, включающее в себя единицы с относительно большим спектром мотивирующих семантических признаков. В итоге переименования в Советске получились намного равномернее и естественнее, чем в революционной России, но немного более угловатыми, чем в Западной Германии 1945 года.

Очевидно, что исследования особенностей формирования топонимического пространства при реноминации могут быть продолжены, в частности, в аспекте привлечения инструментария количественной лингвистики с целью описания реконструкции привычных для инициаторов переименования ономастических систем.

Библиографический список

1. Абдрашитова И.И. Астраханские топонимы – ядро регионального ономастического пространства // Новая наука: проблемы и перспективы. Уфа: Агентство международных исследований, 2015. С. 92–94.
2. Воробьева Т.С., Полторжицкая Е.И. Неофициальные урбанонимы в современном топонимическом пространстве города // Куляшоускія чытанні. Могилев: Изд-во Могилевского гос. ун-та им. А.А. Кулешова, 2017. С. 157–159.
3. Газукина Ю.А. Топонимическое пространство «Записок охотника» И.С. Тургенева // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы: материалы всероссийской научной конференции. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева, 2015. С. 115–119.
4. Галиуллина Г.Р. Диалог культур в ономастическом пространстве современного полиэтничного города // Филология и культура. № 2. 2012. С. 32–35.
5. Евсеева О.С. Вопрос о терминологическом аппарате топонимических исследований (на материале смоленско-витебского приграничья) // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2015. С. 40–46.
6. Жаркынбекова Ш.К., Акжигитова А.Ш. Языковая политика как инструмент воздействия и формирования ономастического пространства г. Астаны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 657. С. 48–57.
7. Комлева Н.В. Ономастическое пространство поэзии Беллы Ахмадулиной // Ономастика Поволжья: материалы XIII Международной научной конференции. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского, 2012. С. 332–335.
8. Манджиева Э.Б. Топонимическое пространство города Лагань Республики Калмыкия // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы. Элиста: Джангар, 2016. С. 135–143.
9. Муратова Е.Н. Ономастическое пространство г. Волгограда (на примере эмпоронимов) // Образование и наука в современных условиях. Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. С. 253–255.
10. Олейникова С.Д. Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2007. 24 с.
11. Перькова М.В. Основы территориально-пространственного развития городов. Белгород: Изд-во Белгородского гос. технич. ун-та, 2010. 102 с.
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
13. Сидорова Е.Г. Лингвоэкологические проблемы топонимического пространства региона // Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск: Изд-во Сибирского федер. ун-та. 2015. № 2. С. 157–166.
14. Совершаева Л.Г., Павловская М.А. Идеонимы в ономастическом пространстве // Инновационная наука. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 131–133.
15. Соловьев А.Н. Урбанонимическое поле как часть ономастического пространства // Ономастика Поволжья: материалы XIII Международной научной конференции. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского, 2012. С. 242–246.

16. Страхов И.И. Река Пинега и ее притоки в топонимическом пространстве творчества М. Пришвина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология, журналистика. 2015. № 2. С. 78–79.
17. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э. и др. Теория и методика ономастических исследований. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
18. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
19. Топоров В.Н. О палийской топономастике // Ономастика Востока: исследования и материалы. М.: Наука, 1969. С. 33–34.
20. Туксаитова Р.О., Омарова Г.Т. Топонимическая картина мира как результат взаимодействия культур разных этносов // Наука и мир. Волгоград: Научное обозрение, 2014. С. 156–158.
21. Фаткуллина Ф.Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. Пенза: Издательский дом «Академия естествознания», 2015.
22. Щербак А.С. Проблемы определения ономастического пространства в языке // Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 53–59.

Сведения об авторах

Петешова Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент института образования, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград); e-mail: opeteshova@kantiana.ru

Скогорева Анна Владимировна – студентка, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград).

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-11>

TOPONYMIC SPACE AND SOME SPECIFIC ASPECTS OF ITS FORMATION IN THE REGIONAL RENAMING

O.V. Peteshova (Kaliningrad, Russia)

A.V. Skogoreva (Kaliningrad, Russia)

Abstract

This article highlights the main approaches to the analysis of toponymic space as one of the fields of onomastic space. It discovers some algorithms of revealing the degree of intuitional reconstruction of regular toponymic space in the mass intercity renaming (based on urbanonyms of Sovetsk, Kaliningrad region and some other cities of West Germany and Central Russia). The article also considers the key reasons for renaming, such as direct or indirect ideological antonymy and actualisation. Special mention is given to the question of mass renomination dependence on the type of settlement in the relevant residential areas.

Keywords: *toponym, urbanonym, onomastic space, toponymic space, renaming, ideological antonymy, type of settlement.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Abdrashitova I.I. (2015). Astrahanskije toponimy – yadro regional'nogo onomasticheskogo prostranstva [Astrakhan toponym – the core of regional onomastic space] // *Novaya nauka: problemy i perspektivy* [New science: problems and prospects]. Ufa, Agentstvo mezhdunarodnyh issledovanij. S. 92–94.
2. Vorob'eva T.S., Poltorzhickaya E.I. (2017). Neoficial'nye urbanonimy v sovremennom toponimicheskom prostranstve goroda [Unofficial urbanonyms in the modern toponimic space of the city] // *Kulyashouskiya chytanni. Mogilev, Izdatel'stvo Mogilevskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kuleshova*. S. 157–159.
3. Gazukina Yu.A. (2015). Toponimicheskoe prostranstvo «Zapisok ohotnika» I.S. Turgeneva [Toponimic space of I.S. Turgenev's "Notes of a hunter"] // *Pisateli-orlovcy v kontekste otechestvennoj kul'tury, istorii, literatury: Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Orel writers in the context of national culture, history and literature: Materials of All-Russia scientific conference]. Orel: Izdatel'stvo OGU im. I.S. Turgeneva. S. 115–119.
4. Galiullina G.R. (2012). Dialog kul'tur v onomasticheskom prostranstve sovremennogo poliehtnicheskogo goroda [The Dialog of cultures in the onomastic space of a modern polyethnic city] // *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture]. № 2. S. 32–35.
5. Evseeva O.S. (2015). Vopros o terminologicheskom apparate toponimicheskikh issledovanij (na materiale smolensko-vitebskogo prigranich'ya) [The issue of toponimic research nomenclature (based on the material from Smolensk and Vitebsk border-zone)] // *Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya* [Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research]. Smolensk, Izdatel'stvo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. S. 40–46.
6. Zharkynbekova Sh.K., Akzhigitova A.Sh. (2012). Yazykovaya politika kak instrument vozdejstviya i formirovaniya onomasticheskogo prostranstva g. Astany [Language policy as an instrument of influence and Astana onomastic space formation tool] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnic of Moscow State Linguistic University. Human sciences]. № 657. S. 48–57.

7. Komleva N.V. (2012). Onomasticheskoe prostranstvo poezhii Bella Akhmadulynoj [Onomastic space of Bella Akhmadulina's poetry] // Onomastika Povolzh'ya: Materialy XIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Onomastics of the Volga region: Materials of the 13th International scientific conference]. Yaroslavl', Izdatel'stvo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K.D. Ushinskogo. S. 332–335.
8. Mandzhieva E.B. (2016). Toponimicheskoe prostranstvo goroda Lagan' respubliki Kalmykiya [The toponimic space of Lagan town in the Republic of Kalmykiya] // Russkij yazyk v inoazychnom okruzenii: sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya, kul'turno-rechevye problemy [Russian language among foreign languages: current situation, prospects for development, culture-linguistic problems]. Ehlista, Dzhangar. S. 135–143.
9. Muratova E.N. (2015). Onomasticheskoe prostranstvo g. Volgograda (na primere ehmporoni-mov) [Volgograd onomastic space (using the example of emporonims)] // Obrazovanie i nauka v sovremennyh usloviyah [In Education and science in modern conditions]. Cheboksary, Interaktiv plyus. S. 253–255.
10. Olejnikova S.D. (2007). Onomasticheskoe prostranstvo g. Morshanska: social'nyj aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Morshanka town onomastic space: social aspect. Extended abst. of Cand. of philological sciences dissertation]. Tambov, Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G.R. Derzhavina, 24 s.
11. Per'kova M.V. (2010). Osnovy territorial'no-prostranstvennogo razvitiya gorodov [Basic principles of territorial and spatial development of cities]. Belgorod, Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 102 s.
12. Podol'skaya, N.V. (1988). Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terms]. M.: Nauka. 192 s.
13. Sidorova E.G. (2015). Lingvoehkologicheskie problemy toponimicheskogo prostranstva regiona [Linguistic problems of the regional toponimic space] // Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika [In Language ecology and communicative practice]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Sibirskogo federal'nogo universiteta. № 2. S. 157–166.
14. Sovershaeva L.G., Pavlovskaya M.A. (2016). Ideonimy v onomasticheskom prostranstve [Ideonims in onomastic space] // Innovacionnaya nauka [Innovation science]. Ufa: Aehterna. S. 131–133.
15. Solov'ev A.N. (2012). Urbanonimicheskoe pole kak chast' onomasticheskogo prostranstva [Urbanonimic field as a part of onomastic space] // Onomastika Povolzh'ya: Materialy XIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Onomastics of the Volga region: Materials of the 13th International scientific conference]. Yaroslavl', Izdatel'stvo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K.D. Ushinskogo. S. 242–246.
16. Strahov I.I. (2015). Reka Pinega i ee pritoki v toponimicheskom prostranstve tvorchestva M. Prishvina [The Pinega river and its tributaries in the toponimic space of M. Prishvin works] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, zhurnalistika [Vestnik of Voronezh State University. Philology, journalism]. № 2. S. 78–79.
17. Superanskaya A.V., Stal'tmane V.Eh. i dr. (2007). Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy [Theory and methodology of onomastic research]. M.: LKI, 256 s.
18. Suprun V.I. (2000). Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-ehsteticheskij potencial [The onomastic field of Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd: Peremena, 172 s.
19. Toporov V.N. (1969). O palijskoj toponomastike [To Pali onomastics] // Onomastika Vostoka: issledovaniya i materialy [Onomastics of the East: research and materials]. M.: Nauka. S. 33–34.
20. Tuksaitova R.O., Omarova G.T. (2014). Toponimicheskaya kartina mira kak rezul'tat vzaimodejstviya kul'tur raznyh ehtnosov [Toponimic view of the world as a result of cultural interaction of different ethnic groups] // Nauka i mir [Science and the world]. Volgograd: Nauchnoe obozrenie. S. 156–158.

21. Fatkullina F.G. (2015). Toponimy kak komponent yazykovej kartiny mira [Toponyms as a part of the language picture of the world] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. Penza: Izdatel'skij dom «Akademiya estestvoznaniya.
22. Shcherbak A.S. (2012). Problemy opredeleniya onomasticheskogo prostranstva v yazyke [The problems of onomastic space definition in the language] // Schherbak, A.S. *Kognitivnye osnovy regional'noj onomastiki* [Schherbak, A.S. Cognitive foundations of regional onomastics]. Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina. S. 53–59.

About the authors

Peteshova Olga Victorovna – Candidate of Philology, associate professor of the Institute of Education, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad); e-mail: opeteshova@kantiana.ru

Skogoreva Anna Vladimirovna – student, Immanuel Kant Baltic Federal University, (Kaliningrad).

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-12>

УДК 81-114.4

РЕАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

А.В. Кипчатова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Одним из актуальных и приоритетных направлений современной лингвистики остается углубленное изучение семантических оппозиций, к которым и относится концептуальная оппозиция «свой – чужой», значимая в определении религиозных представлений разных народов. Архетипическое противопоставление «своего» и «чужого» в представлениях современного человека до сих пор остается одной из важнейших операций в процессе осмысления мира. При этом указанное противопоставление интерпретируется также и в аксиологическом плане, а именно в указанной оппозиции, которая реализуется в религиозных взглядах представителей радикального исламизма. Реальность оппозиции «свой – чужой» конкретизируется в виде оппозиций (вариантов), выраженных прямой конкретизацией (мы – они), оценочных оппозиций (хороший – плохой, правильно – неправильно, истинный – неистинный), аффективно-социальных и социальных оппозиций (друг – враг), связанных с конфессиональной отнесенностью (мусульманин – немусульманин).

Ключевые слова: оппозиция «свой – чужой», лексема, религиозные представления, радикальный ислам, негативная и положительная оценочность.

Постановка проблемы. Рассмотрение языка в аспекте определяющего элемента национальной культуры имеет в современном зарубежном и отечественном языкознании свои традиции и перспективы. В работах А. Вежицкой, В.В. Колесова, Ю.С. Степанова, Р.А. Будагова, В.А. Маслова, А.Д. Васильева и других рассматриваются языковые изменения, вопросы языковой эволюции, которые определяют культурные процессы в обществе.

Архетипическое противопоставление «своего» и «чужого» в представлениях современного человека до сих пор остается одной из важнейших операций в процессе осмысления мира. При этом указанное противопоставление интерпретируется также и в аксиологическом плане, а именно в оппозиции «свой – чужой», которая реализуется в религиозных представлениях человека. Цель статьи – рассмотреть особенности реализации семантической оппозиции «свой – чужой» в текстах экстремистской направленности.

Обзор научной литературы по проблеме. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что массовая коммуникация перемещается в интернет, где едва ли не определяющую роль в передаче информации играют социальные сети. Именно через социальные сети для пользователя интернета возможен почти мгновен-

ный доступ к любому контенту (видео, фото, текст). И если для печатного издания значимым является тираж издания, то этот показатель в интернете не носит сколько-нибудь существенного значения. Таким образом, тексты, размещенные в сети интернет, распространяются самостоятельно и бесконтрольно. Можно согласиться с мнением о том, что сеть оформляется как «особое пространство коммуникации, отличное от известных ранее» [Моровов, 2016, с. 63].

Одной из опасностей, обусловленной вышеуказанными причинами, является размещение литературы экстремистской направленности в сети интернет, которая становится гарантированным пространством для передачи этой информации. Для литературы экстремистского характера значимыми являются признаки ее публичности, распространенности, где адресатом становятся различные группы лиц. Таким образом, усиливается фактор ее пропагандистской направленности и «авторитетности», в основе которого лежит понятие истинности веры, не подвергающейся какому-либо сомнению как с позиции автора текста, так и с позиции ее адресата.

Материалы и методы. К числу таких источников следует отнести размещенную в сети интернет книгу¹, где собраны фетвы (фетва – это что-то вроде нормативного акта, обязательного к соблюдению для всех тех мусульман, для которых автор фетвы является авторитетом. – А.К.) всех тех, кого называют имамами недждийского призыва. Анализ представленных материалов проводился на основе описательного метода и метода контекстуального анализа семантики языковых единиц.

Само отношение к указанному источнику не однозначно в среде мусульман. Так, в рамках обсуждения смысла представленного источника в форуме сообщается (здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены. – А.К.): *«Ад-Дурар ас-Саня фи аджвиба аль-аиммати ан надждия» – 16 томного собрания сочинений величайших ученых недждийской школы. То есть это так сказать весь фундамент салафитского призыва, ее составил Абдур-Рахман ибн аль-Касим ан-Наджди (1319–1392 г.х.). В ней фатвы надждийского мазхаба... То есть основа салафизма, из 16 томов фатв... А теперь о самих недовольствах в адрес книги. «Следует либо признать те вещи, которые утверждаются в книге «Ад-Дурар ас-Саня» в этих вопросах верными, и тогда следует признать то, что «ИГИШ» просто выполняет то, что мы утверждаем, и то от выполнения чего мы были слабы». То есть, следует либо признать, что ИГИШ делает только то, что там написано, то есть следует по стопам Мухаммада ибн Абдуль Ваххаба и его последователей надждийской школы. А так же признать что мы, то есть саудийские ученые слабы в этом следовании, в отличие от ИГИШ... Либо следует отказаться от следования фатвам этой школы, признав их ошибкой. И это самое чистое признание, от самих салафитов, что ИГИШ ни чего нового не делает, а просто следует за школой имя которой ваххабийя»².* Таким образом, автор предложенной интерпретации не исключает возможности рассмо-

¹ Ад-Дурару ас-Саня. URL: <https://apkgk.com/ru/com.Durar.Sania>

² URL: <http://al-fatava.com/forums>

тения данной книги как текста, где сформулированы принципы, на основе которых и было создано ИГИЛ (здесь – ИГИШ).

Результаты исследования. Во вступлении к рассматриваемому источнику обозначена цель, которая носит весьма радикальный характер: «*Ад-Дураар ас-Сания филь-аджвиба ан-Надждия Сияющие жемчужины в Недждийских ответах... которые призывают заблудших к верному руководству, перенося на этом пути страдания и лишения! Они оживляют посредством Книги Аллаха мертвые сердца, а посредством Света Аллаха направляют к прямому пути, лишенных надежды на спасение которые скитаются во мраках неверия, и не могут выйти из них! Они отгоняют от Книги Аллаха искажение преувеличивающих, необоснованные утверждения заблудших и толкование невежд, вознесших знамя нововведения и освободивших смуту от оков! Обладающие знанием занимают важное и почетное место в Исламе, ибо они являются теми, посредством которых Всевышний Аллах оберегает, и распространяет Свою религию!*»

Одна из особенностей языкового сознания группы анонимных радикально настроенных авторов опубликованных текстов – обостренное восприятие оппозиции *свой – чужой*, в которой эксплицировались противопоставленные конфессиональные связи людей. Реализация этой оппозиции связана со стремлением маркировать прежде всего чужое, связанное с обозначением людей другой религиозной принадлежности либо неверующих. Значимым становится принцип описания как бы «сверху вниз» – от заданной божественно предопределенной сущности к ее греховным нарушениям. Личность человека рассматривается прежде всего в ее отношении к Богу (Аллаху), и особенно ярко это проявляется в наименованиях, где эта идея выражается эксплицитно.

Так, в группу слов, в основе которой лежит сема «чужие», в первую очередь включаются следующие наименования.

Неверный – то же, что **кафир** (анализ см. ниже).

Неверующий (-ие): «*А уши неверующих поражены глухотой, и они слепы к нему*» (с. 56).

Заблудший, -ая, -ее. Устар. Сбившийся с пути; заблудившийся. || перен. Глубоко зашедший в своих ошибках, сбившийся с правильного жизненного пути³. Само заблуждение рассматривается как преднамеренное действие Аллаха: «*Он одних наставил на прямой путь, а другим заслуженно предписал заблуждение. Они сочли дьяволов своими покровителями и помощниками вместо Аллаха и полагают, что следуют прямым путем*» (с. 51).

Кафир / кафер / кяфир (араб. كافر – неверующий, иноверец), или гяур, – обозначение неверного, человека, совершающего куфр (в исламе – грех неверия). Тот, кто впал в куфр, становится неверным (кафир). К куфру приводит отказ от выполнения предписаний ислама, отрицание хотя бы одного из столпов

³ Источник (печатная версия): Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека.

имана или ислама, многобожие, колдовство, самоубийство, лицемерие, высокомерие, прелюбодеяние и другие тяжкие грехи, которые делают тщетными все предыдущие благие деяния⁴. В отношении этой группы разрешено и оправданно насилие. *«Поистине – Коран и Сунна указали на то, что тот, кто взял посредников между собой и Аллахом, ангелов, пророков, ибн 'Аббаса, Абу Талиба, или же аль-Махджуба, ища заступничество у них перед Аллахом, из-за близости их к Аллаху (или полагая, как в случае с Абу Талибам), как это совершают перед царями, он кафир муширик, являются дозволенными его кровь и имущество, даже если он говорит, я свидетельствую что нет божества, достойного поклонения, кроме Аллаха...»*.

Муртад – вероотступник в исламе, тот, кто совершил грех вероотступничества (ридду, иртидад) и тем самым выбрал куфр⁵: *«...это мусульманин, который стал кафиром после своего Ислама, либо произнеся какое-то слово, либо совершив определенный поступок, или сомневаясь, или же будучи убежденным в чем либо! И причина сомнения – невежество!»*; *«Тот – кто принес жертвоприношение кому-то помимо Аллаха, из этой Уммы, он кафир муртадд, не дозволено есть его жертвоприношение, потому что в нем собралось два препятствия!..»* (с. 26–27).

Муширик – язычник, признающий наряду с Творцом наличие и других божеств или полубожеств, многобожник, человек, поклоняющийся кому-либо или чему-либо, помимо Единого Бога⁶: *«Тот-же, кто говорит, я не испытываю враждебных отношений к муширикам, или же, враждую с ними, но не обвиняю их в неверии, или же говорит, я не обвиняю в неверии того, кто говорит нет божества, достойного поклонения кроме Аллаха, даже если он совершает куфр и ширк, и враждует с религией Аллаха, или же говорит, я не имею ничего против мавзолеев, то такой не будет мусульманином!»* (с. 33).

Многобожник – тот, кто допускает грех **многобо́жия** (ар. كُفْرٌ شِرْكٌ – *аш-Ширк*) – приравнивание к Всевышнему Аллаху сотоварища, в то время как только Он является Творцом, а также поклонение наряду с Всевышним кому-либо или чему-либо, будь то камень, человек, солнце, луна, пророк, джинн, звезда, ангел и т.д.

Со словом **многобожник** семантически связана лексема **сотоварищ**, которая в пределах рассматриваемого контекста приобретает иное значение, где актуализируется негативная оценочность, мотивированная понятием многобожия: **сотоварищ** – это тот, кто не может быть воспринят как сподвижник Аллаха в вопросах господства и поклонения, обладания божественными атрибутами и т.д. (ср.: в совр. рус. языке значение слова **сотоварищ** – товарищ по какому-л. занятию, делу, службе и т.п.⁷; в Словаре В.И. Даля: сотоварищ – товарищ, или совоспитанник, сослуживец, соучастник, помощник по делу, в торговле, в пути; собрат, ровня по чему-либо или старый и короткий знакомый⁸).

⁴ URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/k/15.html> MuslimClub.ru

⁵ URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/m/36.html> MuslimClub.ru

⁶ URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/m/51.html> MuslimClub.ru

⁷ Ефремова Т.Ф. Толковый словарь омонимов русского языка. URL: <http://tolslovar.ru/s10116.html>

⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/357686>

Ширкушник – язычник, человек, обвиняемый в грехе многобожия. Слово-образовательно восходит к существительному *ширк* – многобожие. При этом в шариате разграничивается большой и малый ширк. Большой ширк – это приращение Всевышнему Аллаху сотоварища. Под малым ширком подразумеваются лицемерие и подобные проявления неверия⁹. Лексическое значение слова *ширк* – «участие двоих в праве на владение или управление чем-либо». В шариате *ширк* означает «уравнивание с Аллахом кого-либо или чего-либо в том, что присуще только Ему и достоин только Он». «Ширк» – самый большой грех в исламе. Тот, кто придавал Всевышнему Аллаху сотоварищей и умер многобожником, попадет в Ад. А тот же, кто уверовал в Аллаха и умер верующим, войдет в Рай, даже если ему придется понести наказание за свои грехи¹⁰.

Значимым при определении понятия «чужой» становятся негативно-оценочные лексемы *лицемер* и *мунафик* (то же, что лицемер)¹¹. Само понятие лицемерия в исламе обусловлено такими качествами, как тщеславие, показуха. Лицемером считается тот мусульманин, который совершает благие дела не ради Аллаха, а ради похвалы людей, например, если мусульманин держит пост, или выполняет намаз, или даже едет в хадж ради того, чтобы люди его похвалили. Лицемерием также является совершение любых поступков, даже благородных (милостыня, посещение больного), не ради Всевышнего, а ради того, чтобы им восхищались и говорили о нем, т.е. ради определенной жизненной выгоды: «*Подразумевается под свидетельством – смысл этих слов, что же касается произношение его языком, на ряду с невежеством о его смысле, то это не приносит никакой пользы! Поистине мунафики говорят его, в то время как они окажутся ниже кафиров в нижайшей ступени Огня!*» (с. 44). Лицемерам и мунафикам приписывается такое действие, как **нифак**, что и обозначает «лицемерие» – ложь, покрытая правдивой оболочкой¹².

Невежда, или **джахиль**, – тот, кто не обладает знаниями ислама, исламской религии, которые являются обязательными для каждого мусульманина. В одном из хадисов противопоставлены знания, связанные с исламом и светские знания: «Исламские знания подобны пище, в которой нуждается каждый человек, а светские знания подобны лекарству, в котором возникает необходимость лишь в определенное время или в определенном месте. Помимо этого, светские науки полезны только в этом, бренном мире, а науки исламской религии приносят пользу и в этом, и в потустороннем, вечном мире»¹³. Грех невежества, или **джахилия**, включает четыре признака: хвастовство своим происхождением и статусом, дискредитация людей из-за их родства и положения, прошение дождя у звезд и причитание по покойникам¹⁴. Кроме того, термин употребляется по отношению к периоду, предше-

⁹ URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/sh/10.html> MuslimClub.ru

¹⁰ URL: <https://ru.quranacademy.org/encyclopedia/article/Shirk>

¹¹ URKL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/m/35.html> MuslimClub.ru

¹² URL: <http://nur-org.ru/litsemerie-nifak-lozh-pokrytaya-pravdivoj-obolochkoj/>

¹³ URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43330>

¹⁴ URL: https://islam-today.ru/obsestvo/raznoe/chetyre_cherty_nevezhestva_musulman/

ствующему пророчеству Мухаммада, когда арабские племена опустились до язычества, поклонялись идолам и наполнили ими священную Каабу. Невеждами (джахилиями) называют людей, лишенных знаний об истине Ислама¹⁵. Иудеи, христиане как кафиры, совершающие куфр, а также лица, сомневающиеся или не согласные с этим мнением, объявляются **невеждами**: *«Ученые единогласны в куфре того, кто не считает кафирами иудеев и христиан, или же сомневается в их куфре, а ведь мы убеждены в том, что большинство их являются невеждами!»* (с. 30).

Тагут / Тагьут – дословно: «превысить надлежащие границы или пределы» – покровитель и помощники неверующих; тот, кто приписывает себе что-либо из прав и возможностей Аллаха; ложное лжебожество; то, чему поклоняются, или тот, кому поклоняются помимо Аллаха. Также тагут означает «ложный судья», который выносит решения, не ссылаясь на Коран и Сунну. Тагутом может быть: шайтан, джин, идол, камни, солнце, звезды, ангелы или даже люди. А также святые, могилы, правители и лидеры, другим правящим системам, помимо Ислама, можно также ложно поклоняться, и они могут стать Тагутом¹⁶: *«Сказал Всевышний: „Мы отправили к каждой общине посланника. Поклоняйтесь Аллаху и избегайте тагута!“ Всевышний сообщил, что все посланники посланы с избеганием тагута, и тот, кто не сторонится его (словом, делом и убеждением), тот противоречит всем посланникам! Сказал Всевышний: „Для тех, которые избежали поклонения тагуту и обратились к Аллаху, есть благая весть!“ В этих аятах доказательство на то, что является обязательным сторонение тагута, и доказательства многочисленны! И подразумевается под сторонением тагута вражда к нему, ненависть к нему сердцем, порицание и ругань его языком, и устранения его рукой, когда есть на это возможность (сила) и разлучения с ним! И тот, кто заявляет что сторонится тагута, и не совершает это, тот не является правдивым!»* (с.103).

Группа «чужие» обозначается также и описательно: **враги Аллаха и Его посланника, друзья шайтана, приверженцы религии ширка**: *«Коран и все небесные Писания которые ниспослал Аллах от первого до последнего – утверждают о ложности этой религии (ширка) и куфре его приверженцев. И что приверженцы религии ширка, враги Аллаха и Его посланника и что они друзья шайтана, и что Пречист Он не простит их и не примет от них ни одно деяние...»* (с. 45).

В книге предлагаются своеобразные характеристики мусульман, поведение которых «противоречит исламу»: *«1) Среди людей есть тот – кто поклоняется Одному Аллаху, однако не порицает ширк, и не враждует с его приверженцами; 2) Среди людей есть тот – кто враждует с ними (мушириками), однако не выносит им такфир; 3) Среди людей есть тот – кто не питает любви к Таухиду, ни ненависти; 4) Среди людей есть тот – кто выносит такфир муваххидам, заявляя что Таухид – это пороченье праведников; 5) Среди людей есть тот – кто не питает ненависти к ширку, ни любви; 6) Среди людей есть тот – кто не знает (что*

¹⁵ Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде/ Ансар, 2007. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/238/Джахилия>

¹⁶ URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/t/3.html> MuslimClub.ru

такое) ширк и не порицает его; 7) Среди людей есть тот – кто не знает (что такое) Таухид и не порицает его; 8) Среди людей есть тот – и этот вид самый опасный! Тот – кто действует по Таухиду, однако не познал его истинную значимость, не питает ненависти к тем, кто оставил его, и не выносит им такфир!; 9) Среди людей есть тот – кто оставил ширк, возненавидел его, однако не познал его истинную сущность (опасность), не враждует с его приверженцами и не выносит им такфир. И все они противоречат религии Аллаха (с. 47–48)».

Действия, которые совершают «неверные», также оцениваются негативно и к таким действиям относятся: **ширк** (араб. **كفرش** – язычество, политеизм) – в исламе буквально: придание Аллаху товарищей (равных) или поклонение чему-либо помимо Аллаха, часто переводится как многобожие. В Исламе считается самым большим грехом. Ширк – это уверовать в иную силу, кроме Аллаха как создателя и управляющего миром, а также придание атрибутов Аллаха другому. В том числе разновидностью ширка является искать прибежище и помощь у какой-либо иной силы в вопросах, которые подвластны лишь Аллаху. Как было указано выше, человек, совершающий ширк, называется «мушриком»¹⁷.

Куфр – восходит к арабскому «сокрытие», «утаивание». В виде термина священного шариата (в религиозном понимании) это понятие означает отрицание какого-нибудь одного утвержденного положения, переданного Пророком от Всевышнего Аллаха¹⁸. Согласно законам шариата – это грех неверия. Тот, кто впал в куфр, становится неверным (кафир). К куфру приводит отказ от выполнения предписаний ислама, отрицание хотя бы одного из столпов имана или ислама, многобожие, колдовство, самоубийство, лицемерие, высокомерие, прелюбодеяние и другие тяжкие грехи, которые делают тщетными все предыдущие благие деяния¹⁹.

Такфир (араб. **كفر**) – в исламе обвинение в неверии (куфре). Вопрос внешних признаков перехода человека из веры (иман) в неверие (куфр) является предметом спора между различными мусульманскими течениями, и зачастую эти мнения полностью противоречат друг другу. Сунниты считают, что человек, совершивший большие грехи, не становится неверующим, но становится грешным мусульманином (фасик). Согласно суннитским представлениям о вере, поступки людей связаны с их верой, которая может убавляться и прибавляться. Сунниты говорят о неверии, если человек отрицает существование Аллаха, исламскую доктрину о пророчестве, Коран и какую-нибудь из его частей, хотя бы одного из пророков, которые были упомянуты в Коране и хадисах, и других случаях²⁰.

Второй член оппозиции – «свой» – выражен также рядом лексем, куда входят как самые обобщенные наименования, так и лексемы, употребляющиеся только в текстах, отражающих точку зрения представителей радикального ислама. Для определения группы «свои» в таких текстах становится значимым не столько собственно наименование «истинных» мусульман, сколько система предьяв-

¹⁷ URL: <http://www.islam.az/article/a-367.html>

¹⁸ URL: <http://islam-today.ru/veroucenie/veroubezdenie/4-vida-kufra-neveria>

¹⁹ URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/k/15.html> MuslimClub.ru

²⁰ Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. Ансар, 2007. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/751/Такфир>

ляемых требований к этой группе, поведение которых с позиций авторов рассматриваемого источника может и должно соответствовать понятию «истинности».

Так, лексема **верующий** (верующие) употребляется с положительной коннотацией только в отношении лиц, исповедующих «истинный» ислам: «*Уповайте только на Аллаха, если вы являетесь верующими*» (с. 54). В отличие от общепринятого понимания, где верующим может быть назван любой религиозный человек, «тот (та), кто признает существование бога»²¹, в исламе верующие – мусульмане, богобоязненные рабы Аллаха, а также «иудеи, христиане и сабиты, которые уверовали в Аллаха и в Последний день и поступали праведно» (Коран, 2:11)²².

Дополнительной положительной коннотацией обладает и слово **мусульманин** (араб. муслим – предавший себя Богу, покорный), который является не просто последователем ислама, но обладает рядом качеств, свидетельствующих об «истинности» веры: «Мусульманин – истинно верующий, исповедующий ислам, следующий по пути Аллаха, убежденный в том, что Аллах – единственный Бог и что Пророк Мухаммад, мир ему и благословение, выбран Господом среди людей, чтобы проповедовать („читать вслух“) Священное Слово, обучая уверовавших истиной религии»²³.

К группе слов «свои» относится и лексема **муваххид** – «тот, кто что-то объединяет, или тот, кто делает что-то одним». Слово образовано от слова глагола «УаХхаДа» (دَحَوَّ) и, соответственно, от его отглагольного существительного «таУХиД» (دِيحَوَّت). И если слово «таУХиД» (دِيحَوَّت) принято переводить как «единобожие», то слово «муВаХхиД» (دَحَوِّم) переводится как «единобожник» или «монотеист». Таким образом, под этим словом подразумевается (или, по крайней мере, должен подразумеваться) человек, живущий в соответствии с убеждением таухида (единобожия)²⁴.

Значимым в плане религиозного поведения для «истинного» мусульманина является соблюдение **таухида** (единобожие, монотеистический догмат ислама о единственности и единстве Аллаха), а также учение о множественных атрибутах Аллаха (имена Аллаха)²⁵, **тавассуля** (араб. التَّوَسُّلُ) – религиозной практики, в которой мусульманин ищет близости к Аллаху (там же), **хиджры** – обязательное переселение на земли, где действуют законы шариата и которое обусловлено причинами социальной сегрегации в связи с принадлежностью к исламу: «*Всевышний Аллах – Пречист Он, вменил в обязанность на Своего раба, совершение хиджры из земель мушириков, отдаление от них, отсутствие сожительства с ними, и смешения с ними в одном обществе! Также, вменил ему в обязанность, проявлять вражду к ним, и выявлять им враждебность и ненависть (на основании Таухида Аллаха), ясным образом заявляя им об этом!*» (с. 122).

²¹ Источник (печатная версия): Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://kartaslov.ru>

²² URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/v/6.html> MuslimClub.ru

²³ URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/v/6.html> MuslimClub.ru

²⁴ URL: <https://www.whyclam.to/main/edinobozhie.htm>

²⁵ URL: <http://muslimclub.ru/znanie/words/t/10.html> MuslimClub.ru

В контексте рассматриваемого источника к «истинным мусульманам» предъявляется ряд требований, связанных с обязательностью их выполнения по отношению к немусульманам. В частности, обязательным является проявление ненависти и враждебности к этим лицам: *«И основа религии всех Посланников это: Стоять на Таухиде, любить его, любить его приверженцев, проявлять муваля (дружеское отношение. – А.К.) к ним, отказаться от ширка и делать таффир его приверженцем, ненавидеть их, и выявлять им враждебность! (...) И смысл Слов Его: „Установились вражда и ненависть“, то есть стали явными и очевидными, и имеется ввиду, ясное заявление о продолжительной вражде и ненависти тому, кто не является муваххидом! И тот, кто знает это, и поступает таким образом, и ясно заявляет о своей вражде к муширикам, так что знают это от него люди его местности, тому хиджра не является обязательной, в какой бы местности он не находился!»* (с. 109–110).

Следующее предписание для мусульман связано с обязательным «выходом» из страны, где мусульманин не может открыто «выявлять» свою религию, в связи с чем требования хиджры («переселения») и джихада, понимаемого как путь вооруженной борьбы за «истинный» ислам, рассматриваются в качестве главного способа достижения рая: *«Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал тому, кто остановился от принесения ему присяги, на совершение хиджры, и джихада: «И если не будет хиджры, ни джихада?! Так посредством чего же ты тогда войдешь в Рай?!»* (с.132).

К числу обязательных относится и требование унижать кафиrow, требование физического уничтожения и захвата имущества кафиrow; требование к «верующим» убивать, погибать за веру, отдавать свое имущество ради достижения рая и приближения к «истинной» вере, побуждение к джихаду; при этом чаще всего используется прием апелляции к «авторитетным» источникам: *«Мы будем унижать кафиrow, и проливать их кровь, и захватывать их имущество в качестве трофеев, с дозволения Аллаха и Его помощью, и совершаем мы это так, как следуем за ниспосланным нам, и не вводим новшеств, и подчиняемся Аллаху и Его Посланнику, и приближаемся посредством этого к Аллаху, и надеемся на великую награду, посредством Слов Всевышнего: „Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте мушириков, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду! Если же они раскаются и станут совершать намаз и выплачивать закат, то отпустите их, ибо Аллах – Прощающий, Милосердный“ И Слов Его: „Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение и пока религия (поклонение) не будет полностью посвящена Аллаху. Если же они прекратят, то ведь Аллах видит то, что они совершают! Но если они отвернутся, то да будет вам известно, что Аллах является вашим Покровителем. Как прекрасен этот Покровитель! Как прекрасен этот Помощник!“ И Слов Всевышнего: „Когда вы встречаетесь с кафирами на поле боя, то рубите им шеи!“ И Слов Его: „Сражайтесь с ними! Аллах накажет их вашими руками, опозорит их и одарит вас победой*

над ними!“ *И мы стремимся к великой награде уготованной Аллахом, где сказал Всевышний: „Воистину, Аллах купил у верующих их души и имущество в обмен на Рай. Они сражаются на пути Аллаха, убивая и погибая! Таково Его обещание и обязательство в Таурате (Торе), Инджиле (Евангелии) и Коране...“ [...]*И нет у нас занятия, кроме джихада, и нет у нас средств к пропитанию, кроме имущества кафи́ров!» (с. 138–139); «Сказал Всевышний: „Вам предписано сражаться!“ Нет сомнения – что обязанность совершения джихада останется до Судного Дня, и возлагается на верующих!» (с. 146–147).

Заключение. Таким образом, в ходе исследования установлено, что реальность оппозиции «свой – чужой» может быть конкретизирована в виде оппозиций (вариантов), выраженных прямой конкретизацией (мы – они), оценочных оппозиций (хороший – плохой, правильно – неправильно, истинный – неистинный), аффективно-социальных и социальных оппозиций (друг – враг), связанных с конфессиональной отнесенностью (мусульманин – немусульманин). Отношения «своего» и «чужого» определяют негативное отношение к представителям других конфессий и неверующим, не только влияют на сознание прямых адресатов – мусульман, но и формируют поведенческие стратегии, взаимоотношения, в основе которых лежат вражда и ненависть.

Оценочность оппозиции «свой – чужой» означает, что «они»-восприятие происходит через «мы»-ощущение. Направление оценки происходит от «мы» к «они». Такая оценка осуществляется через соответствие-несоответствие норме (здесь: истинности), которая определяется как система эталонов действия. Отмечено, что если «свой» воспринимается как норма, то «чужой» часто подразумевает ее нарушение. Особенности оппозиции «свой – чужой» таковы, что соответствующее представление о «чужом» и его негативное восприятие наблюдается в текстах радикальной направленности, к каковым следует отнести исследуемый источник.

Библиографический список

1. Моровов Д.В. Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте (на материале Рунета): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. URL: <https://diss.unn.ru/files/2016/638/diss-Morovov-638.pdf>
2. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики: 1985–1987. М., 1989.

Сведения об авторе

Кипчатова Алла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: allakipchatova@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-12>

IMPLEMENTATION OF THE “FRIEND-OR-FOE” OPPOSITION IN THE LANGUAGE OF EXTREMIST LITERATURE

A.V. Kipchatova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

One of the hottest and priority areas of modern linguistics remains the in-depth study of semantic oppositions including conceptual opposition of “friend” and “foe”, which is significant in defining religious perceptions of different nations. The archetypal opposition of “friend” and “foe” in the perceptions of a modern person still remains one of the most important operations in the process of understanding the world. At the same time, this opposition is interpreted in axiological terms, namely in this opposition, which is implemented in the religious perceptions of those who represent radical Islam. The reality of the “friend-or-foe” opposition is concretized in the form of oppositions (variants), expressed by direct specification (us – them), evaluative oppositions (good – bad, right – wrong, true – false), affective-social and social oppositions (friend – enemy) or related to confessional denotation (Muslim – non-Muslim).

Keywords: *opposition “friend-or-foe”, lexeme, religious ideas, radical Islam, negative and positive evaluation.*

Bibliograficheskij spisok

1. Morovov D.V. (2016) Verbal'nye sredstva manipulyacii v russkoyazychnom ekstremistskom tekste (na materiale Runeta): dis. ... kand. filol. nauk [Verbal means of manipulation in the Russian-language extremist text (based on the material of Runet)]. URL: <https://diss.unn.ru/files/2016/638/diss-Morovov-638.pdf>
2. Pen'kovskij A.B. (1989) O semanticheskoy kategorii «chuzhdosti» v russkom yazyke [On the semantic category of “alien”] // Problemy strukturnoj lingvistiki [*Problems of structural linguistics*].

About the author

Alla Vasilievna Kipchatova – Candidate of Philology, associate professor, Department of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: allakipchatova@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи: очень кратко, постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution.

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (транслитерация и перевод);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

Библиографический список

1. Голуб Г.Б., Фишман И.С., Фишман Л.И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–173.

2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 274 с.

3. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 21–26.

4. Шкерина Л.В. Междисциплинарные модули в программе бакалавриата педагогического направления подготовки: проектирование и реализация // Образование и общество. 2015. № 1 (90). С. 65–70.

5. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

Bibliograficheskiy spisok

Образец оформления

При ссылке на русскоязычный источник обязательны транслитерация и перевод (текст на английском языке заключается в квадратные скобки):

Iakovlev I.I., Khasan P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs, *In Sovetskaia arkheologiya Soviet archeology*]. 2015. № 1. S. 5–10. DOI:

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

APA Style (2011). URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (data obrashheniya: 05.02.2011).

About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2019. № 2 (6)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста В.Е. Пэшко
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-82

Подготовлено к изданию 23.04.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 12,8